

**Редакционный совет научного журнала
«Вестник НГУ. Серия: История, филология»**

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зуев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)

А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)

А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Польша)

С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)

В. А. Ламин чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)

Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)

Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)

Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)

И. В. Силантьев чл.-кор. РАН, д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «Востоковедение»

Ответственные редакторы

- Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)
С. А. Комиссаров канд. ист. наук, доц. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Ответственный секретарь

- А. В. Варёнов канд. ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редколлегии

- С. А. Арутюнов чл.-кор. РАН, доктор исторических наук, профессор (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия)
Ван Вэй член Академии наук КНР, чл.-кор. Германского археологического института, д-р литературы, д-р истории, проф. (Институт археологии, Пекин, КНР)
Н. Л. Жуковская д-р ист. наук (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия)
Кан Инук д-р истории, проф. (Университет Кен Хи, Сеул, Республика Корея)
А. И. Кобзев д-р филос. наук, проф. (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия)
О. П. Кобзева д-р ист. наук, проф. (Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека; Университет мировой экономики и дипломатии, Ташкент, Республика Узбекистан)
Н. В. Кутафьева канд. филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)
Ли Хонджон д-р истории, проф. (Национальный университет Мокихо, Республика Корея)
А. А. Маслов д-р ист. наук, проф. (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия)
А. Н. Мещеряков д-р ист. наук, проф. (НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия)
Г. Парцингер д-р истории, проф. (Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия)
В. Н. Пластун д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
П. Э. Подалко д-р истории, проф. (Университет Аояма Гакуин, Токио, Япония)
Н. В. Сухадолник д-р истории, проф. (Университет Любляны, Словения)
Ж. К. Таймагамбетов чл.-кор. АН Высшей школы Республики Казахстан, д-р ист. наук, проф. (Национальный музей Казахстана, Астана, Республика Казахстан)
Такакура Хироки д-р истории, проф. (Университет Тохоку, Япония)
Такэда Масанао д-р педагогики, почетный проф. (Университет Хоккайдо, Япония)
Л. фон Фалькенхаузен д-р истории, проф. (Калифорнийский университет, Лос-Анджелес, США)
Е. Л. Фролова канд. ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Advisory Board of Academic Journal

“Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

Vyacheslav I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

Andrey S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

Sergey G. Skobelev Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Khizri A. Amirkhanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Bence Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)
Elena E. Voytishek Doctor of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tomash Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)
Andrey V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

Arkadiy E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)
Anatolii P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Jacques Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)
Olga D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Gabriella E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)
Aleksander K. Kiklevich Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)

Stephen M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)
Vladimir A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

Hermann Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

Hugues Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)
Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

Peter Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)
Igor V. Silantev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

Tomas Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)
Yuriy V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “Oriental Studies”

Executive Editors

Elena E. Voytishek	Doctor of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
Sergey A. Komissarov	Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Executive Secretary

Andrey V. Varenov	Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
-------------------	---

Board Members

Sergey A. Arutyunov	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
Wang Wei	Member of the Chinese Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Literature), Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology, Beijing, China)
Nataliya L. Zhukovskaya	Doctor of Sciences (History) (Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
Kang Inuk	Doctor of Sciences (History), Professor (Kyung Hee University, Seoul, Republic of Korea)
Artem I. Kobzev	Doctor of Sciences (Philosophy), Professor (Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
Olga P. Kobzeva	Doctor of Sciences (History), Professor (National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek; University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Uzbekistan)
Nataliya V. Kutafyeva	Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
Lee Heonjong	Doctor of Sciences (History), Professor (Mokpo National University, Republic of Korea)
Aleksey A. Maslov	Doctor of Sciences (History), Professor (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation)
Aleksandr N. Mescheryakov	Doctor of Sciences (History), Professor (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation)
Germann Parzinger	Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)
Vladimir N. Plastun	Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
Petr E. Podalko	Doctor of Sciences (History), Professor (Aoyama Gakuin University, Tokyo, Japan)
Natasha V. Suhadolnik	Doctor of Sciences (History), Professor (University of Ljubljana, Slovenia)
Zhaken K. Taymagambetov	Corresponding Member of Academy of Sciences of the Kazakstan Higher School, Doctor of Sciences (History), Professor (Kazakstan National Museum, Astana, Republic of Kazakstan)
Takakura Hiroki	Doctor of Sciences (History), Professor (Tohoku University, Sendai, Japan)
Takeda Masanao	Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor emeritus (Hokkaido University, Sapporo, Japan)
Lothar von Falkenhausen	Doctor of Sciences (History), Professor (University of California, Los Angeles, USA)
Evgeniya L. Frolova	Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

ВЕСТНИК НГУ

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2023. Том 22, № 10: Востоковедение

СОДЕРЖАНИЕ

Археология стран Азии

Денисенко В. Л. Звериный стиль в петроглифах долины Верхнего Инда (Ладакх, Гил-гит-Балтистан)	9
Комиссаров С. А., Соловьев А. И. К вопросу о дяньских поселениях	22
Стоякин М. А. О первой столице Когурё	34

Источниковедение Восточной Азии

Шавкунов В. Э. Происхождение <i>мохэ</i> по данным летописных источников	46
Шмакова А. С., Войтишек Е. Э. Письменные источники эпохи Корё о благовониях и буддийских ольфакторных практиках на Корейском полуострове	56
Янь Миньсян. Новые источники о русско-корейских контактах в первой четверти XIX века	67

История Восточной Азии

Стеженская Л. В. Монголовед О. М. Ковалевский о китайской книге «Мин синь бао цзянь»: по следам одной дневниковой записи	77
Зорихин А. Г. Эволюция взглядов руководства Японии на военную угрозу со стороны России в 1895–1916 годах	89
Кульнева П. В. «Война сопротивления японским захватчикам»: формирование образа агрессора у китайской компартии	101

Геополитика Юго-Восточной Азии

- Луонг Тхи Хонг.* Братская поддержка: экономическая помощь Вьетнаму во время Американской войны (1954–1975) (на англ. яз.) 113

- Чан Нгок Зунг.* Стратегическое соперничество Китая и США в районе Нижнего Меконга и позиция Вьетнама (на англ. яз.) 122

Литература и лингвистика стран Азии

- Десницкая Е. А.* Лингвистический абсолютизм в «Вакъяпадии» Бхартрихари 132

- Анофриева Д. С.* Проблемы прочтения ксилографа D-86 «Самсольги джун» 143

Хроника

- Варенов А. В.* XII Международная научная конференция «Древние культуры Монголии, Байкальской и Южной Сибири и Северного Китая» 153

- Информация для авторов 158

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2023, vol. 22, no. 10: Oriental Studies

CONTENTS

Archaeology of Asian Countries

<i>Denisenko V. L.</i> Animal Style in Petroglyphs of the Upper Indus Valley (Ladakh, Gilgit-Baltistan)	9
<i>Komissarov S. A., Solovyev A. I.</i> On the Problem of Dian Settlements	22
<i>Stoyakin M. A.</i> About the First Koguryo Capital	34

Source Studies of East Asia

<i>Shavkunov V. E.</i> The Origin of <i>Mokhe</i> According to Chronicle Sources	46
<i>Shmakova A. S., Voytishchuk E. E.</i> The Written Sources of the Goryeo Period about Incense and Buddhist Olfactory Practices on the Korean Peninsula	56
<i>Yan Minxiang.</i> The New Sources on Russian-Korean Contacts in the First Quarter of the 19 th Century	67

History of East Asia

<i>Stezhenskaya L. V.</i> Mongolist Józef Kowalewski Apropos the Chinese Book “ <i>Ming Xin Bao Jian</i> ”: Following up a Diary Entry	77
<i>Zorikhin A. G.</i> The Evolution of Views of the Japanese Leadership on the Military Threat from Russia in 1895–1916	89
<i>Kulneva P. V.</i> The “War of Resistance against Japan”: Shaping the Image of the Aggressor by the Chinese Communist Party	101

Geopolitics of South-East Asia

- Luong Thi Hong.* Brotherly Support: Economic Aid to Vietnam during the American War (1954–1975) 113

- Tran Ngoc Dung.* China-US Strategic Competition in the Lower Mekong Region and Vietnam's Position 122

Literature and Linguistics of Asian Countries

- Desnitskaya E. A.* Linguistic Absolutism in Bhartṛhari's "Vākyapadīya" 132

- Anofrieva D. S.* Problems of Reading the Text of Xylograph D-86 "Samseolgi jung" 143

Chronicle

- Varenov A. V.* XII International Scientific Conference "Ancient Cultures of Mongolia, Baikal and Southern Siberia, and Northern China" 153

- Instructions to Contributors 158

Научная статья

УДК 902.01

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-9-21

Звериный стиль в петроглифах долины Верхнего Инда (Ладакх, Гилгит-Балтистан)

Валерия Леонтьевна Денисенко

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

valerialeontyevna@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2642-1415>

Аннотация

Статья посвящена историографическому анализу проблеме выделения звериного стиля в петроглифах долины Верхнего Инда (Ладакх, Гилгит-Балтистан), его хронологической и культурной атрибуции. Рассмотрены основные концептуальные положения, выдвинутые К. Йеттмаром, Х. Гауптманом, А.-П. Франкфортом, а также их последователями – Л. Брюно, М. Вернье, Дж. В. Белецца. На основе опубликованных материалов выделяются памятники, на которых имеются изображения, выполненные в зверином стиле, указывается их географическое положение и основные мотивы наскальных изображений. Результатом проведенного исследования стало предположение о том, что появление искусства в зверином стиле в долине Верхнего Инда связано с серией миграционных волн как с запада и северо-востока (из Ирана, Памира, Синьцзяна), так и с востока (из Северного Китая). В процессе проникновения нового стиля наскального искусства в каждой области проявлялись локальные особенности.

Ключевые слова

Ладакх, Гилгит-Балтистан, Северная Индия, историографический анализ, звериный стиль, петроглифы

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10121, <https://rscf.ru/project/22-78-10121>

Для цитирования

Денисенко В. Л. Звериный стиль в петроглифах долины Верхнего Инда (Ладакх, Гилгит-Балтистан) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10: Востоковедение. С. 9–21. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-9-21

Animal Style in Petroglyphs of the Upper Indus Valley (Ladakh, Gilgit-Baltistan)

Valeria L. Denisenko

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

valerialeontyevna@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2642-1415>

Abstract

The purpose of the article is to conduct a historiographical analysis of the main approaches to the problem of distribution of petroglyphs made in the animal style on the territory of the Upper Indus valley, as well as their cultural and

© Денисенко В. Л., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10: Востоковедение. С. 9–21
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 10: Oriental Studies, pp. 9–21

chronological attribution. For the Early Iron Age of the Upper Indus valley, rock carvings are the main archaeological source, since there are very few studied archaeological sites belonging to this period; mostly stray finds are known. It is the animal-style petroglyphs that are an effective tool for detecting migrations. However, the issues related to the establishment of the cultural identity of the images, their dating and the ways of penetration of Central Asian peoples into the Upper Indus Valley are still unresolved. The main conceptual propositions put forward by K. Jettmar, H. Hauptman, A.-P. Frankfort, as well as their followers – L. Bruno, M. Vernier, J. V. Belezza are considered. On the basis of the published materials, sites are distinguished, on which there are images made in the animal style, their geographical location and the main motives of rock carvings are indicated. The result of the study was the assumption that the appearance of animal-style art in the Upper Indus valley is associated with a series of migration waves, both from the west and northeast (Iran, Pamir, Xinjiang) and from the east (Northern China). In the process of the penetration of a new style of rock art, local peculiarities were manifested in each area.

Keywords

Ladakh, Gilgit-Baltistan, Northern India, historiographical analysis, animal style, petroglyphs

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-78-10121, <https://rscf.ru/en/project/22-78-10121>

For citation

Denisenko V. L. Animal Style in Petroglyphs of the Upper Indus Valley (Ladakh, Gilgit-Baltistan). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 10: Oriental Studies, pp. 9–21. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-9-21

Введение

В долине Верхнего Инда вдоль древних миграционных путей, пересекающих перевалы Гиндукуша, Каракорума и Западных Гималаев, находятся уникальные местонахождения наскальных изображений. Петроглифы раннего железного века, расположенные в северо-индийском регионе Ладакх и северо-пакистанском регионе Гилгит-Балтистан, демонстрируют их включенность в орбиту скифоидных культур. Звериный стиль со своим уникальным набором образов является важным индикатором принадлежности определенного народа к культурному «пространству» евразийских степей I тыс. до н. э. – середины I тыс. н. э. Как отмечал Д. Г. Савинов, звериный стиль позволительно воспринимать как маркёр, как некую общую характерную черту, которая демонстрирует принадлежность к «скифскому миру» [Савинов, 2003, с. 53]. Естественно, в силу географических особенностей его территории, от Центральной Европы до Восточного Китая, разделяется на провинции и каждой из них присущи определенные черты, свойственные только ей и отчасти соседним провинциям.

Для раннего железного века долины Верхнего Инда наскальные изображения являются основным археологическим источником, так как крайне мало исследованных археологических памятников относится к данному периоду, преимущественно известны случайные находки. Именно петроглифы в зверином стиле выступают эффективным инструментом для выявления миграций. Однако вопросы, связанные с установлением культурной принадлежности изображений, их датировки и путей проникновения центральноазиатских народов в долину Верхнего Инда до сих пор являются не решенными. Таким образом, в задачи данного исследования входит историографический анализ с целью рассмотрения основных подходов к проблеме культурной и хронологической атрибуции петроглифов Верхнего Инда.

Ладакх в Индии

Самое раннее упоминание о петроглифах в Ладакхе опубликовано австро-венгерским исследователем и лингвистом Кароли Йено Уйфалви де Мезекевесд [Ujfalvy, 1884, S. 248]. Планомерные исследования региона были начаты в 1980-х гг. благодаря деятельности MAFAC (Mission Archéologique Française en Asie Centrale / Французская археологическая миссия в Центральной Азии). Первый обстоятельный труд, посвященный петроглифам Ладакха, был написан Анри-Поль Франкфортом с соавторами Даниэлем Клодзински и Жоржем Масклем [Francfort et al., 1992]. Исследователи опубликовали петроглифы, относящиеся

к бронзовому и железному векам, а также привели обширный корпус аналогичных изображений из Гилгит-Балтистана и Западного Тибета, отметив свидетельства связей с Центральной Азией (Казахстан, Алтай, Монголия) [Francfort et al., 1992, p. 147, 150, 156, fig. 13, 15–16, 26]. Аналогиями из Китая выступили нефритовые украшения в форме оленей из гробницы Жуцзячжуан, Западная Чжоу, Шэньси, IX в. до н. э. и китайские бронзовые изделия VI–V вв. до н. э. [Ibid., p. 151, 154, fig. 9–11, 21]. Хотя было рассмотрено всего около десяти наскальных изображений из Ладакха в зверином стиле, А.-П. Франкфор предложил примерную датировку, основанную на межрегиональных аналогиях VII–IV вв. до н. э. [Ibid., p. 181]. Дальнейшие исследования А.-П. Франкфора привели его к поиску основного пути проникновения звериного стиля в долину Верхнего Инда из Синьцзяна. Он приходит к выводу, что такие памятники, как Сянбаобао, Люшуй, Яньбулакэ, Чжагунылукэ, Сатма-Мазар, Янхай, «связаны с миром, называемым скифо-сибирским или сакским середины I тыс. до н. э.»¹ [Francfort, 2001, p. 55].

С конца XX в. независимый швейцарский ученый Мартин Вернье начинает работать над тщательной документацией петроглифов Ладакха. В своем первом обобщающем исследовании автор отметил, что часть изображений «можно связать с хорошо известным миром петроглифов Центральной Азии и Южной Сибири» [Vernier, 2007, p. 29–30, 66]. М. Вернье провел стилистико-типологический анализ петроглифов и пришел к выводу, что выделенная им подгруппа С является результатом контакта центральноазиатских народов и местного населения [Ibid., p. 79]. Также М. Вернье отмечает, что подобные орнаментальные украшения тела с помощью кругов, завитков и волют на плечах и бедрах животных засвидетельствованы в культуре хунну, причем общая форма тела также в некоторой степени схожа [Vernier, 2016, p. 91].

С 2006 г. к исследованиям М. Вернье присоединилась ученица А.-П. Франкфора Лорианна Брюно. В своей диссертации Л. Брюно упоминает о 85 зооморфных петроглифах в зверином стиле в Ладакхе, орнаментированных волютами и спиралью, однако опубликованы только 57 изображений [Bruneau, 2010, t. 1, p. 243, 245; Bruneau, Vernier, 2007, p. 25]. Исследователь включила около 125 памятников наскального искусства в свою диссертацию, но в настоящее время в Ладакхе известно не менее 360 памятников, и с каждым годом их обнаруживается всё больше². Тем не менее, наскальных изображений в зверином стиле в регионе относительно немного. Л. Брюно проанализировала петроглифы Ладакха со статистической точки зрения, сравнивая их с петроглифами Центральной Азии и Тибета, продолжая исследования своего научного руководителя А.-П. Франкфора. Автор хотя и приводит множество аналогий с других территорий Евразии, но не рассматривает, «как, когда, откуда и кем звериный стиль был введен в Ладакх», а «стремится предоставить все данные, необходимые для такого будущего анализа», датируя изображения в широком диапазоне – I тыс. до н. э. [Bruneau, 2010, t. 1, p. 28]. В 2007 г. Л. Брюно и М. Вернье опубликовали статью, посвященную звериному стилю Ладакха, где они провели краткий анализ выявленных изображений для уточнения распределения петроглифов звериного стиля, их численного значения в отношении всего наскального искусства данной территории. Также исследователи определили характерные черты и мотивы: выделение мышц на теле, состоящих из S-образных мотивов, позы на цыпочках, сцены преследования [Bruneau, Vernier, 2007, p. 6]. В этой работе исследователи связывают данные петроглифы с сакским влиянием.

Одним из ведущих специалистов по археологии и истории Тибетского нагорья является Джон Винсент Белецца. Основным объектом его исследования выступают материалы тибетского уезда Рутог, которые он анализирует с привлечением широкого круга источников

¹ Автор оперирует такими расплывчатыми понятиями, так как область общих художественных представлений широко распространена – от степей Центральной Азии до высоких долин Северной Индии.

² Devers Q., Mehta V., Ldawa T. A review of rock art discoveries in Ladakh over the last fourteen decades. 2017. P. 4. URL: <http://www.tibetarchaeology.com/september-2017/> (дата обращения 29.06.2023).

со всей Евразии. Наскальное искусство Тибета и Ладакха он датирует второй половиной I тыс. до н. э., связывая с сакским влиянием [Bellezza, 2020, р. 140, 145]. Дж. В. Белецца считает, что «обмен и аккультурация, а не миграция и ассимиляция, по-видимому, были основными механизмами передачи искусства звериного стиля евразийских степей на Тибетское нагорье» [Ibid.].

В 2013 г. Л. Брюно и Дж. В. Белецца на основании близкого художественного стиля наскального искусства Ладакха и Западного Тибета (Рутог) выдвинули новый термин – «стиль Западного Тибетского плато» [Bruneau, Bellezza, 2013, р. 123–129; fig. IV.11–IV.21; р. 143, fig. V.24; р. 144, fig. V.25]. Авторами выделены восемь типов изображений, характеризующие этот стиль: яки и охота на яков; олени и каприды; кошачьи; лошади; всадники на лошадях; кхьюнг; необычные антропоморфы; нефигуративные изображения [Ibid., р. 59–60]. Выделенный авторами стиль объединяет разновременные изображения – от неолита до буддийского времени (1500-е гг. до н. э. – 1300-е гг. н. э.) [Ibid., р. 8–9]. Вследствие этого он не охватывает весь художественный репертуар регионов. Существует много петроглифов, характерных только для Ладакха и только для Западного Тибета, которые явно отличают эти регионы друг от друга. Относительно звериного стиля исследователи полагают, что его проникновение в регион произошло в середине I тыс. до н. э. из Центральной Азии. При этом древние культурные черты массово сохранялись вprotoисторическом и раннеисторическом периодах (100 г. до н. э. – 650 г. н. э.), являясь анахроничным продолжением железного века [Ibid., р. 51–52].

В 2016 г. новые группы петроглифов в Занскаре были открыты и исследованы Н. В. Полосьмак в ходе работы российско-индийской экспедиции на западе Гималаев, но изображений в интересующем нас зверином стиле среди них нет [Полосьмак и др., 2018]. Недавно географический диапазон наскальных изображений в зверином стиле, близких по иконографии к петроглифам долины Верхнего Инда, был расширен до Восточного Тибета. Среди петроглифов в зверином стиле около двух десятков диких оленей и яков, декорированных двойными волютами [Belezza, 2020, р. 121]. На основе опубликованных материалов можно отметить памятники Тацион, Сайкан, Гэнчжо, Майсун [Wenjing, Xiaokun, 2021, fig. 8, 11; Man et al., 2022, fig. 17, 20]. Уникальным петроглифом в зверином стиле для данного региона является изображение оленя из Тациона в жертвенной позе с подогнутыми ногами и с двойной волютой [Ibid., fig. 8]. Если раньше у исследователей были сомнения в том, что Цинхай может служить одним из «коридоров» продвижения петроглифической традиции древних кочевников в Тибет [Комиссаров и др., 2008, с. 106], то новые открытия петроглифов, выполненных в зверином стиле, имеющих предметное, тематическое и стилистическое сходство с петроглифами Верхнего Тибета, маркируют возможный миграционный путь культуры скифского облика из Северного Китая.

Характеристика памятников и стиля Ладакха

На сегодняшний день опубликованы материалы по 18 памятникам Ладакха, где обнаружены петроглифы в зверином стиле (рис. 1). Они расположены преимущественно вдоль рек Инда и Занскара, в долинах Инд, Нубра. Также они были обнаружены в долине Каргил, но не опубликованы. Согласно проведенным полевым исследованиям, на различных участках количество петроглифов в зверином стиле относительно общего количества незначительно [Bruneau, Vernier, 2007, р. 28]. Например, на Замтанге из 825 обнаруженных петроглифов, только 14 выполнены в зверином стиле. Исключением является Домкхар, где из 154 петроглифов 44 относятся к звериному стилю, но полностью не опубликованы [Ibid., р. 29].

Все петроглифы выполнены в контурной выбивке, часть из них дополнительно прошлифована. Самыми распространенными зооморфными наскальными изображениями являются: олени (13), горные козлы (11), яки (3), лошади (3) (рис. 2, 1–26). Только четыре изображения из Домкхара, Дачи Зампа, Канутце и Стагмо не орнаментированы (рис. 2, 3, 4, 8, 17, 38), все

остальные изображения копытных сопровождаются различными орнаментальными мотивами, вписанными в тела животных: двойная волюта, завитки на плече или бедре, продольные полосы, круги, точки и линии, подчеркивающие мышцы животного (рис. 2, 1, 2, 5–7, 9–16, 18–33, 35–37, 39–41). Все рога оленей изображены по-разному, в анфас (видны сразу два рога) или в профиль (рис. 2, 1–11). Имеются изображения копытных с обращенной назад головой, три из которых олени, на Пляже Баджо Батто, Тангце, Хару, Чар (рис. 2, 4, 9, 11, 40, 41).

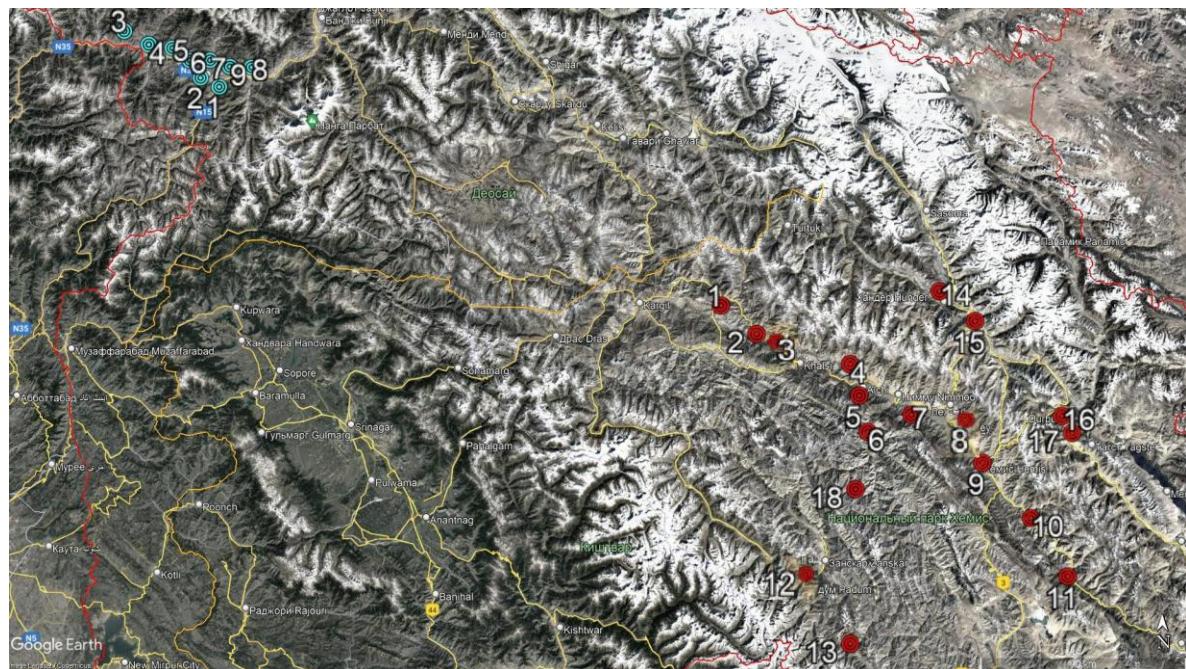

Рис. 1. Карта памятников с петроглифами в зверином стиле долины Верхнего Инда:

Ладакх в Индии (отмечены красным): 1 – Канутсе; 2 – Между Лехдо и Чумитанг; 3 – Домкхар; 4 – Алчи; 5 – Яру Зампа; 6 – Долина Чиллинг; 7 – Чоксти; 8 – Стагмо; 9 – Хару; 10 – Пляж Баджо Батто; 11 – Киари; 12 – Замтанг; 13 – Чар; 14 – Дискит; 15 – Юлкам Топко; 16 – Дурбук 1; 17 – Тангце; 18 – Даши Зампа; Гилгит-Балтистан в Пакистане (отмечены зеленым): 1 – Талпан; 2 – Чилас; 3 – Минар Гах; 4 – Ходар; 5 – Дадам Дас; 6 – Гичой Дас; 7 – Ошибат; 8 – Хомар Дас; 9 – Дарбарати Дас

Fig. 1. Map of monuments with petroglyphs in the animal style of the Upper Indus Valley:

Ladakh in India (marked in red): 1 – Kanutse; 2 – Between Lehdo and Chumitang; 3 – Domkhar; 4 – Alchi; 5 – Yaru Zampa; 6 – Chiling valley; 7 – Choksti; 8 – Stagmo; 9 – Kharu; 10 – Bajro Battu Beach; 11 – Kiari; 12 – Zamthang; 13 – Char; 14 – Discit; 15 – Yulkam Topko; 16 – Durbuk 1; 17 – Tangtse; 18 – Dacha Zampa. Gilgit-Baltistan in Pakistan (marked in green): 1 – Thalpan; 2 – Chilas; 3 – Minar Gah; 4 – Hodar; 5 – Dadam Das; 6 – Gichoy Das; 7 – Oshibat; 8 – Khomar Das; 9 – Darbarati Das

Петроглифы с изображением хищников встречаются на следующих памятниках: Домкхар (9), Замтанг (5), Чанга (1), Стагмо V (1), Сумдо 2 (1), Киари (1) и Тангце (2) (рис. 2, 28–43). Сцены преследования представлены на Домкхаре, Тангце, Хару, Замтанг, Киари – распределены равномерно по всему региону Ладакх (рис. 2, 37–41). Важно отметить, что несколько сцен преследования из Тангце в Ладакхе и Римодонга, Рутог в Западном Тибете³

³ А. В. Варенов провел подробный стилистический анализ изображений с памятника Римодонг (пункты 8, 12, 13 группы 1), которые аналогичны изображениям из Тангце [Варенов, 2021]. На двух плоскостях имеются палимпсесты, которые важны для хронологии петроглифов региона [Там же, с. 45].

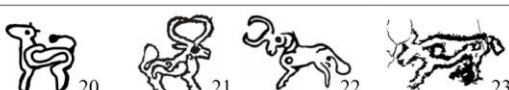
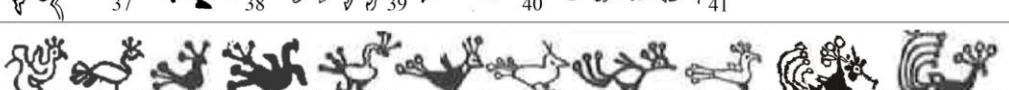
Олени	
Горные козлы (мрс)	
Яки (крс)	
Лошади	
Хищники	
Сцены преследования	
Птицы (петухи-фениксы)	
	

Рис.2. Петроглифы в зверином стиле Ладакха, Северная Индия:

Тангце: 9, 41; долина Чиллинг: 31 по [Thasngspa, 2014, fig. 1.14, 1.4.b], 10, 32; Хары: 40; Домкхар: 1, 2*, 3, 6, 7, 14, 23, 25, 30 по [Thasngspa, 2014, fig. 1.11.e, 1.11.b, 1.11.c, 1.11.f, fig. 1.11.a, 1.11.g], 5 по [Vernier, 2007, Ill. 24], 15, 29 по [Vernier, Bruneau, 2017, fig. 5, 6], 22 по [Bruneau, Bellezza, 2013, fig. IV.16], 39; Дачи Зампа: 4; Яру Зампа: 34; Канутсе: 8; Алчи: 36 по [Bruneau, 2010, t. 4., ill. IV-31, IV-46, III-47, III-14.a, III-48.b]; Чар: 11; Чоксти: 24 по [Francfort et al., 1992, fig. 20, 7]; Дурбук 1: 12**; между Лехдо и Чумитанг: 13; Киари: 26, 27, 37 по [Bellezza, 2020, fig. 7.17, 7.19]; Дискит: 16, 20, 28 по [Devers et al., 2015, p. 37]; Стагмо: 17; Замтанг – 23, 35, 38 по [Vernier, 2016, fig. 5, 31, 32, 39]; Пляж Баджро Батто: 33 по [Bruneau, Bellezza, 2013, fig. V.21]; Юлкам Топко: 18, 19***; петроглифы птиц с разных памятников: 42–55 по [Vernier, Bruneau, 2017, fig. 21.3.F]

(* Thasngspa T. L. Petroglyphs of Ladakh. 2021. Fig. 7.g, 7.e, 8, 7.e, 20.a. URL: <https://www.sahapedia.org/petroglyphs-ladakh> (дата обращения 20.06.2023); ** Mehta V. The Hidden Rock Art of Ladakh. 2017. Fig. 8. URL: <https://www.tibetarchaeology.com/may-2017/> (дата обращения 30.06.2023); *** Vernier M., Bruneau L. Mission archéologique franco-indienne au Ladakh. Archive ouverte HAL. Rapport. 2015 Fig. 5. URL: <http://www.mafil.org/wp-content/uploads/2013/04/MAFIL-2015-rapport-web.pdf> (дата обращения 30.06.2023))

Fig.2. Petroglyphs in the animal style of Ladakh, Northern India:

Tangtse: 9, 41; Chiling valley: 31 by [Thasngspa, 2014, fig. 1.14, fig. 1.4.b], 10, 32; Kharu: 40; Domkhar: 1, 2*, 3, 6, 7, 14, 23, 25, 30 by [Thasngspa, 2014, fig. 1.11.e, 1.11.b, 1.11.c, 1.11.f, fig. 1.11.a, 1.11.g], 5 by [Vernier, 2007, Ill. 24], 15, 29 by [Vernier, Bruneau, 2007, fig. 5, 6], 22 by [Bruneau, Bellezza, 2013, fig. IV.16], 39; Dacha Zampa: 4; Yaru Zampa: 34; Kanutse: 8; Alchi: 36 by [Bruneau, 2010, t. 4. ill. IV-31, IV-46, III-47, III-14.a, III-48.b]; Char: 11; Choksti: 24 by [Francfort et al., 1992, fig. 20, 7]; Durbuk 1: 12**; between Lehdo and Chumitang: 13; Kiari: 26, 27, 37 by [Bellezza, 2020, fig. 7.17, 7.19]; Discit: 16, 20, 28 by [Devers et al., 2015, p. 37]; Stagmo: 17; Zamthang: 23, 35, 38 by [Vernier, 2016, fig. 5, 31, 32, 39]; Bajro Batto Beach: 33 by [Bruneau, Bellezza, 2013, fig. V.21]; Yulkam Topko: 18, 19***; petroglyphs of birds from different monuments: 42–55 by [Vernier, Bruneau, 2017, fig. 21.3.F]

(* Thasngspa T. L. Petroglyphs of Ladakh. 2021. Fig. 7.g, 7.e, 8, 7.e, 20.a. URL: <https://www.sahapedia.org/petroglyphs-ladakh> (accessed 20.06.2023); ** Mehta V. The Hidden Rock Art of Ladakh. 2017. Fig. 8. URL: <https://www.Tibetarchaeology.com/may-2017/> (accessed 30.06.2023); *** Vernier M., Bruneau L. Mission archéologique franco-indienne au Ladakh. Archive ouverte HAL. Rapport. 2015 Fig. 5. URL: <http://www.mafil.org/wp-content/uploads/2013/04/MAFIL-2015-rapport-web.pdf> (accessed 30.06.2023))

настолько близки по стилю, что за их созданием должен стоять общий культурный и / или художественный источник (рис. 2, 9, 41) [Bellezza, 2020, fig. 7.23]. Изображения хищников можно идентифицировать по загнутому хвосту и когтям, раскрытой пасти. Все они показаны бегущими. Орнаментальные мотивы, украшающие тела, как и у копытных, разнообразны: двойные волюты, завитки, полосы, глаз почти всегда обозначается точкой или кружком. Крайне редко мы видим сюжет преследования, столь распространенный в зверином стиле евразийских степей.

В петроглифах Ладакха также много изображений птиц, и все они выполнены в одной манере: шагающая или бегущая, с крупным овальным корпусом, заостренным клювом, короткими крыльями, выделенным глазом, гребнем и длинным хвостом (рис. 2, 42–55). В подобной стилистике мы находим изображения в пазырыкской культуре и древнекитайской бронзе, интерпретируемые исследователями как образы петухов и «фениксов» [Руденко, 1952, с. 185]. Более того, на памятнике Замтанг имеется петроглиф со сценой преследования горного козла птицей, выполненной в рассматриваемой нами стилистике (рис. 2, 38).

Гилгит-Балтистан в Пакистане

Планомерное исследование наскальных изображений нижней части долины Верхнего Инда были начаты в 1980 г. профессором Карлом Йеттмаром (Гейдельберг, Германия) и археологом Ахмадом Хасан Дани (Исламабад, Пакистан). В период с 1981 по 1988 г. в рамках пакистано-германского проекта полевые работы в окрестностях деревень Чилас и Талпан проводились под их руководством при участии В. Тьюальта и различных сотрудников. Благодаря деятельности К. Йеттмара в 1982 г. был создан «Исследовательский центр наскального искусства и надписей на Каракорумском шоссе Гейдельбергской академии наук». В 1989 г. под руководством Х. Гауптмана были продолжены археологические и топографические исследования в Гилгит-Балтистане. Однинадцать монографий, опубликованные в серии MANP с 1994–2013 г., предоставляют подробную информацию о выявленных 16 памятниках, по каждой плоскости и отдельному изображению: размер, расположение, степень патинизированности, технологические и стилистические особенности. Весной 2010 г. полевые археологические работы на этом участке долины Верхнего Инда были завершены.

Карл Йеттмар, будучи ведущим специалистом по искусству эпохи бронзы и раннего железного века Евразии, первым отметил общие мотивы в наскальном искусстве долины Верхнего Инда, Южной Сибири и Китая [Jettmar, 1982; Jettmar, Thewalt, 1987, р. 12–14]. По его мнению, долина Верхнего Инда не была «дополнительной» провинцией звериного стиля, а, скорее, он достиг этого региона в результате культурного распространения и / или иммиграции. Исследователь отметил, что во всех восточных районах степей наблюдается общая тенденция к спиралям и волютам, а недостающие звенья, возможно, существовали в Синьцзяне и связаны с сакской художественной традицией [Jettmar, Thewalt, 1987, р. 13–15; Jettmar, 1991, р. 6–7]. Относительно продолжительности использования звериного стиля в регионе К. Йеттмар отмечает, что некоторые изображения могут представлять собой ахеменидский стиль, созданный теми, кто следовал древним художественным традициям, воспроизводя «национальные символы» своих предков – воинов-кочевников, с целью заявить о своей социальной и этнической идентичности в регионе, который был местом встречи многих религий и народов [Jettmar, 1989].

Одной из важных стилистических черт петроглифов Гилгит-Балтистана, отмеченных К. Йеттмаром и Х. Гауптманом были западноиранские (ахеменидские) мотивы. Например, в наскальном искусстве присутствуют изображения копытных в типичной позе *книлауф* (с согнутыми коленями), известной из искусства Ахеменидов [Hauptmann, 2007, р. 28].

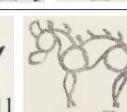
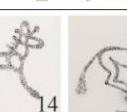
Олени	 1
Горные козлы (мрс)	 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10
Лошади	 11, 12, 13, 14, 15, 16
Хищники	 17, 18, 19, 20, 21, 22
Мифические животные	 23, 24, 25, 26
Сцены преследования	 27, 28, 29

Рис. 3. Петроглифы в зверином стиле Гилгит-Балтистана, Северный Пакистан:

Талпан: 1, 13, 18, 22, 23 по [Denwood, 2009, S. 351, 356, 357, 366, 358], 10, 11, 14, 19, 21, 25, 26 по [Bandini-König, Fussman, 1999, S. 302, 392, 399, 299, 303], 9 по [Fussman, 2007, S. 327], 27; Минар Гах: 8; Чилас: 28 по [Jettmar, Thewalt, 1987, fig. 7, 9, 8], 29; Ходар: 15, 24 по [Bandini-König, Fussman, 1999, S. 278, 513, 522]; Дадам Дас: 3, 23 по [Bemmern, Hinüber, 2005, S. 220, 255]; Гичой Дас: 2; Хомар Дас: 6, 7; Дарбарати Дас: 5 по [Bandini, Fussman, 2011, S. 362, 364, 371, 378]; Ошибат: 4, 12, 17, 20 по [Bemmern et al., 1994, S. 192, 195, 190, 194]

Fig. 3. Petroglyphs in the animal style of Gilgit-Baltistan, Northern Pakistan:

Thalpan: 1, 13, 18, 22, 23 by [Denwood, 2009, S. 351, 356, 357, 366, 358], 10, 11, 14, 19, 21, 25, 26 by [Bandini-König, Fussman, 1999, S. 302, 392, 399, 299, 303], 9 by [Fussman, 2007, S. 327], 27; Minar Gah: 8; Chilas: 28 by [Jettmar, Thewalt, 1987, fig. 7, 9, 8], 29; Hodar: 15, 24 by [Bandini-König, Fussman, 1999, S. 278, 513, 522]; Dadam Das: 3, 23 by [Bemmern, Hinüber, 2005, S. 220, 255]; Gichoy Das: 2; Khomar Das: 6, 7; Darbarati Das: 5 by [Bandini, Fussman, 2011, S. 362, 364, 371, 378]; Oshibat: 4, 12, 17, 20 by [Bemmern et al., 1994, S. 192, 195, 190, 194]

К тому же культурному влиянию относится сцена с воином, одетым в кафтан-гаунака с привязанным складчатым подолом, подпоясанным широким ремнем, в ноговицах и полусапогах, а также в головном уборе полуяйцевидной формы, по нижнему краю его скрепляет лента, концы которой свисают сзади [Hauptmann, 2007, fig. 20]. В одной руке воин держит кинжал, а в другой – горного козла за ногу. Как известно по письменным источникам, западно-иранское влияние простиировалось до верхней части долины Инда в период экспансии империи Ахеменидов за пределы Мидии и Персии при царе Кире II (559–529 гг. до н. э.).

Характеристика памятников и стиля Гилгит-Балтистана

На сегодняшний день известно, что памятники с наскальными изображениями в зверином стиле в Гилгит-Балтистане расположены в 300 км от памятников Канутсе и Домкхар в Ладакхе (см. рис. 1). Все они расположены вдоль реки Инд: Талпан, Ошибат, Хомар Дас, Ходар, Чилас, Дардарати Дас, Дадам Дас, Гичой дас, Минар Гах [Bemmern et al., 1994; Bandini-König et al., 1997; Bandini-König, Fussman, 1999; Hauptmann, 2007; Bemmern, Hinüber, 2005]. По опубликованным материалам, из тысяч петроглифов, только 29 изображений

выполнены в зверином стиле. Все изображения объединяют динамизм, поза на цыпочках, сцены преследования, орнаментальные мотивы, акцентирующие передние и / или задние конечности завитком, волютами или кругом. Как и в Ладакхе все петроглифы выполнены контурной выбивкой, часть из них дополнительно прошлифована. Большинство изображений копытных – козерог (13), лошадь (7), олень (1) (рис. 3, 1–16). В петроглифах Северного Пакистана часто встречаются изображения хищников как в сценах преследования, так и одиночные (рис. 3, 17–22, 27–29). Как и в Ладакхе, их можно идентифицировать по загнутому хвосту и когтям, в ряде случаев показана раскрытая пасть. Все они изображены бегущими, с двумя ногами, кроме одного случая, где у животного показаны четыре ноги. Орнаментальные мотивы, украшающие тела хищников, идентичны таковым у копытных. Среди зооморфных петроглифов встречаются изображения мифических животных, которые были созданы под иранским влиянием.

Заключение

Таким образом, одной из самых больших проблем в изучении петроглифов в зверином стиле долины Верхнего Инда является хронологическая и культурная атрибуция. К. Йеттмар определил три основные линии проникновения звериного стиля в долину Верхнего Инда – из Иранского нагорья, Памира и Синьцзяна, связывая их с миграциями ахеменидов и саков в VI–IV вв. до н. э. Исследователь первым отметил, что звериный стиль мог использоваться в регионе довольно продолжительное время, выступая своего рода анахронизмом с геральдическими функциями. А.-П. Франкфор отнесит петроглифы в зверином стиле Ладакха ко второй половине I тыс. до н. э., связывая с сакскими и скифо-сибирскими миграциями. Современные исследователи Л. Брюно и Дж. В. Белецца связывают петроглифы в зверином стиле с сакскими миграциями и склонны датировать их в более широком диапазоне I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э., ссылаясь на последующее сохранение данного художественного стиля в регионе.

В связи с новыми открытиями в Восточном Тибете можно предположить, что звериный стиль распространялся по всему Тибетскому нагорью не только с запада и севера, но и с востока, с северо-западных границ Китая. Например, в Цинхе обнаружено около двух десятков петроглифов диких оленей и яков, декорированных двойными волютами, близких стилистически к петроглифам Западного Тибета и Ладакха. В Цинхе также известно изображение оленя в жертвенной позе с двойной волютой. Данный мотив не представлен в других областях Тибета, что говорит о большей включенности Цинхая в орбиту распространения скифоидных культур.

Список литературы

- Варенов А. В.** Звериный стиль в петроглифах Западного Тибета // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 42–45.
- Комиссаров С. А., Прокофьева И. В., Черемисин Д. В.** Петроглифы Цинхая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2008. Т. 7, № 3: Археология и этнография. С. 101–106.
- Полосьмак Н. В., Шах М. А., Кундо Л. П.** Петроглифы на плитах Занскара (Индия): материалы 2016 года // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46, № 2. С. 60–67.
- Руденко С. И.** Горноалтайские находки и скифы. Итоги и проблемы современной науки. М.; Л.: АН СССР, 1952. 268 с.
- Савинов Д. Г.** Динамика культурного пространства (по археологическим материалам Центральной Азии и Южной Сибири) // Теория и методология археологии. СПб.: МАЭ РАН, 2003. Вып. 3: Стратиграфия культуры. Что такое архаика? С. 52–60.

- Bandini D., Fussman G.** Die Felsbildstation Thalpan. Kataloge Ziyarat, Thakot, Khomar Das, Gichoi Das, Dardarbati Das. Mainz: Heidelberger Akademie der Wissenschaften, 2011. 474 S. (Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans. Bd. 10)
- Bandini-König D., Fussman G.** Die Felsbildstation Hodar. Mainz: Heidelberger Akademie der Wissenschaften, 1999. 693 S. (Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans. Bd. 3)
- Bandini-König D., Bemmann M., Hauptmann H.** Rock Art in the Upper Indus Valley // The Indus: Cradle and Crossroads of Civilizations. Pakistan-Germany Archaeological Research. Islamabad: Embassy of the Federal Republic of Germany, 1997. P. 29–70.
- Bellezza J. V.** Tibetan Silver, Gold and Bronze Objects and the Aesthetics of Animals in the Era Before Empire: Cross-cultural Reverberations on the Tibetan Plateau and Soundings from Other Parts of Eurasia. Oxford: BAR Publ., 2020. 169 p.
- Bemmann M., Fussman G., Hinüber O., Sims-Williams N., Bandini D.** Die Felsbildstation Oshibat. Mainz: Heidelberger Akademie der Wissenschaften, 1994. 275 S. (Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans. Bd. 1)
- Bemmann M., Hinüber O.** Die Felsbildstation Dadam Das. Mainz: Heidelberger Akademie der Wissenschaften, 2005. 325 S. (Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans. Bd. 5)
- Bruneau L.** Le Ladakh (état de Jammu et Cachemire, Inde) de l'Âge du Bronze à l'introduction du Bouddhisme: une étude de l'art rupestre. Université Paris I-Panthéon-Sorbonne, 2010. T. 1. 333 p.; T. 4. 257 p.
- Bruneau L., Bellezza J. V.** The Rock Art of Upper Tibet and Ladakh: Inner Asian cultural adaptation, regional differentiation and the Western Tibetan Plateau Style // Revue d'Etudes Tibétaines. Paris: CNRS, 2013. Vol. 28. P. 5–161.
- Bruneau L., Vernier M.** Animal style of the steppes in Ladakh: a presentation of newly discovered petroglyphs // Pictures in transformation: Rock art Researches between Central Asia and the subcontinent. BAR International Series 2167. Oxford: Archeopress, 2007. P. 27–36.
- Denwood P.** Die Felsbildstation Thalpan. Mainz: Heidelberger Akademie der Wissenschaften, 2009. 465 S. (Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans. Bd. 9)
- Devers Q., Bruneau L., Vernier M.** An archaeological survey of the Nubra Region (Ladakh, Jammu and Kashmir, India) // Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines [Enligne]. 2015. No. 46. 55 p.
- Francfort H.-P.** De l'art des steppes au sud du Taklamakan // Bulletin of the Asia Institute. 2001. No. 11. P. 45–58.
- Francfort H.-P., Kłodzinski D., Mascle G.** Archaic Petroglyphs of Ladakh and Zanskar // Rock Art in the Old World. New Delhi: Indira Gandhi National Center for the Arts, 1992. P. 147–192.
- Fussman G.** Die Felsbildstation Thalpan. Mainz: Heidelberger Akademie der Wissenschaften, 2007. 455 S. (Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans. Bd. 8)
- Hauptmann H.** Pre-Islamic Heritage in the Northern Areas of Pakistan // Karakoram: Hidden Treasures in the Northern Areas of Pakistan. Turin: Umberto Allemandi & Co., 2007. P. 21–40.
- Jettmar K.** Petroglyphs and Early History of the Upper Indus Valley: the 1981 expedition – a preliminary report // Zentralasiatische Studien. 1982. Vol. 16. P. 293–308.
- Jettmar K.** Animal Style-A Heraldic System in the Indus Valley // Pakistan Archaeology. Karachi, 1989. Vol. 24. P. 257–277.
- Jettmar K.** The Art of the Northern Nomads in the Upper Indus Valley // South Asian Studies. 1991. Vol. 7. P. 1–20.
- Jettmar K., Thewalt V.** Between Gandhāra and the Silk Roads. Rock-carvings Along the Karakorum Highway. Discoveries by German-Pakistani Expeditions 1979–1984. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 1987. 59 p.

- Man L., Jiayangnima L., Huisheng T., Yongxian L., Bednarik R. G.** The 2019 survey of petroglyphs in the Qinghai-Tibet Plateau, western China // Rock Art Research. 2022. Vol. 39. P. 143–154.
- Thasngspa T. L.** Ancient Petroglyphs of Ladakh: New Discoveries and Documentation // Art and Architecture in Ladakh. Brill's Tibetan Studies Library, 2014. Vol. 35. P. 15–34.
- Ujfalvy K. J.** Aus dem westlichen Himalaya: Erlebnisse und Forschungen. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1884. 330 S.
- Vernier M.** Exploration et documentation des petroglyphes du Ladakh 1996–2006. Como: Nodo Libri, 2007. 84 p.
- Vernier M.** Zamthang, epicentre of Zanskar's rock art heritage // Rev. d'Etudes Tibétaines. 2016. No. 35. P. 53–105.
- Vernier M., Bruneau L.** Evidence of Human Presence in the Himalayan Mountains: New Insights from Petroglyphs // People and Their Effects on the Himalayas. Cambridge: Uni. Press, 2017. P. 319–332.
- Wenjing Z., Xiaokun W.** A Study on the Rock Art of the Tongtian River Basin, Tibetan Plateau of China // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2021. Vol. 14, no. 1. P. 111–127.

References

- Bandini D., Fussman G.** Die Felsbildstation Thalpan. Kataloge Ziyarat, Thakot, Khomar Das, Gichoi Das, Dardarbati Das. Mainz, Heidelberger Akademie der Wissenschaften, 2011, 474 S. (Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans. Bd. 10)
- Bandini-König D., Fussman G.** Die Felsbildstation Hodar. Mainz, Heidelberger Akademie der Wissenschaften, 1999, 693 S. (Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans. Bd. 3)
- Bandini-König D., Bemmann M., Hauptmann H.** Rock Art in the Upper Indus Valley. In: The Indus: Cradle and Crossroads of Civilizations. Pakistan-Germany Archaeological Research. Islamabad, Embassy of the Federal Republic of Germany, 1997, pp. 29–70.
- Bellezza J. V.** Tibetan Silver, Gold and Bronze Objects and the Aesthetics of Animals in the Era Before Empire: Cross-cultural Reverberations on the Tibetan Plateau and Soundings from Other Parts of Eurasia. Oxford, BAR Publ., 2020, 169 p.
- Bemmann M., Fussman G., Hinüber O., Sims-Williams N., Bandini D.** Die Felsbildstation Oshibat. Mainz, Heidelberger Akademie der Wissenschaften, 1994, 275 S. (Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans. Bd. 1)
- Bemmann M., Hinüber O.** Die Felsbildstation Dadam Das. Mainz, Heidelberger Akademie der Wissenschaften, 2005, 325 S. (Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans. Bd. 5)
- Bruneau L.** Le Ladakh (état de Jammu et Cachemire, Inde) de l'Âge du Bronze à l'introduction du Bouddhisme: une étude de l'art rupestre, Université Paris I-Panthéon-Sorbonne, 2010, t. 1. 333 p.; t. 4, 257 p.
- Bruneau L., Bellezza J. V.** The Rock Art of Upper Tibet and Ladakh: Inner Asian cultural adaptation, regional differentiation and the Western Tibetan Plateau Style. *Revue d'Etudes Tibétaines*. Paris, CNRS, 2013, vol. 28, pp. 5–161.
- Bruneau L., Vernier M.** Animal style of the steppes in Ladakh: a presentation of newly discovered petroglyphs. In: Pictures in transformation: Rock art Researches between Central Asia and the subcontinent, BAR International Series 2167. Oxford, Archeopress, 2007, pp. 27–36.
- Denwood P.** Die Felsbildstation Thalpan. Mainz, Heidelberger Akademie der Wissenschaften, 2009, 465 S. (Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans. Bd. 9)
- Devers Q., Bruneau L., Vernier M.** An archaeological survey of the Nubra Region (Ladakh, Jammu and Kashmir, India). *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines* [En ligne], 2015. no. 46, 55 p.

- Francfort H.-P.** De l'art des steppes au sud du Taklamakan. *Bulletin of the Asia Institute*, 2001, no. 11, pp. 45–58.
- Francfort H.-P., Kłodzinski D., Mascle G.** Archaic Petroglyphs of Ladakh and Zanskar. In: *Rock Art in the Old World*. New Delhi, Indira Gandhi National Center for the Arts, 1992, pp. 147–192.
- Fussman G.** Die Felsbildstation Thalpan. Mainz, Heidelberger Akademie der Wissenschaften, 2007, 455 p. S. (Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans. Bd. 8)
- Hauptmann H.** Pre-Islamic Heritage in the Northern Areas of Pakistan. In: *Karakoram: Hidden Treasures in the Northern Areas of Pakistan*. Turin, Umberto Allemandi & Co., 2007, pp. 21–40.
- Jettmar K.** Petroglyphs and Early History of the Upper Indus Valley: the 1981 expedition – a preliminary report. *Zentralasiatische Studien*, 1982, vol. 16, pp. 293–308.
- Jettmar K.** Animal Style-A Heraldic System in the Indus Valley. *Pakistan Archaeology*, 1989, vol. 24, pp. 257–277.
- Jettmar K.** The Art of the Northern Nomads in the Upper Indus Valley. *South Asian Studies*, 1991, vol. 7, pp. 1–20.
- Jettmar K., Thewalt V.** Between Gandhāra and the Silk Roads. Rock-carvings Along the Karakorum Highway. Discoveries by German-Pakistani Expeditions 1979–1984. Mainz am Rhein, Philipp von Zabern, 1987, 59 p.
- Komissarov S. A., Prokof'eva I. V., Cheremisin D. V.** Petroglyphi Cinhaya [Petroglyphs of Qinghai]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2008, vol. 7, no. 3, pp. 101–106. (in Russ.)
- Man L., Jiayangnima L., Huisheng T., Yongxian L., Bednarik R. G.** The 2019 survey of petroglyphs in the Qinghai-Tibet Plateau, western China. *Rock Art Research*, 2022, vol. 39, pp. 143–154.
- Polosmak N. V., Shah M. A., Kundo L. P.** Petroglyphs of Zanskar, India: Findings of the 2016 Season. *Archaeology, Ethnography, Anthropology of Eurasia*, 2018, vol. 46, no. 2, pp. 60–67.
- Rudenko S. I.** Gornoaltaiskie nahodki i skify [Mountain Altai finds and Scythians]. In: *Itogi i problemy sovremennoj nauki* [Results and problems of modern science]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR, 1952, 268 p. (in Russ.)
- Savinov D. G.** Dinamika kul'turnogo prostranstva (po arheologicheskim materialam Central'noj Azii i Yuzhnoj Sibiri) [Dynamics of cultural space (based on archaeological materials of Central Asia and Southern Siberia)]. In: *Teoriya i metodologiya arhaiki* [Theory and methodology of archaic]. vol. 3: Stratigrafiya kul'tury. Chto takoe arhaika? [Stratigraphy of culture. What is archaic?] St. Petersburg, MAE RAN, 2003, pp. 52–60. (in Russ.)
- Thasngspa T. L.** Ancient Petroglyphs of Ladakh: New Discoveries and Documentation. *Art and Architecture in Ladakh. Brill's Tibetan Studies Library*. 2014, vol. 35, pp. 15–34.
- Ujfalvy K. J.** Aus dem westlichen Himalaya: Erlebnisse und Forschungen. Leipzig, F.A. Brockhaus, 1884, 330 p.
- Varenov A. V.** Zverinyj stil' v petroglifah Zapadnogo Tibeta [Animal style in petroglyphs of the Western Tibet]. In: *Archaeological sites of Southern Siberia and Central Asia: from the appearance of the first pastoralists to the era of the formation of state entities*. St. Petersburg, IIMK RAN, 2021, pp. 42–45. (in Russ.)
- Vernier M.** Exploration et documentation des petroglyphes du Ladakh 1996–2006. Como, Nodo Libri, 2007, 84 p.
- Vernier M.** Zamthang, epicentre of Zanskar's rock art heritage. *Rev. d'Etudes Tibétaines*, 2016, no. 35, pp. 53–105.
- Vernier M., Bruneau L.** Evidence of Human Presence in the Himalayan Mountains: New Insights from Petroglyphs. In: *People and Their Effects on the Himalayas*. Cambridge, Uni. Press, 2017, pp. 319–332.

Wenjing Z., Xiaokun W. A Study on the Rock Art of the Tongtian River Basin, Tibetan Plateau of China. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 111–127.

Информация об авторе

Валерия Леонтьевна Денисенко, аспирант

WoS Researcher ID AET-7252-2022

RSCI Author ID 1118963

SPIN 6960-6398

Information about the Author

Valeria L. Denisenko, Postgraduate Student

WoS Researcher ID AET-7252-2022

RSCI Author ID 1118963

SPIN 6960-6398

*Статья поступила в редакцию 02.09.2023;
одобрена после рецензирования 03.10.2023; принята к публикации 09.10.2023
The article was submitted on 02.09.2023;
approved after review on 03.10.2023; accepted for publication on 09.10.2023*

Научная статья

УДК 903.42/43(513)

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-22-33

К вопросу о дяньских поселениях

Сергей Александрович Комиссаров¹

Александр Иванович Соловьев²

¹ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

^{1, 2} Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ sergai@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7657-054X>

² easoloviev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3891-8944>

Аннотация

Приведены данные по поискам и исследованию поселенческих комплексов царства Дянь в районах вокруг оз. Дяньчи в пров. Юньнань. Выявлены несколько относительно крупных поселений, к которым прилегали небольшие поселки-спутники. Их жители использовались как рабочая сила для выращивания зерна, сбора пресноводных моллюсков, обработки металлов и иной хозяйственной деятельности по обслуживанию элиты, что свидетельствует о существовании социальной иерархии в царстве Дянь. Однако сохраняется проблема поиска политических и культурных центров (столиц), поскольку ни в одном из исследованных поселений пока не обнаружено мощных оборонительных сооружений, культовых и дворцовых зданий, торговых площадей, ремесленных кварталов. В качестве наиболее вероятного столичного центра представлено местонахождение Хэбосо, расположенное всего в 750 м от наиболее богатого некрополя Шичжайшань с могилами правителей-ванов, поскольку на его территории нашли оттиски печатей крупных чиновников. Среди уникальных открытий – кладбище оссуариев с погребениями младенцев, которое представляется особым разделом некрополя Шичжайшань.

Ключевые слова

провинция Юньнань, государство Дянь, поселенческий комплекс, раковинные кучи, Хэбосо, кладбище оссуариев

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00820, <https://rscf.ru/project/23-28-00820>

Для цитирования

Комиссаров С. А., Соловьев А. И. К вопросу о дяньских поселениях // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10: Востоковедение. С. 22–33. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-22-33

On the Problem of Dian Settlements

Sergey A. Komissarov¹, Aleksandr I. Solovyev²

¹ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

^{1, 2} Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ sergai@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7657-054X>

² easolovievy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3891-8944>

Abstract

This article presents data on the search and study of settlement complexes of the Dian Kingdom in the areas around Lake Dianchi in the Yunnan Province. Several relatively large settlements were identified, with small satellite villages adjacent to them. Their inhabitants were used as a labour resource for growing grain, collecting freshwater shellfish, processing metals and other economic activities to serve the elite, which indicate the existence of a social hierarchy in the Dian Kingdom. However, the problem of finding political and cultural centres (capitals) remains, since powerful defensive structures, monumental religious and palace buildings, market areas, and craft districts have not yet been discovered in any of the studied settlements. The Hebosuo site, located only 750 m from the richest necropolis of Shizhaishan with the graves of the *wang*-rulers, is supposed to be the most likely capital centre, since seals' clay impressions of major officials of the Dian state were found on its territory. Among the unique discoveries is a cemetery of ossuaries with infant burials, which seems to be a special section of the Shizhaishan necropolis. Another candidate for capital status is the Shangxihe site, also located just 1.5 km from the Shizhaishan necropolis. There, during preliminary excavations, 42 house foundations, several hundred utility pits, among other things, as well as a defensive ditch were discovered. Undoubtedly, this is quite a large urban-type settlement, but it also lacks the characteristics of a political and economic centre listed above. There is also no exact information about its planography and chronology. Therefore, the final question of the capital status of this or that settlement can only be resolved in the course of further large-scale excavations.

Keywords

Yunnan Province, Dian State, settlement complex, shell-middens, Hebosuo site, cemetery of ossuaries

Acknowledgements

This study was carried out with support of the Russian Scientific Foundation (RSF), grant no. 23-28-00820, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00820>

For citation

Komissarov S. A., Solovyev A. I. On the Problem of Dian Settlements. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 10: Oriental Studies, pp. 22–33. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-22-33

Введение

В формировании сложившихся представлений о культуре Дянь главную роль сыграли материалы, полученные при раскопках могильников (см., например: [Чжунго каогусюэ.., 2010, с. 888–892; Лаптев и др., 2016]). Не случайно свое второе название – культура Шичжайшань – она получила по наименованию крупнейшего некрополя с исключительно богатым инвентарем, раскопки которого начались еще в 1950-е гг. При этом продолжались поиск и обследование поселенческих и инфраструктурных комплексов, поскольку никто не подвергал сомнению аксиому о том, что полное представление о культуре можно получить лишь с учетом всех видов археологических источников, в системе которых поселения занимают свое место. Блистательные находки из целой череды крупных могильников, среди которых, помимо Шичжайшань, следует назвать Лицзяшань, Тяньцзымяо, Шибэйцунь, Янфутоу, обладавшие исключительной источниковой и – что особенно важно для привлечения внимания широкой общественности – эстетической ценностью, на определенный период заслонили более скромные по внешним показателям материалы поселенческой археологии. Однако в последние годы благодаря неутомимой деятельности китайских специалистов, а также привлечению новых методов фиксации и обработки находок вновь проявился пристальный ин-

терес к исследованию не только посмертных, но и повседневных особенностей культуры населения Дянь. Цель данной статьи – представить критический обзор проведенных работ по проблеме дяньских поселений и обосновать некоторые наиболее перспективные, на наш взгляд, направления ее решения.

У озера: поиски и проблемы

В 2008 г. впервые был проведен специализированный поиск поселенческих остатков на значительной площади в 65 кв. км, примыкающей к юго-восточному побережью оз. Дяньчи. Работы велись совместно с американскими учеными из Мичиганского университета. Сначала проводился сбор подъемного материала и тестирование грунта из колодцев, выкопанных местным населением, после чего в местах скопления артефактов проводилось бурение контрольных скважин и шурфовка территории, чтобы определить границы и характер выявленного местонахождения; результаты наносились на спутниковые карты местности. Весь вынутый грунт подвергался тщательной промывке. Всего удалось выявить 43 местонахождения, в том числе 25 содержали находки культуры Шичжайшань (Дянь) и еще девять – смешанные дяньские и ханьские артефакты. Самыми большими из них оказались поселения Хэбосо (河泊所) с площадью ок. 316 га и Шичжайшань (石寨山) ок. 92 га. Площадь других местонахождений варьирует от 1 до 10 га. Малые пункты находок располагались рядом с крупными, причем часть из них – непосредственно на поверхности аллювиальной низменности, прилегающей к оз. Дяньчи, а часть – на небольших скальных возвышенностях, разбросанных на исследуемой территории. К материалам Хэбосо мы вернемся ниже, что же касается местонахождения Шичжайшань, которое находилось на другом (по отношению к одноименному могильнику) берегу русла реки, выявленного при раскопках, то особая связь между ними не прослеживается; к тому же территория была сильно разрушена современной хозяйственной деятельностью. Из находок, кроме 83 фрагментов керамики, некоторого количества шлака и кусков необработанной бирюзы, наибольшее внимание привлекли карбонизированные семена, из которых один образец был направлен на радиоуглеродный анализ [Цзян Чжилун и др., 2012, с. 29]. Полученная дата 780–480 лет до н. э. оказалась более ранней, чем ожидалось; вероятно, семена относятся к додяньской или раннедяньской общности, с которой связываются раковинные кучи¹. Впрочем, судя по выделенным слоям, добычей моллюсков (в основном, *Margarya melanoides*, крупного пресноводного обитателя озер пров. Юньнань) и ловлей рыбы занималось население как дяньского, так и ханьского периодов, каждое из которых внесло свой вклад в формирование къеккенмедингов. Следует отметить, что часто в местах сбора подъемного материала и взятых проб грунта вместе с шичжайшаньской керамикой находили бронзовый шлак, одно из свидетельств местного бронзолитейного производства.

В том же районе прошли предварительные раскопки на памятнике Сяопиншань (小平山), где удалось обнаружить жилища – полуземлянки, и наземные строения, хозяйственны ямы и траншеи; фрагменты керамики разных форм (котелки, горшки, блюда, кубки) и обломки бронзовых изделий, отнесенных к культуре Шичжайшань. Правда, размер этого поселения, судя по опубликованным данным, был небольшим [Сюй Вэнъэ, Цзян Чжилун, 2009].

Работы совместной китайско-американской экспедиции были продолжены в 2010 г. в районах южного и юго-западного побережья оз. Дяньчи, на площади 74 кв. км. В результате удалось выявить керамику культуры Шичжайшань в раковинных кучах, которые раньше относили к неолиту. Всего выявлено 25 памятников, причем расположенных по тому же прин-

¹ Хоу Тинтин. [侯婷婷. 国家文物局“考古中国”发布云南晋宁古城村遗址重要考古成果 // 人民网]. Государственное управление памятников материальной культуры опубликовало [на платформе] «Китай археологический» важные археологические результаты [исследования] памятника Гучэнцзы, уезд Цзиньнин, пров. Юньнань // Статья из газеты «Юньнань жибао», размещена на сайте «Жэньминь жибао онлайн». 19.02.2023. URL: <http://up.people.com.cn/n2/2023/0219/c378439-40306856.html> (на кит. яз.) (дата обращения 01.10.2023).

ципу, что и в юго-восточном районе: два относительно крупных поселения, Даинчжуан (大营庄) и Лаоцзе (老街), каждое площадью более 10 га, а вокруг них – несколько мелких. Кое-где обнаружены немногочисленные строительные остатки (отверстия для столбов). На памятнике Даинчжуан найдены осколки агата и жадеита, что, вероятно, обусловлено их обработкой; с производственной деятельностью населения связаны и находки бронзового шлака. Полученная радиоуглеродная дата в пределах 780–550 гг. до н. э. [Цзян Чжилун и др., 2014, с. 35], исходя из общего контекста комплекса, представляется слишком ранней, хотя и возможной. Многочисленные находки фитолитов различных зерновых культур (рис, просо, пшеница, ячмень, а также марь белая) свидетельствуют о комплексном земледелии, приспособленном к разным почвам и сезонам [Del Martello et al., 2021].

Остатки строений, хозяйственных ям и набор инвентаря дяньского облика были выявлены еще на нескольких раковинных кучах на озерах и реках в центральной части пров. Юньнань, но все это – небольшие поселения, вероятно, связанные с добычей моллюсков и иной хозяйственной деятельностью².

Не оправдались надежды обнаружить крупный поселенческий комплекс в Сюэшань (学山), обитателей которого, как предполагалось, хоронили на большом кладбище Цзиньляньшань (金莲山) [Комиссаров, Соловьев, 2023, с. 34]. В ходе ограниченных по объему работ удалось выявить основание полуземлянки, в которой обнаружили фрагменты керамики и бронзовые наконечники стрел шичжайшаньского облика, а также часть фундамента свайного дома, после чего раскопки были приостановлены [У Цзин и др., 2010].

Где была столица Дянь?

На основании проведенных исследований Национальное управление памятников материальной культуры в 2014 г. утвердило план археологических работ в районе Шичжайшань, подразумевавший и поиск крупного дяньского поселения (столицы)³. Первым кандидатом на эту роль считалось местонахождение Хэбосо, значительное по площади и располагавшееся всего в 750 м от самого роскошного некрополя Шичжайшань, где к тому же нашли печать дяньского *вана*. Раскопки на памятнике Хэбосо и расположенному рядом с ним местонахождении Сиванмяо (西王庙) были проведены в период с 2014 по 2016 г. совместной экспедицией с Чикагским университетом. Оба памятника располагались на раковинных кучах; в слоях, отнесенных к бронзовому веку. Обнаружены хозяйственные ямы, траншеи (дренажные?) и фундаменты строений с фрагментами керамики, каменными орудиями и нефритовыми украшениями, относящимися к культуре Дянь. Однако выделяется и более ранняя составляющая. Найдены довольно многочисленные ханьские артефакты, что указывает на длительное функционирование поселений [Ян Вэй и др., 2019].

В 2018–2019 гг. раскопки были продолжены, всего вскрыто 1 800 кв. м (рис. 1, I). На этой сравнительно небольшой площади было выявлено 22 фрагмента насыпных дорожек, 24 фрагмента тропинок (вероятно, полевых межей), 4 колодца, 1 печь для обжига керамики, 84 траншеи, 228 хозяйственных ям, 12 грунтовых могил, 19 оснований жилищ, а также

² Ли Сюжуй. Цзи'нянь чжунго каогу байнянь: Юньнань дянь чжун дицойдэ бэйцю ичжи цзуншу [李小瑞. 纪念中国考古百年 | 云南滇中地区的贝丘遗址综述 // 云南考古]. Общий обзор раковинных куч в районах среднего Дянь, пров. Юньнань // Сайт Ин-та археологии и памятников материальной культуры пров. Юньнань. 29.10.2021. URL: <http://ynkgs.com/view/ynkgPC/1/27/view/1603.html> (на кит. яз.) (дата обращения 01.10.2023).

³ Чжан Юн. Юньнань фасянь чуньцюши цуньло ичжи – тяньбу гу дяньго вэнъхуа каогу кунбай [张勇。云南发现春秋时村落遗址-填补古滇国文化考古空白 //中国新闻网]. В Юньнани найдено поселение периода Чуньцю – заполнен пробел в археологии культуры древнего царства Дянь // Статья из газеты «Гуанмин жибао», размещена на сайте «China News online». 17.06.2017. URL: <https://www.chinanews.com/cul/2017/06-17/8253368.shtml> (на кит. яз.) (дата обращения 01.10.2023).

Рис. 1. Открытия в Хэбосо и бронзовый барабан

1 – общий вид раскопок; 2 – жертвенник с быком; 3 – кладбище оссуариев; 4 – детское захоронение в керамическом сосуде; 5 – бронзовый барабан из некрополя Шичжайшань, могила № 3. Таблица подготовлена к печати А. И. Соловьевым по: (Цзиньнин хэбосо ичжи, 2020. URL: <http://ynkgs.com/view/ynkgPC/1/150/view/1379.html>); а также по фотографии из свободного депозитария изобразительных материалов «Байду тупянь»

Fig. 1. Discoveries at Hebosuo and bronze drum

1 – general view on excavations; 2 – sacrificial pit with a bull; 3 – cemetery of ossuaries; 4 – infant burial in ceramic vessel; 5 – bronze drum from Shizhaishan necropolis, tomb no. 3. The table was prepared for publishing by A. I. Solovyev as per (Jining hebosuo yizhi, 2020. URL: <http://ynkgs.com/view/ynkgPC/1/150/view/1379.html>); and photo from the free depository for visual materials “Baidu tupian”

ок. 200 детских захоронений в больших керамических сосудах⁴. Однако большая часть объектов верхнего уровня, связанных с межеванием и довольно сложной дренажной системой, а также с жилыми постройками, относится к эпохе Мин – Цин. Остальные находки, по мнению китайских археологов, подразделяются на два хронологических уровня: период Хань – Цзинь и доханьская эпоха. При этом плачевное состояние стратиграфии не позволяет провести между ними четкую грань. Среди находок – фрагменты керамических сосудов и пряслиц, каменные топоры, костяные иглы и стрелы, нефритовые украшения, а также небольшое количество бронзовых наконечников стрел и пластинок; часть керамики относится к культуре Шичжайшань (Дянь). Наибольшее внимание привлекает кладбище из расположенных рядами керамических оссуариев с детскими безынвентарными захоронениями (рис. 1, 3, 4). Детальное исследование примерно 10 % от общего количества показало, что были погребены младенцы не старше 1 года. Сосуды, вкопанные в слой раковин, занимали северо-восточную и восточную часть обширной платформы. Напротив нее открыта канава, в которой на глубину свыше 50 см вырыт ряд отверстий для столбов диаметром 50–70 см. Как предположили китайские ученые, на таких мощных опорах крепился помост для экзекуций, вроде тех, что показаны в составе скульптурных композиций на тимпане одного из бронзовых барабанов. Но для сооружения помоста одного ряда столбов недостаточно. Возможно, на эти столбы сверху крепились бронзовые барабаны, которые также показаны в композиции на тимпане. Между двумя комплексами располагались три грунтовые могилы без погребальных сооружений и инвентаря (жертвы?), а также ямы, возможно жертвенные, с полным скелетом быка (рис. 1, 2) и костями крупной собаки.

Важная находка была сделана в одной из хозяйственных ям, где нашли несколько керамических оттисков печатей. На одном из них оттиснута надпись «печать канцлера государства Дянь» (滇国相印, *Дянь го сян инь*), на другом – «печать ванского смотрителя» (王敞之印, *Ван чан чжи инь*)⁵, на третьем (и фрагменте четвертого) – «личная печать Тянь Фэна» (田丰私印, *Тянь Фэн си инь*). На основании сопоставлений с аналогичными находками на других памятниках была предложена дата: средний – поздний период Западной Хань [Лю Дэу, 2020] или даже позднее. Ханьские происхождение и дата печатей очевидны, вопрос лишь в том, попали они в Юньнань до или после 109 г. до н. э., когда территория царства Дянь была присоединена к империи Хань. Данные оттиски напоминают по структуре и форме (почерку) иероглифов известную «печать дяньского вана»; в печати «канцлера» названо «государство Дянь», а в печати «смотрителя» – титул «ван» (мы считаем возможным интерпретировать иероглиф 王 ван как титул, а не как фамилию); поэтому относим их к периоду полувассального существования Дянь, еще сохранявшего собственные структуры управления, но под присмотром ханьских чиновников. А в яму оттиски могли попасть позднее, о чем свидетельствует найденная вместе с ними черепица – строительный материал собственно ханьского домостроения.

В целом последний сезон раскопок в Хэбосо принес немало сенсационных находок. Прежде всего была установлена взаимосвязь основного поселения с расположеннымами вблизи него малыми поселками-сателлитами, трудовые ресурсы которых, судя по их удобному расположению и единому культурно-хронологическому контексту, могли привлекаться для обслуживания центра, что, вероятно, отражало и социальную иерархию в царстве Дянь [Yao, Jiang Zhilong, 2012, p. 363]. Также вновь открытое и пока единственное в культуре Дянь об-

⁴ Цзиньнин хэбосо ичжи [晋宁河泊所遗址 // 云南考古]. Памятник Хэбосо в уезде Цзиньнин // Сайт Ин-та археологии и памятников материальной культуры пров. Юньнань. 14.02.2020. URL: <http://ynkgs.com/view/ynkgPC/1/150/view/1379.html> (на кит. яз.) (дата обращения 01.10.2023).

⁵ Предлагаемый перевод основан на интерпретации иероглифа 敞 чан, который в словаре «Шо вэнь» (издание Чэнь Чантая 1863 г.) переводится как «высокая земляная платформа, с которой можно обозревать окрестности» (平治高土, 可以遠望也。). – Чан шоуэнь цзецы юаньвэнь [敞说文解字原文 // 词典网]. Изначальный текст иероглифа чан в словаре «Шоуэнь цзецы» // На сайте «Словари онлайн». URL: <https://www.cidianwang.com/shuowenjiezi/chang1548.htm> (на кит. яз.) (дата обращения 01.10.2023).

широкое кладбище детских захоронений в оссуариях могло составлять особую часть близлежащего некрополя Шичжайшань; такая организация могильного пространства, когда младенцев хоронили отдельно от взрослых за сакральной границей некрополя, хорошо известна в этнографии народов Северной Азии. Судя по археологическим материалам, существовала она и раньше, как минимум с развитого бронзового века. Считалось, что младенцы до определенного возраста (в сибирской этнографии, например, пока не вырастут зубы) еще относятся к иным измерениям и не теряют с ними связи. Путь у них обратно короче, да и маршруты иные, не соотносимые с заупокойными странствиями, что предстоит взрослым. Кроме того, нематериальная сущность (душа) таких детей при несоблюдении обрядов представляет особую опасность для живых. Возможно также, что найдено свидетельство распространенного в древности обычая принесения в жертву самого дорогого – первенцев, чтобы умилостивить богов. Этот древний обычай, сформулированный еще в «Ветхом завете» («Отдай мне первенца из сынов твоих...» и т. д. (Исх 22: 29–30)), был детально исследован Э. Липиньски [1992]⁶. Исключительно важны и находки оттисков печати, которые обозначали элементы органов управления царства Дянь («канцлер», «смотритель»). Однако не найдено пока помещений, где эти структуры могли располагаться, – больших строений дворцового или храмового типа, а также остатков системы укреплений, ремесленных и торговых кварталов, которые подтвердили бы столичный статус памятника. Значительная часть населения занималась сельским хозяйством, о чем свидетельствуют остеологические материалы (быки, лошади, свиньи, овцы, собаки) и образцы семян (пшеница, заливной рис, могар, просо, соя, ячмень) [Ян Вэй и др., 2021]. Найденные кости разных видов оленя свидетельствуют о том, что и охота сохраняла определенное значение. Все эти находки могли относиться как к культуре Дянь, так и к предшествующему периоду.

Поэтому поиски продолжились и на других объектах. Например, раскопки выявленного поселения были проведены в Шансихэ, возле д. Цзиньшацунь, уезд Цзиньнин, в период с августа 2016 г. по июнь 2017 г., всего в 1,5 км от некрополя Шичжайшань. Вскрыто три рабочих площадки, всего ок. 1 500 кв. м. Там, помимо 13 колодцев ханьского времени, было выявлено 42 фундамента домов, 470 хозяйственных ям, 62 траншеи, а также большое количество фрагментов керамических сосудов, черепицы, каменные топоры и ножи, обломки бронзовых изделий и нефритовых украшений. Жилые строения представляют собой в основном прямоугольные в плане полуземлянки с ямами для столбов по периметру, что характерно для каркасно-столбовой конструкции. В некоторых случаях на раннем этапе вокруг избранного участка выкапывались канавки, в которых плотно размещались отверстия для массивных столбов. Это может свидетельствовать в пользу того, что у построек был второй этаж. Восточная часть памятника, предположительно дянского времени, отделялась оборонительным рвом; предварительное обследование показало, что раньше это пространство с трех сторон (северной, восточной и южной) было окружено водой; таким образом, наличие рва обеспечивало определенную безопасность поселению⁷. В целом же, несмотря на открытие значительного скопления построек и части оборонительного сооружения, пока не ясны их планировка и даже хронология. Значительная часть керамики относится к культуре Шичжайшань (Дянь), однако вероятно присутствие и более поздних ханьских построек (черепицы), а возможно, и более ранних (каменные орудия) [Ян Синьпэн и др., 2017].

⁶ См. также: [Васильев, 1976, с. 129]; Селезнев М. Г. Акеда // Портал «Большая Рос. энцикл.». 17.01.2023. URL: <https://bigenc.ru/c/akeda-146e7b> (дата обращения 01.10.2023).

⁷ Цзиньнин шансихэ ички [晋宁上西村遗址 // 云南考古]. Памятник Шансихэ в уезде Цзиньнин // Сайт Ин-та археологии и памятников материальной культуры пров. Юньнань. 26.06.2017. URL: <http://www.ynkgs.cn/view/ynkgPC/1/146/view/1366.html> (на кит. яз.) (дата обращения 01.10.2023).

Заключение

Следует констатировать, что на территории пров. Юньнань пока не выявлено крупного городища с системой оборонительных конструкций, подобного Ко Лоа в Северном Вьетнаме, одного из центров донгшонской цивилизации. На основании находок керамики и клада бронзовых изделий, обнаруженных в бронзовом барабане, памятник интерпретировали как столицу государства Аулак [Kim Nam C. et al., 2010].

Возникает парадоксальная ситуация: благодаря скульптурным композициям на тимпанах бронзовых барабанов, найденных в Шичжайшань и Лицзяшань (рис. 1, 5; рис. 2) мы представляем, как могла выглядеть жизнь населения в дяньском городе (столице) – с культовыми зданиями на сваях, шумными рынками перед ними, выделенными «лобными местами», где проводились экзекуции или жертвоприношения, огромными сигнальными барабанами, созывавшими всю округу, – но не находим им полного археологического соответствия.

Рис. 2. Бронзовые барабаны культуры Дянь

1, 2 – бронзовые барабаны из могилы № 1 некрополя Шичжайшань. Таблица подготовлена к печати А. И. Соловьевым по фотографиям из свободного депозитария изобразительных материалов «Байду тупянь»

Fig. 2. Bronze drums of Dian culture

1, 2 – bronze drums from Shizhaishan necropolis, tomb no. 1. The table was prepared for publishing by A. I. Solovyev as per photos from the free depository for visual materials “Baidu tupian”

Возникает сомнение в том, насколько тесно должны быть связаны большие поседения с крупными могильниками. Быть может, чиновники и правители предпочитали жить по дальше от малярийных болот, в окрестных горах, где и надо искать дяньские городища? А в гибких, но плодородных приозерных долинах сооружали не только некрополи (царство мертвых), но и небольшие поселения («хутора»), жители которых должны были выращивать рис, собирать моллюсков, заниматься иной хозяйственной деятельностью, чтобы снабжать высшие сословия всем необходимым. Или же элита государства Дянь, связанная с «всаднической культурой» [Деопик, 1979], предпочитала жить в юртах или палатах, подобно Чингисхану и Муаммару Каддафи (хотя те использовали переносные жилища вместе, а не вместо дворцов). Или – что маловероятно, но также не исключено – столица Дянь находится на дне оз. Дяньчи, подобно тому подводному городу с 10-этажной пирамидой, цирком и т. п., кото-

рый то ли нашли, то ли нет в глубинах оз. Фусяньху, в 60 км от г. Куньмин⁸. Впрочем, обитание в жилищах на сваях в силу специфики их конструкций и особенностей быта не способствовало формированию столь излюбленных археологами следов повседневной жизнедеятельности, которые, как показывает практика, могли накапливаться в специальных зольниках за пределами населенных пунктов.

Скорее всего, атрибуты столичной жизни – мощные укрепления, обширные площади, монументальные дворцы и храмы, ремесленные мастерские и т. п. – следует искать на уже выявленных крупных поселениях. Памятник Хэбосо в этом отношении «остается в подозрении» как наиболее перспективный. Можно надеяться, что юньнаньским археологам удастся преодолеть трудности, связанные с близкой городской застройкой, нарушенной стратиграфией, болотистым характером приозерной равнины и в ближайшее время всё же обнаружить несомненные доказательства столичного статуса уже частично раскопанного поселенческого и ритуально-погребального комплекса. Но нельзя полностью исключить и другие варианты поиска, перечисленные выше. Решение проблемы дяньских поселений и их культурного и политического центра предстоит найти в ходе будущих полевых исследований.

Список литературы

- Васильев Л. С.** Проблема генезиса китайской цивилизации: формирование основ материальной культуры и этноса. М.: Наука, ГРВЛ, 1976. 368 с.
- Деопик Д. В.** Всадническая культура в верховьях Янцзы и восточный вариант «звериного стиля» // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М.: Наука, 1979. С. 62–67.
- Комиссаров С. А., Соловьев А. И.** Могильник Цзиньляньшань и его место в изучении донгшонско-дяньской цивилизации // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 32–46. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-32-46
- Лаптев С. В., Полосьмак Н. В., Комиссаров С. А.** Донгшонско-дяньская цивилизация (VIII–III вв. до н. э.) // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. М.: Вост. лит., 2016. Т. 1. С. 909–915.
- Липиньски Э.** Пантеон Карфагена // Вестник древней истории. 1992. № 3. С. 29–51.
- Dal Martello R., Li Xiaorui, Fuller D. Q.** Two-season agriculture and irrigated rice during the Dian: radiocarbon dates and archaeobotanical remains from Dayingzhuang, Yunnan, Southwest China // Archaeological and Anthropological Sciences. 2021. Vol. 13, iss. 4. pp. 1–21. DOI 10.1007/s12520-020-01268-y
- Kim Nam C., Lai Van Toi, Trinh Hoang Hiep.** Co Loa: an investigation of Vietnam's ancient capital // Antiquity. 2010. Vol. 84, iss. 326. pp. 1011–1027. DOI 10.1017/S0003598X00067041. S2CID 162065918
- Yao A., Jiang Zhilong.** Rediscovering the settlement system of the “Dian” kingdom, in Bronze Age southern China // Antiquity. 2012. Vol. 86, iss. 332. pp. 353–367. DOI 10.1017/S0003598X00062815
- Лю Дэу.** Дяньго фэнни чутань [刘德武。滇国封泥初探 // 西泠艺业]. Предварительное изучение глиняных оттисков печатей государства Дянь // Силин ие. 2020. № 5. С. 72–74. (на кит. яз.)
- Сюй Вэньдэ, Цзян Чжилун.** Юньнань цзиньнинсянь сяопиншань ичжи шицзюэ цзяньбао [徐文德、将志龙。云南晋宁县小平山遗址试掘简报 // 考古]. Краткий отчет о предвари-

⁸ Цинчэ цзянь ды дэ фусяньху, чжэнъндэ цзанчжэ ицзо шицянь гучэн? [清澈见底的抚仙湖, 真的藏着一座史前古城? 专家称疑似史前遗址 // 搜狐网]. Детально рассмотренное дно оз. Фусяньху действительно ли скрывает доисторический город? Специалисты высказывают сомнение в доисторическом характере памятника // Медиапортал «Соху». 19.12.2022. URL: https://travel.sohu.com/a/675622784_121687416 (на кит. яз.) (дата обращения 01.10.2023).

тельных раскопках памятника Сяопиншань, уезд Цзиньнин, пров. Юньнань // Каогу. 2009. № 8. С. 54–66. (на кит. яз.)

У Цзин, Цзян Чжилун, Фэн Эньсиюэ. Юньнань чэнцзянсянь сюэшань ичжи шицзюэ цзяньбао [吴敬、将志龙、冯恩学。云南澄江县学山遗址试掘简报 // 考古]. Краткий отчет о предварительных раскопках памятника Сюэшань, уезд Чэнцзян, пров. Юньнань // Каогу. 2010. № 10. С. 882–888, 963. (на кит. яз.)

Цзян Чжилун, Яо Хуйюнь (А. Яо), Чжоу Жаньчao. Юньнань дяньчи пэньди 2010 нянь цзюйло каогу дяоча цзяньбао [将志龙、姚辉芸 (Alice Yao)、周然朝。云南滇池盆地 2010 年聚落考古调查简报 // 考古]. Краткий отчет об археологическом исследовании поселений в 2010 г. в котловине оз. Дяньчи, пров. Юньнань // Каогу. 2014. № 5. С. 29–36. (на кит. яз.)

Цзян Чжилун, Яо Хуйюнь, Чжоу Жаньчao, Хэ Линьшань. Юньнань дяньчи дицюй цзюйло ичжи 2008 нянь дяоча цзяньбао [将志龙、姚辉芸、周然朝、何林珊。云南滇池地区聚落遗址 2008 年调查简报 // 考古]. Краткий отчет об исследовании поселенческих памятников в 2008 г. в районе оз. Дяньчи, пров. Юньнань // Каогу. 2012. № 1. С. 23–33. (на кит. яз.)

Чжунго каогусюэ: цинь хань цзюань [中国考古学: 秦汉卷 / 刘庆柱、白云翔]. Археология Китая: Эпоха Цинь и Хань / Отв. ред. Лю Цинчжу, Бай Юньсян. Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 2010. 1027 с. (на кит. яз.)

Ян Вэй, Цзян Чжилун, Яо Хуйюнь, Чэн Сюэсян. Юньнань дяньчи дицюй шичжайшань вэньхуа шицидэ нунье цзегоу янъцю – и цзиньнин хэбосо ичжи чжиу ицунь фэньси вэйли [杨薇、蒋志龙、姚辉芸、陈雪香。云南滇池地区石寨山文化时期的农业结构研究 — 以晋宁河泊所遗址植物遗存分析为例 // 农业考古]. Исследование структуры сельского хозяйства периода культуры Шичжайшань в области оз. Дяньчи, пров. Юньнань – на примере анализа растительных остатков из местонахождения Хэбосо, уезд Цзиньнин // Нунье каогу. 2021. № 2. С. 36–47, 102. (на кит. яз.)

Ян Вэй, Цзян Чжилун, Яо Хуйюнь, Ян Синьпэн, Син Сяньюй, Цяо Юй, Ян Чэнхун [杨薇、蒋志龙、姚辉芸、杨新鹏、邢翔宇、乔豫、杨成洪。云南晋宁河泊所和西王庙青铜时代贝丘遗址试掘简报 // 江汉考古]. Краткий отчет о предварительных раскопках памятников бронзового века на раковинных кучах Хэбосо и Сиванмяо, уезд Цзиньнин, пров. Юньнань // Цзянхань каогу. 2019. № 2. С. 17–29. (на кит. яз.)

Ян Синьпэн, Цзян Чжилун, Ян Чэнхун, Ли Цзюньни. Юньнань куньмин цзиньнин шансихэ ичжи [杨新鹏、蒋志龙、杨成洪、李俊仪。云南昆明晋宁上西河遗址 // 大众考古]. Памятник Шансихэ, уезд Цзиньнин, г. Куньмин, пров. Юньнань // Дачжун каогу. 2017. № 9. С. 12–13. (на кит. яз.)

References

Dal Martello R., Li Xiaorui, Fuller D. Q. Two-season agriculture and irrigated rice during the Dian: radiocarbon dates and archaeobotanical remains from Dayingzhuang, Yunnan, Southwest China. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2021, vol. 13, iss. 4, pp. 1–21. DOI 10.1007/s12520-020-01268-y

Deopik D. V. Vsadnicheskaya kul'tura v verkhov'yakh Yantszy i vostochnyi variant "zverinogo stilya" [Equestrian culture in the Upper Yangzi and Eastern variant of "animal style"]. In: *Kul'tura i iskusstvo narodov Srednei Azii v drevnosti i srednevekov'e* [Culture and art of Middle Asian peoples in Ancient and Medieval Epoch]. Moscow, Nauka, 1979, pp. 62–67. (in Russ.)

Jiang Zhilong, Yao Huiyun (A. Яо), Zhou Ranchao. Yunnan dianchi pendi 2010 nian juluo kaogu diaocha jianbao [将志龙、姚辉芸 (Alice Yao)、周然朝。云南滇池盆地 2010 年聚

- 落考古调查简报 // 考古]. Brief report on archaeological investigation of settlements during 2010 in Dianchi lake basin, Yunnan Province. *Kaogu*, 2014, no. 5, pp. 29–36. (in Chin.)
- Jiang Zhilong, Yao Huiyun, Zhou Ranchao, He Linshan.** Yunnan dianchi diqu juluo yizhi 2008 nian diaocha jianbao [将志龙、姚辉芸、周然朝、何林珊。云南滇池地区聚落遗址 2008 年调查简报 // 考古]. Brief report on investigation of settlement sites in 2008 in the region of Dianchi lake, Yunnan Province. *Kaogu*, 2012, no. 1, pp. 23–33. (in Chin.)
- Kim Nam C., Lai Van Toi, Trinh Hoang Hiep.** Co Loa: an investigation of Vietnam's ancient capital. *Antiquity*, 2010, vol. 84, iss. 326, pp. 1011–1027. DOI 10.1017/S0003598X00067041. S2CID 162065918
- Komissarov S. A., Solov'yev A. I.** The Jinlianshan Graveyard and Its Role in the Study of the Dong Son – Dian Civilization. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies, pp. 32–46. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-32-46
- Laptev V. I., Polos'mak N. V., Komissarov S. A.** Dongshonsko-dyan'skaya tsivilizatsiya (VIII–III vv. do n. e.) [Dong Son – Dian Civilization (8th – 3rd cent. BC)]. In: *Istoriya Kitaya s drevneishikh vremen do nachala XXI veka* [A History of China from the most ancient times up to the beginning of 21st century]. Moscow, Oriental Literature Publishing House, 2016, vol. 1, pp. 909–915. (in Russ.)
- Lipin'ski E.** Panteon Karfagena [Pantheon of Carthage]. *Vestnik drevnei istorii* [Newsletters on Ancient History], 1992, no. 3, pp. 29–51. (in Russ.)
- Liu Dewu.** Dianguo fengni chutian [刘德武。滇国封泥初探 // 西泠艺业]. Preliminary investigations of the clay seal impressions of the Dian state. *Xiling yiye*, 2020, no. 5, pp. 72–74. (in Chin.)
- Vasiliev L. S.** Problema genezisa kitaiskoi tsivilizatsii: formirovanie osnov material'noi kul'tury i etnosa [The problem of genesis of Chinese civilization: formation of the material culture and ethnus foundations]. Moscow, Nauka, GRVL Publ., 1976, 368 p. (in Russ.)
- Wu Jing, Jiang Zhilong, Feng Enxue.** Yunnan chengjiangxian xueshan yizhi shijue jianbao [吴敬、将志龙、冯恩学。云南澄江县学山遗址试掘简报 // 考古]. Brief report about preliminary excavations of Xueshan site, Chengjiang County, Yunnan Province. *Kaogu*, 2010, no. 10, pp. 882–888, 963. (in Chin.)
- Xu Wende, Jiang Zhilong.** Yunnan jiningxian xiaopingshan yizhi shijue jianbao [徐文德、将志龙。云南晋宁县小平山遗址试掘简报 // 考古]. Brief report about preliminary excavations of Xiaopingshan site, Jining County, Yunnan Province. *Kaogu*, 2009, no. 8, pp. 54–66. (in Chin.)
- Yang Wei, Jiang Zhilong, Yao Huiyun, Chen Xuexiang.** Yunnan dianchi diqu shizhaishan wenhua shiqide nongye jiegou yanjiu – yi jining hebosuo yizhi zhiwu yicun fenxi weili [杨薇、蒋志龙、姚辉芸、陈雪香。云南滇池地区石寨山文化时期的农业结构研究—以晋宁河泊所遗址植物遗存分析为例 // 农业考古]. Investigation of agricultural structure of Shizhaishan culture period in the region of Dianchi Lake, Yunnan Province – with vegetal remains from Hebosuo site in Jining County taken as example. *Nongye kaogu*, 2021, no. 2, pp. 36–47, 102. (in Chin.)
- Yang Wei, Jiang Zhilong, Yao Huiyun, Yang Xinpeng, Xing Xianyu, Qiao Yu, Yang Chenghong** [杨薇、蒋志龙、姚辉芸、杨新鹏、邢翔宇、乔豫、杨成洪。云南晋宁河泊所和西王庙青铜时代贝丘遗址试掘简报 // 江汉考古]. Brief report about preliminary excavations of Bronze Age sites on shell mounds Hebosuo and Xiwangmiao, Jining County, Yunnan Province. *Jianhan kaogu*, 2019, no. 2, pp. 17–29. (in Chin.)
- Yang Xinpeng, Jiang Zhilong, Yang Chenghong, Li Junyi.** Yunnan Kunming jining shangxihe yizhi [杨新鹏、蒋志龙、杨成洪、李俊仪。云南昆明晋宁上西河遗址 // 大众考古]. The site Shangxihe, Jining County, Kunming City, Yunnan Province. *Dazhong kaogu*, 2017, no. 9, pp. 12–13. (in Chin.)

Yao A., Jiang Zhilong. Rediscovering the settlement system of the ‘Dian’ kingdom, in Bronze Age southern China. *Antiquity*, 2012, vol. 86, iss. 332, pp. 353–367. DOI 10.1017/S0003598X00062815

Zhongguo kaoguxue: qin han juan [中国考古学: 秦汉卷 / 刘庆柱、白云翔]. Archaeology of China: Qin and Han Epoch / Ed. by Liu Qingzhu, Bai Yunxiang. Beijing, Zhongguo shehui kexue chubanshe, 2010, 1027 p. (in Chin.)

Информация об авторах

Сергей Александрович Комиссаров, кандидат исторических наук, доцент

Scopus Author ID 57195200866

RSCI Author ID 143809

SPIN 6832-0603

Александр Иванович Соловьев, доктор исторических наук

WoS Researcher ID ABA-6010-2020

Scopus Author ID 18042706600

RSCI Author ID 73827

SPIN 9782-2613

Information about the Authors

Sergey A. Komissarov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

Scopus Author ID 57195200866

RSCI Author ID 143809

SPIN 6832-0603

Aleksandr I. Solovyev, Doctor of Sciences (History)

WoS Researcher ID ABA-6010-2020

Scopus Author ID 18042706600

RSCI Author ID 73827

SPIN 9782-2613

Статья поступила в редакцию 03.10.2023;
одобрена после рецензирования 07.10.2023; принята к публикации 09.10.2023
The article was submitted 03.10.2023;
approved after reviewing 07.10.2023; accepted for publication 09.10.2023

Научная статья

УДК 902.03+903.43

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-34-45

О первой столице Когурё

Максим Александрович Стоякин

Институт культурного наследия Кореи
Тэджон, Республика Корея

stake-14@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9558-3533>

Аннотация

Статья посвящена малоизученной в отечественной историографии проблеме локализации и характеристики первой столицы раннесредневекового государства Когурё. Для достижения поставленной цели был рассмотрен основной корпус корейских и китайских письменных и эпиграфических источников. Они отражают для I в. до н.э. статус Когурё в качестве сформировавшегося государства с присущим ему таким обязательным элементом, как столица. При этом информация о локализации и структуре столицы неконкретна. Поэтому письменные источники были дополнены археологическими данными о горном городище Унью в пров. Ляонин, с которым в историографии соотносят первую столицу Когурё. По своим характеристикам оно соответствует не столице, а малообжитому укрепленному пункту, расположенному на высокой горе. В качестве возможного центра – долинного городища рассматриваются разные локации окружающего района. Реально государственность в Когурё сложилась только через несколько столетий, поэтому место, указанное в качестве первой столицы, можно отнести к военной ставке лидера группы раннего населения Когурё.

Ключевые слова

Когурё, ранний период, столица, летописи, горное городище, хронология

Для цитирования

Стоякин М. А. О первой столице Когурё // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10: Востоковедение. С. 34–45. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-34-45

About the First Koguryo Capital

Maksim A. Stoyakin

National Research Institute of Cultural Heritage
Daejeon, Republic of (South) Korea
stake-14@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9558-3533>

Abstract

The article presents the formation problem of the early Koguryo state's capital in the early medieval time. This subject has not been a particularly hot issue in Russian historiography. The main Korean and Chinese written and epigraphic sources were considered to resolve this background about the early capital. It categorically said, that in the 1st century BC, Koguryo developed as an established real state with an obligatory element as the capital. At the same time, information about the localization and structure of the early capital is uninformative and convoluted. Therefore, written sources were supplemented by archaeological data on the Wunu mountain city located in the Liaoning province, since in historiography, this site is correlated with the location of the first Koguryo capital. According to its characteristics, it represents a sparsely populated fortified settlement located in a hard-to-reach mountain valley on top of a high mountain. Different locations of the surrounding area are considered as the location of the valley settlement (including Xiàgǔchéngzi plain city). Several early Koguryo cemeteries were located in the neighbourhood. The Koguryo state

© Стоякин М. А., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10: Востоковедение. С. 34–45
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 10: Oriental Studies, pp. 34–45

system was finally organized only after several centuries, thus, the location indicated in written resources as the early capital, should be attributed as the leaders' military centre of the early Koguryo population group.

Keywords

Koguryo, early period, capital, chronicles, mountain fortress, chronology

For citation

Stoyakin M. A. About the First Koguryo Capital. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 10: Oriental Studies, pp. 34–45. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-34-45

Введение

В отечественном востоковедении существует ряд исследований по истории и культуре раннесредневекового корейского государства Когурё (37 г. до н. э.¹ – 668 г.). В то же время нет отдельных, специальных научных работ, посвященных описанию Чольбона (卒本城) – столицы Когурё начального периода. Для многих стран создание государства связано с появлением первой столицы. М. В. Воробьев указывал, что при перечислении столиц Когурё обычно Чольбон не упоминают, так как она являлась легендарной столицей [Воробьев, 1997, с. 175]. Обычно к этому времени относят правление от Тонмёна (Чумона) до Мобона (37 г. до н. э. – 145 г. н. э.). Однако Ли Чирин, Кан Инсук и другие северокорейские исследователи думали, что уже в I в. до н. э. сформировалось государство Когурё [Бутин, 1984, с. 112]. Южнокорейские историки, как и часть отечественных, напротив, считают временем основания государства II–III или IV в. н. э. [Ли Гибэк, 2000, с. 64; Бутин, 1984, с. 112, 125–126; Пак, 1979, с. 165]. Отечественные исследователи предполагали, что первой столицей Когурё был Куннэсон (кит. Гонэйчэн), а не Чольбон, но располагают его у северной излучины р. Ялуцзян, при этом указывая разные места [Бутин, 1984, с. 111; Воробьев, 1997, с. 128].

Отсутствие единых позиций по такой важной теме приводит к необходимости расширить наши представления о начальном периоде Когурё, рассмотрев проблему наличия и местонахождения столицы в это время. В данной работе будут проанализированы существующие теории о Чольбоне для решения обозначенных выше вопросов. Для этого мы рассмотрим комплекс письменных корейских и китайских источников, таких как летописи «Самгук саги» (1145 г.), «Самгук юса» (1285 г.), «Сань-го чжи» и «Вэй чжи» (конец III в.), «Вэйшу» (середина VI в.), «Бэйши» (начало VII в.), а также эпиграфическую надпись на стеле Квангэтхована (414 г.), и соотнесем их с археологическими данными.

Письменные и эпиграфические источники

Стела Квангэтхована, расположенная в уезде Цзиань пров. Цзилинь, была поставлена его сыном – ваном Чансу для прославления подвигов отца и восхваления своего рода. В тексте на стеле есть упоминание о первопредке когурёсов: «...Чумон происходил из Северного Пуё... отправился на юг... В долине Пирюокок, на западе от Хольбона (忽本) на вершине горы построил крепость и учредил столицу» [Джарылгасинова, 1979, с. 77].

В переводе «Бэйши» имеется упоминание о Чумоне: «...бежал до большой реки (р. Сунгари, по Н. Я. Бичурину); потом Чумон дошел до р. Пушу, где встретил трех человек... С ними он пришел в город Гэшэнгу (紇升骨城, кор. Хыльсынгольсон). Там они остались жить, называясь Гао-гюйли (Когурё)» [Бичурин, 1998, с. 52]. В «Сань-го чжи» и «Вэй чжи» говорится, что «Когурё основало царство и обитало вдоль Большой реки» [Пак, 2002, с. 22, 35; Кюнер, 1961, с. 233]. М. Н. Пак выдвинул предположение, что под этой рекой могла подразумеваться р. Ялуцзян. Скорее всего, этот фрагмент летописей может касаться того времени, когда столица была уже перенесена в район г. Цзиань у р. Ялуцзян.

¹ Дата образования опирается на традиционную хронологию, и воспринимать ее необходимо критически.

Согласно «Самгук саги», легендарный правитель Чумон, «дойдя до Модунгока [в *Вэй шу* сказано: «дойдя до реки Посульсу»], встретил трех человек, с которыми прибыл в Чольбончхон [в *Вэй шу*: «город Хыльсынгольсон»]... Увидев, что... горы и реки неприступные, решили заложить столицу. Но пока не построили дворцов и палат, стали жить в шалашах, сооруженных на берегу реки Пирюсу. Государство назвали Когурё». Или «...Чумон прибыл в Чольбон Пуё; когда умер местный ван, Чумон наследовал его место». Позже, осенью 34 г. до н. э., возвели внешние стены города и построили дворец. Эти земли были недалеко от поселений *мальгаль* [Ким Бусик, 1995, с. 36–37]. При этом в географии Когурё уже указывается, что «Хыльсынгольсон и Чольбон, по-видимому, были одним и тем же местом» и находились «в границах ханьского округа Сюаньту» [Ким Бусик, 2002, с. 84]. Кроме того, в «Самгук саги» упоминается, что шесть раз когурёские ваны (во II–III и в VI–VII вв.) отправлялись в Чольбон для совершения жертвоприношения в храме Основателя (vana Тонмёна), введенного в 20 г. н. э. [Ким Бусик, 1995, с. 45, 60, 109].

В «Самгук юса» монаха Ирёна в разделе, посвященном Северному Пуё, сказано, что в 59 г. до н. э. небесный правитель (Хэмосу) спустился на землю в колеснице, запряженной пятью драконами, в местности Хыльсынгольсон (на Лядуне) установил столицу, провозгласил себя ваном. Государство называлось Северное Пуё. Позже Тонмён присоединил земли Северного Пуё, и основал столицу в области Чольбон. Государство называлось Чольбон Пуё, что было началом Когурё [Ирён, 2018, с. 218–219]. В разделе про Когурё написано, что Когурё – это Чольбон Пуё, а местность Чольбон находится в районе Лядуна [Там же, с. 220]. И далее встречаем: «Чумон прибыл в область Чольбон, которая находилась в пределах округа Сюаньту, основал там столицу. Он немедля построил дворцовые покои, просто связав тростник над рекой Пирюсу» [Там же, с. 222]. Относительно упомянутых здесь географических названий М. В. Воробьев считал, что река Пирюсу – это р. Хуньцзян [Воробьев, 1997, с. 127]. Корейский ученый Ли Бёндо выдвинул гипотезу о том, что р. Чольбончон можно соотнести с р. Хуньцзян, а р. Пирю – с одним из ее притоков, возможно, с современной р. Фуэрцзян [Ким Бусик, 1995, с. 37, comment. 14].

Как видим, данные письменных и эпиграфических источников весьма обрывочные и малоинформационные, а иногда и запутанные. Между тем поздние корейские авторы пользовались фактически сходными корейскими (когурёские анналы не сохранились) и китайскими источниками, содержание которых могло привнести некоторую путаницу. Например, видна разница в топонимах: если в «Самгук саги» Хыльсынгольсон и Чольбон (или Хольбон) – это одно место, то Ю. В. Болтак предполагает, что Ирён не отождествлял эти два топонима [Ирён, 2018, с. 218–219, comment. 153]. В целом отличие этих мест фиксируется в надписи на стеле. При этом Северное Пуё, расположение которого многие исследователи видят с центром в г. Цзилинь, Ирён определял на Лядуне.

Что касается предположения Ирёна о местонахождении Чольбона на Лядуне, то, возможно, оно основано на информации из «Самгук саги», повествующей об осаде танскими войсками в 645 г. крепости Лядун: «...был храм, посвященный Чумону, а в храме – железная кольчуга и острые секиры, о которых молва твердила, что они были ниспосланы Небом в прежние времена [царства] Янь. Когда [ситуация стала] критической для осажденных, одну красивую девушку обрядили как богиню-покровительницу (страны)» [Ким Бусик, 1995, с. 116]. Из данного отрывка выходит, что там находилась родовая молельня и, возможно, раньше – сама легендарная столица.

По данным летописи «Самгук юса», «...крепость Лядун (遼東城) находится за р. Амноккан, говорят, что она принадлежала к ханьскому Ючжоу (幽州) (совр. пров. Хэбэй)» [Ирён, 2018, с. 493]. Ю. В. Болтак предполагает, что это может быть современный город Ляоян [Там же, с. 490]. Известно, что эта крепость занимала центральное положение в системе обороны западной границы Когурё, поэтому довольно часто подвергалась нападениям захватчиков. В первом походе суйского императора Ян-ди в 612 г. на Когурё была безрезультатно «...осаждена крепость Лядун, которая во времена Хань [называлась] крепостью Сянпин»

(выделено мной. – М. С.) [Ким Бусик, 1995, с. 104–108]. Позже, уже в 645 г., танские войска Гао-цзу успешно завоевали город и взяли крупную добычу [Там же, с. 116–117]. После падения Когурё империя Тан учредила Аньдунское военное наместничество, центр которого в 676 г. переместили в Лядунскую крепость [Ли Гибэк, 2000, с. 95].

Предполагаемый внешний вид Лядунской крепости можно определить по ее изображению в кургане с фреской «Лядун», найденном в 1953 г. в Ёнбоне уезда Сунчхон пров. Пхёнханнамдо КНДР. На южной стене камеры тушью было написано «Лядунская крепость», из чего можно предположить, что погребенный был как-то связан с ней или происходил из тех мест. Крепость на фреске в плане имеет прямоугольную форму, состоит из внешнего и внутреннего городов. Крепостные стены с зубцами, башнями на воротах и по углам, в середине – трехэтажная башня. Время сооружения погребения относят ко второй половине IV – началу V в. [Институт..., 1975, с. 37].

По летописи «Самгук саги», Лядунская крепость до конца IV в. оставалась за Китаем. Это подразумевают частые сообщения о набегах Когурё на Лядун [Ким Бусик, 1995, с. 81]. Кроме того, прямое указание на то, что при Хань это была крепость Сянпин, а ее конструкция, изображенная на фреске, характерна для ханьских городов, ставит под сомнение ее отношение к ранней столице Когурё. Скорее всего, в Когурё могло существовать несколько храмов поклонения Чумону, что не дает убедительных доказательств в пользу соотнесения Лядунской крепости с Чольбоном.

Судя по приведенным фрагментам, становление государства Когурё и возведение его столицы произошло достаточно рано и в короткие сроки. В этом проявляется стремление придать такому событию статус оформленного государства со столицей, желание быть похожим на «истинное» Северное Пуё, откуда вышла группа Чумона, или, возможно, и на китайские институты, которые служили примером для окружающих народов (наличие столицы и дворцовых построек). При этом тут же указывается, что группа основателей жила в «шалаши». Очевидно, что к этому времени государственность еще никак не могла оформиться в молодом образовании Когурё.

Интересным представляется и упоминание о близости к первой столице Когурё владений *мальгаль* (*мохэ*). Известно, что эти племена появляются в китайских летописях только через несколько столетий. Возможно, Ким Бусик привлек *мальгаль*, как обобщенное понятие для племен, осуществлявших грабительские набеги на ранние корейские государства, как мы видим и в случае описания ранней истории Пэкче [Ким Бусик, 1995, с. 135]. Таким образом, мы не можем полностью полагаться на представленные письменные данные по первой столице Когурё.

Археологические источники

Много новой информации в дополнение к письменным источникам, освещющим проблему местонахождения начальной столицы Когурё, могут дать археологические источники. Уже в конце XIX в. Нака Митиё (那珂通世) выдвинул гипотезу, соотнеся Чольбон с узкой долиной р. Хуньцзян в совр. уезде Хуанъжэн пров. Ляонин. Это место находится южнее г. Цзилинь, откуда, судя по записям, мог прийти Чумон. В этом районе выявлен ряд крупных курганных комплексов Гаолимуцзы (高丽墓子古墳群), Ванцзянлу (望江樓古墳群) и др., сложенных каменным навалом (*чоксокчхон*), часто без дополнительных конструкций, что характерно для погребений раннего периода Когурё. Имеется тут и несколько ранних городищ.

Среди них выделяется горное городище Уньюй (五女山城). В 1905 г. японский ученый Тории Рюдзо впервые обследовал этот памятник и идентифицировал его со столицей Винаамсон в Куннэ, куда Юри-ван в 3 г. н. э. перенес столицу Когурё. Этой же позиции придерживается и корифей корееведения Но Тхэдон [Byington, 2004, р. 576]. В это же время Сиратори Куракити одним из первых соотнес письменный Хыльсынгольсон с горным городищем

Унью [Ян Сыин, 2021, с. 63]. Данное мнение впоследствии стало общепризнанным среди ученых.

Горное городище расположено в 8,5 км на северо-восток от городского округа Хуанъжэнь на вершине горы высотой ок. 800 м над уровнем моря (см. рисунок, 1, 2). Протяженность памятника с севера на юг составляет 1 540 м, с востока на запад – 350–550 м. Периметр равен 4 754 м. Однако только участок длиной 565 м на легкодоступной восточной и юго-восточной сторонах сложен из обработанного камня. Параметры южного вала следующие: ширина нижней части стены равна 4–6 м, верхней части – 3–4 м, высота внешней стороны – 3–7 м, внутренней стороны – 1–1,7 м. Крепостной вал в разрезе имеет трапециевидную форму, был возведен из камня с внешней стороны, пространство между кладкой и склоном засыпалось землей и галькой. В остальных местах – крутые отвесные скалы, выступающие в качестве стен. Ворота находятся в трех точках (на западе, юге и востоке). Западные и восточные ворота с шириной проема около 5 м защищены «захабом». Внутри обнаружены наблюдательная вышка, водосборник и родник.

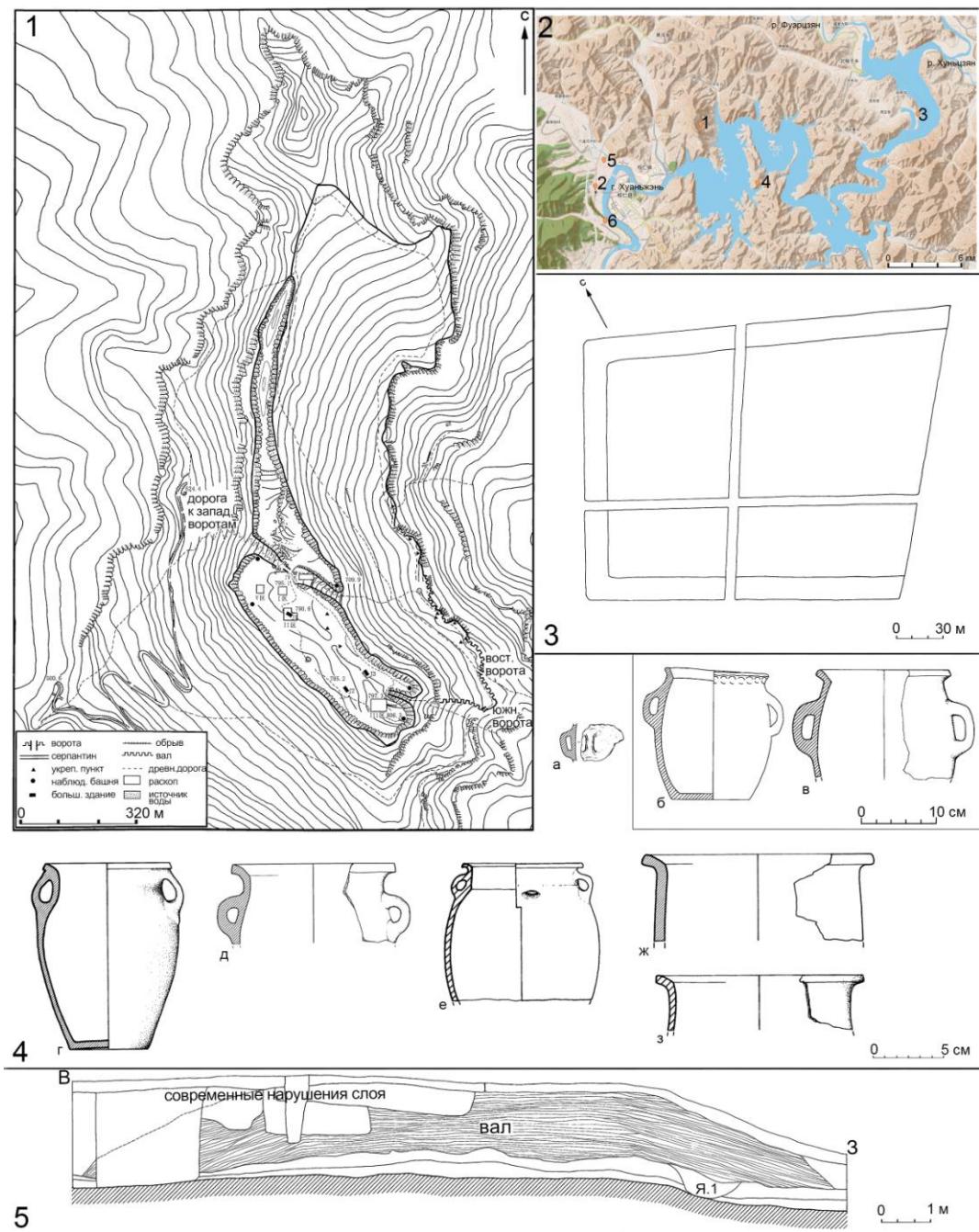
Археологические исследования на самом городище начались только в 1986 г. и продолжились в 1996–1999 гг. и 2003 г. в течение нескольких полевых сезонов [Институт..., 2004, с. 2]. Общая площадь исследований составила более 6 600 кв. м. В результате было выделено пять этапов заселения. Первый приходится на период позднего неолита, второй – на поздний бронзовый век. Третий этап был соотнесен с ранним периодом Когурё, а четвертый – со средним периодом Когурё (Ян Сыин считает, что он соответствует V–VI вв. [Ян Сыин, 2020, с. 49]). Последний этап датирован временем династии Цзинь (1115–1234 гг.).

К нашей теме имеет отношение третий этап. К нему китайские исследователи отнесли южный и восточный участки валов, ворота в нижней части. Внутри городища к данному времени относятся только остатки четырех небольших землянок с очажными устройствами и несколько ям. Это разительно отличается от материалов следующего этапа, очевидно, самого обжитого на городище.

Особое внимание привлекают остатки крупной постройки № 1 размерами 13,8 × 6–7 м. На длинной стороне сохранилось 7 каменных баз. Найдены черепицы отсутствуют. Исследователи считают, что здание могло принадлежать представителю элиты. Внутри обнаружены ханьская монета у-чжу и монета, выпущенная Ван Маном (ранее их находили с монетой *банълян*). К другим находкам относятся единичные железные изделия, лепная керамика коричнево-серых оттенков, включающая горшки с двойными вертикальными ручками, типичные для данного этапа (см. рисунок, 4: *г–е*). Все они могут подтвердить принадлежность слоя к раннему этапу Когурё [Институт..., 2004, с. 72–82, 319].

Для выявления особенностей городища Унью можно обратиться к горному городищу Хэйгоу в верхнем течении р. Фуэр в уезде Синьбинь, исследованному в 1980-х гг. Оно расположено на вершине горы высотой 700 м над уровнем моря, по очертанию близкое к прямоугольнику. Общий периметр равен 1 493 м, но только участок длиной 447 м сложен каменной кладкой. На городище имелись защитные башни, остатки ворот, колодец. Обнаружено большое количество фрагментов ранней когурёской керамики. Учитывая конструкцию городища, хронологию, расположение вверх по течению р. Фуэр, высказано предположение, что оно связано с «государством» Пирю, упомянутым в «Самгук саги» в связи с деятельностью Чумона [Музей..., 1985; Воробьев, 1997, с. 74]. Между городищами Унью и Хэйгоу прослеживается ряд аналогий, что может говорить о типичных признаках раннего оборонительного пункта в Когурё.

Проблема столичного города естественным образом связана с определением особенностей столичной системы в Когурё. В начале XX в. японский исследователь Сэкино Тадаси, опираясь на письменные сведения и результаты своих археологических работ на когурёских памятниках, выдвинул предположение о существовании в Когурё особой столичной системы,

Памятники и находки раннего периода Когурё:

1 – план горного городища Унью; 2 – расположение памятников раннего периода Когурё (1 – городище Унью; 2 – городище Сягучэнцы; 3 – городище Лахачэн; 4 – могильник Гаолимузы; 5 – могильник Шангучэнцы; 6 – могильник Ванцзяньлу); 3 – план городища Сягучэнцы; 4 – керамика раннего периода Когурё с городищ Сягучэнцы (а–в) и Унью (г–з); 5 – разрез западного вала городища Сягучэнцы. По: [Институт..., 2004, с. 14, 75, 77, 81, 305, 306, 308, 310]

Sites and finds of the early Koguryo period:

1 – plan of Wunu mountain fortress; 2 – location of early Koguryo period's sites (1 – Wunu fortress; 2 – Xiaguchengzi fortress; 3 – Laxacheng fortress; 4 – Gaolimuzi tombs; 5 – Shanggucheng tombs; 6 – Wangjianglou tombs); 3 – plan of Xiaguchengzi fortress; 4 – ceramics of the early Koguryo period from Xiaguchengzi fortress (a–c) and Wunu fortress (d–h); 5 – section of the western rampart of Xiaguchengzi fortress. As per: [Institute..., 2004. pp. 14, 75, 77, 81, 305, 306, 308, 310]

включавшей столичный город в долине и расположенное рядом с ним горное городище для укрытия в военное время. В качестве примера были приведены столицы Когурё среднего и позднего периодов в Куннэ и Пхеньяне [Ян Сын, 2021, с. 64]. Позже китайский исследователь Вэй Цуньчэн затронул проблему ранней столичной системы. Основываясь на письменных источниках (топонимы Хыльсынгольсон и район Хольбон), с учетом трудного доступа на горное городище Унью и небольшой площадки на нем, где могли бы существовать административные органы, он предположил наличие в долине города для размещения власти и проживания населения. С этим пунктом он связал остатки близлежащего долинного городища Сягучэнцы. Вместе с горным городищем они могли образовывать раннюю столичную систему Когурё [Вэй Цуньчэн, 1985, с. 29]. Позже эта точка зрения стала доминирующей не только в китайской историографии, но и в Корее (работы Пак Сунбала и др.). Однако в последующей обобщающей работе по археологии Когурё он соотнес Хыльсынгольсон уже не с горным, а с долинным городищем [Вэй Цуньчэн, 1994, с. 25].

Городище Сягучэнцы (下古城子古城) располагается на левом берегу р. Хуньцзян на расстоянии 3 км на северо-запад от г. Хуаньжэн и около 10 км на юго-запад от горного городища Унью. Это небольшое городище, в плане близкое к квадрату, периметр сохранившихся валов составляет около 0,8 км (см. рисунок, 3). Снаружи западного вала находится ров шириной 10 м. Еще в 1970–1980 гг. крупным наводнением была смыта восточная часть памятника. Городище застроено деревенскими постройками, автор лично при посещении смог удостовериться в плохой сохранности памятника. На городище находилось двое ворот (их могло быть четыре) шириной 5–6 м. Археологические работы внутри городища не проводились.

В 1998 г. был выполнен разрез западного вала (см. рисунок, 5), в ходе изучения которого установлены его размеры: ширина 15,2 м в нижней части, 8,4 м в верхней части, при сохранившейся высоте 1,4 м. В конструкции зафиксировано множество тонких неравномерных слоев (толщиной 2–5 см, местами 10–20 см) из утрамбованной супеси и суглинка. Подобная структура вала отмечена на когурёской столице в Гонэйчэне и на городищах культуры фэнлинь крайнего северо-востока Китая [Институт..., 2004, с. 305–307, 314–315]. Еще ранее было замечено, что в начальный период в Когурё не было опыта возведения городищ правильной формы и с земляными валами. Поэтому, скорее всего, Когурё заново использовали город, построенный при Хань, где такая строительная традиция получила развитие [Вэй Цуньчэн, 1985, с. 29]. Раскопки дали новый важный материал для определения времени сооружения вала. В яме № 1, находящейся под валом, кроме древних сосудов обнаружены фрагменты горшковидного сосуда с вертикальными ручками. Такие изделия (см. рисунок, 4: а) характерны для раннего периода Когурё, это может говорить о том, что время возведения вала относится не к Хань, а к Когурё [Институт..., 2004, с. 314].

Эти исследования поставили новые вопросы о характеристике данного городища, как и в целом об особенностях ранней столичной системы в Когурё. Прежде всего многими исследователями отмечается очевидное несовпадение расположения Хольбона из летописи и городища на горе: городище Сягучэнцы расположено к западу от горного городища Унью, притом что «...гора находилась на западе от Хольбона». Нельзя исключать появление описки в источнике, хотя эту вероятность исследователи почему-то вообще не принимают в расчет. Выглядит рациональной и точка зрения Лян Чжэньцзина (2008), который по могильным конструкциям и археологическому материалу могильника Шангучэнцы (上古城子古墳群), расположенного недалеко от долинного городища и, скорее всего, оставленного его населением, предлагает датировать их III–IV вв., т. е. позже на несколько столетий, чем основание Когурё [Ян Сын, 2020, с. 52–53]. Это в целом подтверждает и подъемный материал с городища, представленный многочисленными фрагментами керамики как раннего, так и среднего периода Когурё. Нельзя не учитывать очевидное заимствование и применение ханьской градостроительной традиции при сооружении городища Сягучэнцы, в то время как в Когурё в строительстве преобладает каменная кладка. Скорее всего, на его возведение могли быть

брошены силы ханьских пленников, сгоняемых после многочисленных набегов Когурё на соседние ханьские территории, или беженцев из этих районов.

Часть исследователей (Но Тхэдон, Сим Кванджу и др.) в качестве другого варианта видят долинное городище Лахачэн (喇哈城) в верховьях р. Хуньцзян, при впадении в нее р. Фуэрцзян. Оно расположено приблизительно в 12 км на восток от городища Уньюй. Это квадратной формы (периметром 800 м) городище с каменными валами. Оно попало в зону затопления и не было исследовано. Кроме того, небольшие по размеру укрепления, не соответствующие валам городища, а также ряд находок нового времени вызывают сомнения у некоторых исследователей в принадлежности его к Когурё [Ян Сын, 2021, с. 74, 77].

С учетом обозначенных выше проблем выдвинута новая гипотеза о расположении долинного городища на участке рядом с крупным раннекогурёским курганным комплексом Гаолимуцзы, насчитывающим более 200 погребений. Он расположен в 6 км на юго-восток от городища Уньюй на берегу р. Хуньцзян [Ки Гённян, 2017, с. 53–54]. Долинное городище могло располагаться и в месте впадения р. Хада в р. Хуньцзян, и это нашло бы аналогию с особенностью расположения столичной системы в Цзиани. Там горное городище Хвандо находится в верховьях р. Тунгоухэ, а долинное городище Куннэ – в месте впадения этой речки в р. Ялуцзян. Однако после сооружения дамбы на р. Хуньцзян большая часть долины оказалась затоплена, а до этого не было упоминаний о наличии здесь укреплений. Не исключено и полное отсутствие оборонительных сооружений на долинном поселении [Ян Сын, 2020, с. 53]. Кроме того, южнокорейский исследователь Ё Хогю считает достоверными сообщения письменных источников, где нет сведений о долинном городище (по: [Ки Гённян, 2017, с. 55]). Таким образом, существует большое количество теорий о предполагаемом расположении долинного центра.

Заключение

В статье сопоставлены данные письменных и эпиграфических источников с результатами археологических исследований для более полного освещения начального периода истории Когурё и его первой столицы Чольбон. Этот период почти не затрагивается в отечественных исследованиях, но привлекает большое внимание ученых Восточной Азии, так как это время возникновения государства Когурё – одного из крупных политических образований региона в раннем Средневековье. Можно сказать, что сведения письменных источников о локализации и структуре столицы малоинформативны, топонимы запутаны. Между тем роль и ценность подобных источников в изучении проблемы всё еще высока. Скорее всего, составители летописей следовали в традиционном русле описания уже сформировавшегося государства, для которого естественным было наличие столицы. Однако государственность в Когурё сложилась значительно позже, поэтому место, указываемое в качестве столицы, можно отнести к военной, очевидно, временной ставке лидера группы раннего населения Когурё.

В целом в исторической традиции принято определять в качестве «города на горе» горное городище Уньюй в г. Хуаньжэнь. Ряд исследователей считает, что в обычное время столица была в долине («Чумон некоторое время жил у реки»), которая в историографии часто соотносится с расположенным недалеко долинным городищем Сягучэнцзы. Теория Ирёна о Лядунской крепости не выглядит доказуемой.

Оба городища располагаются в долине р. Хуньцзян на сравнительно близком расстоянии (около 10 км). Несомненно, между ними имелась определенная связь. Археологические материалы показывают, что они могли существовать с перерывами с древности вплоть до периода Цзинь. К сожалению, отсутствие раскопок на городище Сягучэнцзы пока не позволяет говорить о его столичном характере. При этом многочисленный подъемный материал указывает на активное функционирование укрепленного поселения в начальный и средний периоды Когурё. С учетом конструкции вала можно выдвинуть гипотезу, что ханьцы во время одного из своих походов на Когурё могли возвести такой пункт, но не обжить его. Или же оно

было построено ханьскими пленниками или беженцами по знакомой им технологии. Необходимы масштабные исследования внутри городища для выявления других объектов эпохи Когурё в дополнение к единственной небольшой яме, обнаруженной под его валом. Точка зрения об отсутствии укрепленного пункта в долине на раннем этапе Когурё выглядит малорациональной из-за постоянных военных угроз со стороны ханьских округов.

Ясно одно, и это подтверждено археологическими данными, что в ранний период Когурё горное городище Унью было слабо заселено. Такая ситуация в целом повторяет картину обитания редкого населения бронзового века. При посещении памятника автору потребовалось немало сил, чтобы взобраться налегке на вершину. Несомненно, древнему населению было просто неудобно проживать в такой «высотке». В то же время, это сильно разнится со средним периодом Когурё, для которого выявлено около трех десятков жилищ, обустроенных *канами*, что помогало выживать при холодных зимах. Они содержали богатый археологический материал. Подобная ситуация продолжилась и на последнем этапе существования городища, уже после падения Когурё. Сомнительно, чтобы на начальном этапе Когурё на такой высокой горе, как Унью, могла функционировать столица. Малоубедительно и мнение китайских исследователей о раннем возведении длинных участков вала из хорошо обработанного камня. Для этого нужен высокий уровень технологии и большое количество рабочей силы, малодоступной для раннего вождества. Свое развитие оно получило со среднего этапа Когурё. В крайнем случае, Унью могло служить кратковременным убежищем, чему есть аналогии в сообщениях исторических источников о более поздней когурёской столице в Пхеньяне. Однако нельзя сопоставлять ситуацию VI–VII вв. и начала нашей эры. В Чольбоне не было сложившейся столицы, соответственно говорить о столичной системе из равнинного и горного городища-спутника для этого периода преждевременно. Судя по расположению городища, оно позже контролировало важный пункт, соединяющий западный район Когурё с внутренними областями, где находилась вторая столица Куннэ.

Учитывая особое доминирующее положение в округе, горное городище Унью могло обладать и ритуальной функцией, быть священным местом, на что указывают сведения «Самгук саги» о возведении храма Чумону в Чольбоне. Возможно, крупная постройка, датируемая ранним этапом Когурё, имела к этому некоторое отношение. С городища открывается широкий обзор над долиной, сама гора бросается в глаза своей формой и видна со всех сторон.

С усилением могущества Чумона и его наследников и расширением территории назрела необходимость в переносе центра (военно-политической ставки) на новое место, которым оказалась долина среднего течения р. Ялуцзян в Куннэсоне (район современного уезда Цзинань). Прежнее место находилось в неширокой горной долине р. Хуньцзянь, стратегическом пункте, подходящем для защиты от ханьского Китая небольшого политического образования, которым на первых порах являлось Когурё. Расстояние между районами по прямой составляет приблизительно 70 км. Обычно перенос ставки когурёского правителя (упоминаемый в летописи как перенос столицы в 3 г. н. э.) был значительным событием, для которого должны существовать веские причины. Скорее всего, сыграли свою роль обширные пространства в районе среднего течения р. Ялуцзянь, военная активность государства Когурё, и, конечно же, стратегическое в транспортном и оборонительном смысле новое место.

В последние десятилетия на территории северо-востока Китая прошли раскопки ряда когурёских памятников. Властиами КНР в 2004 г. остатки трех древних городов (Унью, Гонэй и Ваньду), соотносимых со столичными памятниками, а также 40 гробниц правителей и знати Когурё были внесены в список ЮНЕСКО, что подтверждает важность изучения данного периода. Письменные источники дают нам скучную и противоречивую информацию, а на введение новых данных в научный оборот не приходится надеяться. Поэтому необходимо проведение более масштабных археологических исследований в долине р. Хуньцзянь для уточнения хронологии функционирования памятников. Это поможет составить более полную картину важного этапа формирования Когурё.

Список литературы

- Бичурин Н. Я. (Иакинф).** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. Алматы: Жалын баспасы, 1998. Т. 2. 352 с.
- Бутин Ю. М.** Корея: от Чосона к трем государствам (II в. до н. э. – IV в.). Новосибирск: Наука, 1984. 256 с.
- Воробьев М. В.** Корея до второй трети VII века: Этнос, общество, культура и окружающий мир. СПб.: Петербургское востоковедение, 1997. 432 с.
- Джарылгасинова Р. Ш.** Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики. М.: Наука, 1979. 183 с.
- Ирён.** Оставшиеся сведения о Трёх государствах (Самгук юса). СПб.: Гиперион, 2018. 894 с.
- Ким Бусик.** Самгук саги: Летописи Когурё. Летописи Пэкче. Хронологические таблицы. М.: Вост. лит., 1995. Т. 2. 320 с.
- Ким Бусик.** Самгук саги. Разные описания. Биографии. М.: Вост. лит. РАН, 2002. Т. 3. 690 с.
- Кюнер Н. В.** Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во вост. лит.. 1961. 391 с.
- Ли Гибэк.** История Кореи: новая трактовка. М.: ТИД «Русское слово – РС», 2000. 464 с.
- Пак М. Н.** Очерки ранней истории Кореи. М.: Наука, 1979. 240 с.
- Пак М. Н.** Описание корейских племен в начале новой эры (по «Сань-го чжи») // Российское корееведение: Альманах. М., 2002. Вып. 2. С. 17–39.
- Byington M. E.** Problems Concerning the First Relocation of the Koguryo Capital // Когурёй ёксаوا мунхваюсан [고구려의 역사와 문화유산]. История и культурное наследие Когурё. 2004. pp. 570–602.
- Вэй Цуньчэн.** Гаогули чу·чжунци дэ дучэн [魏存成. 高句丽初·中期的都城]. Столица раннего и среднего Когурё // Бэйфан вэньу. 1985. № 2. С. 28–36. (на кит. яз.)
- Вэй Цуньчэн.** Гаогули каогу [魏存成. 句麗考古]. Археология Когурё. Цзилинь: Изд-во Цзилиньского ун-та, 1994. 124 с. (на кит. яз.)
- Институт археологии Академии общественных наук. Когурё мунхва [사회과학원 고고연구소. 고구려문화]. Культура Когурё. Пхеньян: Сахвэгвахаквон, 1975. 339 с. (на кор. яз.)
- Институт культурных реликвий и археологии провинции Ляонин. Уньюшаньчэн: 1996–1999, 2003 нянь Хуанжэн Уньюшаньчэн дяочжа фацзюэ баогао. [遼寧省文物考古研究所. 五女山城: 1996–1999, 2003 年 桓仁五女山城調查發掘報告]. Горное городище Унью: отчет об археологических исследованиях горного городища Унью в Хуаньжэн в 1996–1999 и 2003 гг. Пекин: Вэньу, 2004. 393 с. (на кит. яз.)
- Ки Гённиян.** Когурё вандо ёнгу [기경량. 高句麗 王都 研究]. Изучение ванских столиц Когурё. [서울대학교 박사학위논문]. Дис. PhD Сеульского ун-та. Сеул, 2017. 286 с. (на кор. яз.)
- Музей г. Фушунь, Бюро культуры уезда Синьбинь. Ляониншэн Синьбиньсянь Хэйгоу Гаогули цзаоцишаньсэн [抚顺市博物馆、新宾县文化局. 辽宁省新宾县黑沟高句丽早期山城]. Горное городище Когурё раннего периода в Хэйгоу уезда Синьбинь провинции Ляонин // Вэньу. 1985. № 2. С. 46–51. (на кит. яз.)
- Ян Сын.** Тосон [양시온. 도성]. Столицы // Когурё когохак [고구려 고고학]. Археология Когурё. Квачхон: Чининджин, 2020. С. 45–74. (на кор. яз.)
- Ян Сын.** Когурё тосонджэ кочхаль [양시온. 高句麗 都城制 再考]. Рассмотрение столичной системы в Когурё // Хангук сангоса хакбо [한국상고사학보]. Вестник древней истории Кореи. 2021. Т. 112. С. 56–87. (на кор. яз.)

References

- Bichurin N. Ya. (Iakinf).** Sobraniye svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevneyshiye vremena [Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. T.2. Almaty, Zhalyr Baspasy, 1998, 352 p. (in Russ.)
- Butin Yu. M.** Koreya: ot Chosona k trem gosudarstvam (II v. do n.e. – IV v.) [Korea: from Joseon to Three States (2 BC – 4 AD)]. Novosibirsk, Nauka, 1984, 256 p. (in Russ.)
- Dzharylgasinova R. Sh.** Etnogenet i etnicheskaya istoriya koreytsev po dannym epigrafiki [Ethnogenesis and ethnic history of Koreans according to epigraphic data]. Moscow, Nauka, 1979, 183 p. (in Russ.)
- Iryon.** Ostavshiyesyva svedeniya o Trokh gosudarstvakh (Samguk yusa) [Remaining information about the Three States (Samguk yusa)]. St. Petersburg, Hyperion, 2018, 894 p. (in Russ.)
- Kim Busik.** Samguk sagi: Letopisi Koguro. Letopisi Pekche. Khronologicheskiye tablitsy [Samguk sagi: Annals of Koguryo. Chronicles of Baekje. Chronological tables]. Moscow, Eastern literature, 1995, vol. 2, 320 p. (in Russ.)
- Kim Busik.** Samguk sagi. Raznyye opisaniya. Biografii [Samguk sagi. Various descriptions. Biographies]. Moscow, Eastern literature RAN, 2002, vol. 3, 690 p. (in Russ.)
- Kyuner N. V.** Kitayskiye izvestiya o narodakh Yuzhnay Sibiri, Tsentral'noy Azii i Dal'nego Vostoka [Chinese knowledge about the Southern Siberia, Central Asia and the Far East peoples]. Moscow, Publishing House of Oriental Literature, 1961, 391 p. (in Russ.)
- Lee Gibaek.** Iстория Кореи: новая трактовка [History of Korea: a new interpretation]. Moscow, TID “Russian Word – RS”, 2000, 464 p. (in Russ.)
- Pak M. N.** Ocherki ranney istorii Korei [Essays on the early history of Korea]. Moscow, Nauka, 1979, 240 p. (in Russ.)
- Pak M. N.** Opisanie koreiskikh plemen v nachale novoi ery (po “San'-go chzhi”) [Description of the Korean tribes at the beginning of a new era (on the “Sanguozhi”)]. In: Rossi'skoe koreovedenie. Al'manakh [Almanac of Russian Korean Studies]. Moscow, 2002, iss. 2, pp. 17–39. (in Russ.)
- Vorobyov M. V.** Koreya do vtoroy treti VII veka: Etnos, obshchestvo, kul'tura i okruzhayushchiy mir [Korea until the second third of the 7th AD: Ethnos, society, culture and the world around]. St. Petersburg, Petersburg Oriental Studies, 1997, 432 p. (in Russ.)
- Byington M. E.** Problems Concerning the First Relocation of the Koguryo Capital. In: Koguryoui yeogsawa munhwayusan [고구려의 역사와 문화유산]. Koguryo history and cultural heritage. 2004, pp. 570–602.
- Institute of Archeology of the Academy of Social Sciences. Koguryo munhwa [사회과학원 고고연구소. 고구려문화]. Koguryo Culture. Pyongyang, Sahwegwahakwon, 1975, 339 p. (in Kor.)
- Institute of Cultural Relics and Archeology of Liaoning Province. Wǔnǚshānchéng: 1996–1999, 2003 nián Huánrén Wǔnǚshānchéng diàozhā fājué bàogào [遼寧省文物考古研究所. 五女山城: 1996–1999, 2003 年桓仁五女山城調查發掘報告]. Wǔnǚ Mountain City: A Report on the Archaeological Survey of the Wǔnǚ Mountain City in Huanren in 1996–1999 and 2003. Beijing, Wenwu, 2004, 393 p. (in Chin.)
- Ki Gyeongnyang.** Koguryo wando yonggu [기경량. 高句麗 王都 研究]. Study of Koguryo's Royal Capital. [서울대학교 박사학위논문]. Seoul University Doctoral Thesis. Seoul, 2017, 286 p. (in Kor.)
- Fushun Museum, Xinbin County Cultural Bureau. Liaoningsheng Xinbinxian Heigou Gaogouli zaoqi shan cheng [辽宁省 新宾县 黑沟 高句丽早期山城]. Early Koguryo Mountain City in Heigou, Xinbin County, Liaoning Province. Wenwu, 1985, no. 2, pp. 46–51. (in Chin.)
- Wei Cuncheng.** Gaogouli chu zhongqi de ducheng [魏存成. 高句丽初·中期的都城]. The Capital of Early and Middle Koguryo. Beifang wenwu, 1985, no. 2, pp. 28–36. (in Chin.)

Wei Cuncheng. Gaogouli kaogu [魏存成. 句麗考古]. Archeology of Koguryo. Jilin, Publishing House of Jilin University, 1994, 124 p. (in Chin.)

Yang Si-eun. Doseong [양시은. 도성]. Capitals. In: Koguryo kogohak [고구려 고고학]. Archeology of Koguryo. Gwacheon, Jiningjin, 2020, pp. 45–74. (in Kor.)

Yang Si-eun. Koguryo doseongjae gochal [양시은. 高句麗都城制 再考]. Examining the Capital System in Koguryo. *Hanguk sanggosa hakbo* [한국상고사학보]. *Korean Ancient History Journal*. 2021, vol. 112, pp. 56–87. (in Kor.)

Информация об авторе

Максим Александрович Стоякин, PhD

RSCI Author ID 591558

SPIN 5644-5753

Information about the Author

Maksim A. Stoyakin, PhD

RSCI Author ID 591558

SPIN 5644-5753

*Статья поступила в редакцию 31.01.2023;
одобрена после рецензирования 06.09.2023; принята к публикации 09.10.2023
The article was submitted on 31.01.2023;
approved after review on 06.09.2023; accepted for publication on 09.10.2023*

Научная статья

УДК 951.04

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-46-55

Происхождение *мохэ* по данным летописных источников

Владимир Эрнестович Шавкунов

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока

Дальневосточного отделения Российской академии наук

Владивосток, Россия

vshavkunov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2439-1865>

Аннотация

На основе летописных китайских и корейских источников рассматривается этническая ситуация, сложившаяся на севере Корейского полуострова и в Южной Маньчжурии в начале – середине I тыс. н. э. Анализируется этноним *мохэ*, происхождение которого можно связывать с названием Северного Воцзюй – Чжиголоу (Мэголоу). Территория Чжиголоу и прилегающие к нему земли стали местом, где происходило зарождение *мохэ*. На современной карте это соответствует юго-восточным и южным районам провинции Цзилинь в КНР. В начале нашей эры на этих землях проживало население группы *вэймо*, соседями которых были племена *сушэней*. В III веке эти народы были включены в состав государства Восточного Фуюй, вплотную к которому с запада прорвались племена *сяньби*. В начале V века территория Восточного Фуюй и сяньбийцев были присоединены к Когурё. В результате на севере Когурё в единные социальные, политические и экономические связи были вовлечены различные народы – жители Фуюй, Восточного Фуюй, Когурё, Северного Воцзюй, относящиеся к единому языковому сообществу (*вэймо*), а также *сушэни* и *сяньби*. Смешение этих обществ привело к образованию отдельных территориальных групп, получивших обобщенное название *мохэ*. Окончательное выделение *мохэ*ских племен среди окружающих их народов, произошло, по всей видимости, в третьей четверти V в.

Ключевые слова

Северное Воцзюй, Когурё, Фуюй, *сяньби*, *сушэни*, *мохэ*

Для цитирования

Шавкунов В. Э. Происхождение *мохэ* по данным летописных источников // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10: Востоковедение. С. 46–55. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-46-55

The Origin of *Mokhe* According to Chronicle Sources

Vladimir E. Shavkunov

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East
of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences

Vladivostok, Russian Federation

vshavkunov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2439-1865>

Abstract

In the 5th century AD, *mokhe* tribes appeared in the Far East and quickly started playing one of the most important roles in the region. The centre of forming *mokhe* tribes became the land of Northern Woju called Zhigolou (Megolou), which can be translated as “water city” or “river city”. The population of this land can be called “citizens on the rivers”, “river citizens”. Megolou was supposed to be on the northern bank of the Tumen river, on the south-east of the Chinese province Jilin. The ethnonym “Megolou” on one of the dialects of *weimo* group should be pronounced as “*mulgil*”, which sounds as “*wuji*” in Chinese writing. Later “*wuji*” began to be read as “*mokhe*”. The process of consolidation of *mokhe* took almost two centuries. Initially the territory of the Northern Woju, on which the people

© Шавкунов В. Э., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10: Востоковедение. С. 46–55

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 10: Oriental Studies, pp. 46–55

of *weimo* and *sushen* groups lived, became part of the Eastern Fuyu country. In the 4th century, *xianbi* descendants moved far away to the East, penetrated Fuyu and Koguryo and became neighbours to Eastern Fuyu. In the early 5th century, the territory of Eastern Fuyu was conquered by kogurenian ruler Kwangetho. In 436, Eastern Yan *xianbi* country was demolished, and part of its population moved to the northern borders of Koguryo. After that, peoples of the *weimo* group (citizens of Koguryo, Fuyu, Northern Woju), *sushen* and *xianbi* peoples found themselves in close proximity on the North and Northern-East of Koguryo. The mixing of those peoples led to the branching out of different territorial groups, which altogether started to be called *wuji* (*mokhe*).

Keywords

Northern Woju, Koguryo, Fuyu, *xianbi*, *sushen*, *mokhe*

For citation

Shavkunov V. E. The Origin of *Mokhe* According to Chronicle Sources. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 10: Oriental Studies, pp. 46–55. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-46-55

Введение

В середине I тыс. н. э. на территории Маньчжурии начинает формироваться мощная общность, которая под названием *мохэ* стала во многом определять политические события на Дальнем Востоке. Самые ранние сведения о них (как об *уцзи*) содержатся в «Бэй ши», охватывающей период с 386 по 618 г. и составленной в середине VII в. Однако впервые о них стало известно в Китае лишь в 70-х гг. V в. [Бичурин, 1950, с. 71], когда они прибыли ко двору императоров династии Северная Вэй (386–534 гг. н. э.). Видимо, именно тогда, и со слов самих мохэсов, о них и была собрана первая информация. Названы 7 племен, дана информация об их взаимном расположении и некоторые другие сведения. По всей видимости, первыми прибывшими в Китай мохэсами были представители племени *лимо*, которых позже стали называть *сумо* (по названию реки, на которой они проживали). О том, что это были *лимо* *мохэ*, могут свидетельствовать такие соображения. 1) Они проживали ближе всех к Китаю. 2) Летописи начинают перечисление мохэских племен и их ориентацию на местности с *лимо* – логично предположить, что прибывшие начинают рассказ с себя, а не со своих соседей. 3) Только в отношении *лимо* и их непосредственных соседей (*боду* и *байшань*) есть сведения о точном количестве воинов. О не граничащих с *лимо* племенах такой информации нет.

Через несколько лет после прибытия в Китай первого посольства *мохэ*, на страницах «Бэй ши» появляется перечень из 12 соседних с ними владений [Бичурин, 1950, с. 71], которые по каким-то причинам не были включены в мохэское сообщество. В более позднем источнике «Синь Тан шу» отмечено, что в VII в. племена отстоят одно от другого на 200–400 ли. Также отмечается, что они занимают очень большую территорию – от тюрок на западе до моря на востоке и от Гаоли на юге до *шивэй* на севере [Сунь Хун, 2001, с. 80–81]. Невольно возникает вопрос: откуда появились эти *мохэ* и какова судьба народов, проживавших на юге Маньчжурии и в Приморье в начале I тыс. н. э.? Теме возникновения и распространения мохэских племен посвящено много статей отечественных и зарубежных авторов. Их обзор и критический разбор содержащихся в них положений – тема отдельной большой работы. Задача же данной статьи – при помощи китайских и корейских летописных источников ответить на поставленные выше вопросы.

Этнополитическая ситуация на юге Маньчжурии в III веке

Наиболее ранним источником по народам, проживавшим на указанной территории, является «Саньго чжи», в котором охватываются события III в. н. э. По этому сочинению, на севере Корейского полуострова находилось государство Когурё. В этой стране нет равнин и озер, а люди живут по горным долинам. К северу от Когурё находится Пуё (кит. Фуюй), которое на востоке граничит с *ымну* (кит. илоу), а на западе – с *сяньби*. На востоке Когурё граничит с *окчо* (кит. воцзюй). *Окчо* живут вдоль берега моря, на юге граничат с племенами *е* (кит. вэй) и *мэй* (кит. мо), а на севере – с *ымну* и Пуё. Есть еще Северное Окчо, которое называется Чжигуру (Чжигулоу). Граничат с *ымну*. Сами же *ымну* находятся за тысячу с лишним

ли на северо-восток от Пуё, соприкасаются с Великим морем, на юге граничат с Северным Окчо. В земле ылну много неприступных гор [Пак, 1961]. Перенося эти сведения из «Саньго чжи» на современную карту, получаем следующее. В предгорьях массива Чанбайшань проживало население Когурё. К востоку от них на северо-востоке КНДР и, возможно, на левобережье р. Туманной проживали *воцзюй*. На север от Когурё в среднем течении р. Сунгари был центр государства Фуюй. На восток от Фуюй и на север от *воцзюй* на побережье Японского моря, т. е. на юге Приморского края, жили *илю*. Кроме того, *воцзюй* на севере граничило еще и с Фуюй [Бутин, 1984, с. 98]. Поэтому можно предположить, что Фуюй простиралось за р. Муданьцзян достаточно далеко на восток, так как оно граничило на юге не только с Когурё, но и с проживавшими недалеко от моря *воцзюй*.

Во время династии Цзинь (265–420 гг.) племена *воцзюй* и *илю* уже не числятся среди соседей Когурё. По «Цзинь шу», *илю* теперь называются *сушэнь* [Воробьев, 1994, с. 106] и сведения о них из более ранних источников переносятся на *сушэней*. По-видимому, *илю* уже в III в. н. э. начали вытесняться с юга Приморья по побережью Японского моря на север племенами *сушэней*. Сами *сушэнь* в III в. находились также к северу от *воцзюй*. В «Саньго чжи» и «Бэй ши» есть записи о том, что полководец Ван Ци, преследуя когурёского вана, прошел страну Окчо более чем на 1 000 *ли* и достиг южных пределов страны *сушэней* [Бутин, 1984, с. 136]. Археологически *сушэнем* соответствует кроуновская – туаньцзе культура, занимавшая территорию южной части Приморского края и сопредельные районы КНР от западных приханкайских земель до среднего течения р. Туманган.

По-другому обстояло дело с *воцзюй*. По «Саньго чжи», в 40-х гг. III в. войска Гуаньцю Цзяня, преследуя вана Когурё, разрушили все селения *окчо*, убили и увезли в плен свыше 3 тыс. человек (по другим данным того же источника, убитых и взятых в плен было свыше 8 000) [Там же]. Если же учесть, что у *окчо* всего было немногим более 5 000 дворов [Там же, с. 105], а пленными считать взрослых мужчин, то демографическая ситуация в Окчо после этого должна была стать катастрофической. После такого разорения Когурё легко присоединили к себе их земли. Правда, оставалось еще Северное Окчо, которое просуществовало минимум до 285 г., так как в этот год в Окчо, в результате вторжения в Пуё войск *мужунов* (одного из племен *сяньби*), бежали родственники пёсского вана. После этого Северное Окчо постепенно вошло в состав Восточного Пуё. Само же Пуё (Фуюй) в 285 г. благодаря поддержке из Ляодуна не было завоевано *мужунами* и оставалось там же, где и раньше, т. е. к северу от Когурё. Но в 40-х гг. IV в. *мужуны* снова напали на Фуюй, заняли его столицу и захватили в плен вана, а также свыше 50 тыс. человек. Здесь уже фуюцзянам никто не помог, и страна стала катиться к своему закату. Во время этой кампании *мужуны* продвинулись на восток и захватили южные пределы Фуюй, так как, по сообщениям летописей, во времена династии Цзинь (265–420 гг.) к югу от Фуюй стали проживать *сяньби* [Кюнер, 1961, с. 250]. По всей видимости, *мужуны* продвинулись достаточно далеко, так как, по «Цзинь шу», *сушэнь* «на западе граничат с обширной разбойничьей страной» [Шавкунов, 1959, с. 69]. В другой версии перевода говорится, что они «на западе смешаны со страной Цзао [?] Маханьго» [Кюнер, 1961, с. 254]. Западнее *сушэней* в то время располагались Восточное Фуюй и Когурё, и их названия были хорошо известны составителям «Цзинь шу». А вот не имевшей названия непонятной или «разбойничьей страной» могли быть только какие-либо *сяньбийские* племена, постоянно воевавшие между собой и с соседними странами и вполне поддавшие под подобное определение. Но тогда получается, что между Когурё и Фуюй к началу V в. н. э. не было общей границы. В то же время, по сообщениям источников, начиная со второй половины IV в. Когурё усилило натиск на Фуюй. Только во время правления вана Квангэтхо (391–412 гг.) Фуюй отдали Когурё 64 крепости и 1 400 селений [Бутин, 1984, с. 84]. По всей видимости, здесь речь идет о Восточном Фуюй, так как в результате предпринятой ваном Квангэтхо военной кампании в 410 г. это государство было окончательно подчинено Когурё. Основное же Фуюй, по крайней мере до конца IV в., было отделено от Когурё *сяньбийцами* – до 370 г. на них с севера нападали войска созданного *мужунами* (одним из

племен *сяньби*) государства Раннее Янь, а после 370 г. – *кидани*, которые были на севере Ко-гурё минимум до 392 г. [Ким Бусик, 1995, с. 81]. При таком раскладе *сушэни* могли граничить с *сяньби* только в том случае, если они сами или сяньбийцы проживали в Восточном Фуюй. Скорее всего, именно территория Восточного Фуюй, особенно его южная часть, в том числе и бывшие земли Северного Воцзюй, была зоной тесных контактов различных народов – выходцев из Воцзюй, Фуюй, а также *сяньби* и *сушэней*.

Как бы там ни было, из сказанного выше следует, что еще в начале V в. н. э. не было серьезных предпосылок и свободного места для возникновения такого многоплеменного объединения, каким буквально через полвека на страницах «Бэй ши» предстает перед нами мохэское общество. Для возникновения его нужен был определенный район формирования и какой-то мощный внешний толчок. Таким толчком в первую очередь видится процесс проникновения на определенную территорию различных этнических образований и смешение их в одну общность.

Район формирования мохэ

Можно предположить, что районом формирования ядра мохэцев была как раз территория Северного Воцзюй, которое называлось еще Чжиголоу (Чжигоулу, Чжигуру, Чхигуру), что считается неправильным написанием топонима Мэгуру, который можно расшифровать как «водяной город» или «город на реке» [Бутин, 1984, с. 102–103]. Причем это относится не только к какому-то поселению, но и к жителям страны, которые также должны были называться *мэгуру*. В связи с этим полезно будет отметить, что имя *мохэ* имело значение «поречане, жители рек» [Шавкунов, 1968, с. 27]. Таким образом, оба топонима (*мэгуру* и *мохэ*) обозначали примерно одно и то же. И это не могло быть случайностью. При этом не должно вводить в заблуждение то, что *мохэ* сначала назывались *уцзи*. Дело в том, что, согласно А. В. Гребенщиковой, в «Тун чжи» «мохэ» и «уцзи» фонетически сближаются, и первое есть испорченное слово от звукового комплекса второго. Иероглифы, которыми записаны эти два слова – *уцзи* и *мохэ*, в корейском чтении звучат как «мульгиль» и «мальгаль» [Там же], что очень созвучно. При этом слово «муль» по-корейски означает ‘вода’, и для его транскрипции в китайском языке применялось слово «мэ» [Бутин, 1984, с. 103], входившее в состав топонима Мэгуру. Иначе говоря, по-корейски первый слог в слове *Мэгуру* должен был читаться муль. Кроме того, слово *мохэ* (и различные варианты произношения этого термина) состоит из двух частей. Первая часть – *мань*, *мон*, *му* – берет свое начало от слова *манг* (сильная, тяжелая), или *му* (вода), а вторая часть – *голь*, *голо*, *гули* – от слова *голо* (страна, владение) [Шавкунов, 1968, с. 30]. Это, в свою очередь, близко и по звучанию, и по значению к слову *гуру* (*голоу*, *гоулу*), входящему второй частью в термин *Чжигуру* (*Мэгуру*) и его производные и обозначающему город или укрепленное поселение [Бутин, 1984, с. 103]. Поэтому с уверенностью можно утверждать, что этнонимы *уцзи* и *мохэ* произошли от одного из вариантов названия Северного Воцзюй – Мэголоу. Также можно предположить, что под «сильной водой» имеется в виду р. Туманная – самая крупная река на северо-востоке Корейского полуострова – места обитания племен *воцзюй*. Мнение о том, что Северный Воцзюй располагался в долине р. Туманной, поддерживают и видные японские исследователи, но помещают его очень далеко от моря – на р. Буэрхатухэ (Х. Икэути) или возле г. Хверён (К. Сиратори) [Бутин, 1984, с. 101–103]. Однако эти места находятся более чем в 100 км от моря по руслу р. Туманной, а это не соответствует сведениям из «Саньго чжи» и «Хоу Хань шу». По этим летописям можно понять, что Воцзюй делятся на южных и северных, сама страна маленькая, состоит всего из 5 000 дворов, узкая, протяженностью 1 000 *ли* и расположена вдоль моря [Бутин, 1984, с. 98–100]. Места для главного города Мэголоу, отведенные японскими исследователями, находятся очень далеко от моря, в гористой местности и вряд ли соответствуют действительности. Гораздо более реальным для локации Мэголоу видится район границы между КНР и Россией у р. Туманной.

Как правило, названия дальневосточных стран и народов, находящихся близко к западному побережью Японского моря, попадали в Китай через Корею. Это должно относиться и к *уцзи-мохэ*. Поэтому можно смело предположить, что корейцы в V в. н. э. стали называть жителей бывшего Северного Воцзюй *мульгиль*, а потом *мальгаль*. Но если переход в китайских терминах с *уцзи* на *мохэ* можно объяснить испорченным звуковым комплексом, то в корейском языке переход с *мэголоу* на *мульгиль*, а потом на *мальгаль*, по-видимому, должен быть связан с различными диалектами. В какой-то степени это положение подтверждается следующим фактом. В «Самкук саги» – самом древнем из сохранившихся историческом сочинении Кореи – термин *мальгаль* появляется в записях, относящихся к 37 г. до н. э. [Ким Бусик, 1995, с. 37], когда в Китае не то что о *мохэ*, но и об *уцзи* еще не знали. Фигурируют *мальгаль* в этом источнике и в более позднее время, вплоть до конца записей о Силла. Корейские комментаторы, в частности Ли Бёндо, считают, что изначально под этим названием проходят племена восточные *е* [Ким Бусик, 1959, с. 304] (по-китайски *вэй*), проживавшие в начале I тыс. н. э. на побережье Японского моря между Силла и *воцзюй*. Восточные *е* как относительно независимая общность просуществовала до 410 г., когда когурёский ван Кван-гэтхо окончательно присоединил их к Когурё [Бутин, 1984, с. 108]. Однако в «Самкук саги» *мальгаль* фиксируются и после этой даты. В частности, в 468 г., когда они вместе с людьми Когурё напали на крепость Сильчжик у северной границы Силла [Ким Бусик, 1959, с. 119]. Чуть позже (в 480 и 481 гг.) они вновь напали на Силла [Там же, с. 120]. После этого этоним *мальгаль* на полтора века исчезает со страниц истории Силла из «Самкук саги» и появляется там лишь в середине VII в., но уже как народ, проживающий в районе Лядунского полуострова по соседству с *киданями* [Там же, с. 149] и, несомненно, как истинные *мохэ*. А вот последние два нападения *мальгаль* на Силла произошли после того, как в Китай прибыло первое посольство *уцзи*, т. е. когда к северу от Чанбайшаня уже были сформированы семь племен *мохэ*, которые были отделены от Силла когурёскими владениями. В связи с этим предположение о том, что под именем *мальгаль* в первой половине I тыс. н. э. выступали восточные *е* (*вэй*), кажется вполне обоснованным. Они вместе с когурёсцами были ближайшими северными соседями Силла, а другим народам (в частности *уцзи-мохэ*, сформировавшимся к северу от хребта Чанбайшань), чтобы напасть на силланцев с севера нужно было пройти через всю территорию Когурё. Такое событие вряд ли могло остаться незамеченным, а значит, должно быть отмечено в анналах. Кроме того, по данным из «Самкук саги», *мальгаль* были северными соседями еще и Пэкче [Ким Бусик, 1995, с. 134], страны, которая, как и Силла, располагалась на юге Корейского полуострова. Таким образом, этоним *мальгаль* изначально не относился к *мохэ*. В то же время термин *мульгиль* в «Самкук саги» вообще не встречается. Можно предположить, что он был либо вторичен по отношению к *мальгаль*, либо Ким Бусик, составляя в XII в. свой труд, намеренно заменил мало распространенный термин *уцзи* на гораздо более популярный этоним *мохэ*. Более вероятным кажется второй вариант. Ну а так как и *воцзюй*, и восточные *вэй* были на самом деле близкородственными народами [Бутин, 1984, с. 102] (*вэй*), то нет ничего удивительного, что силланцы могли называть их одним этонимом (*мульгиль*). Не исключено также, что это было самоназванием восточной ветви народа *вэй*, вся территория расселения которого в 410 г. полностью перешла под юридический контроль Когурё.

Составляющие мохэского этноса

Итак, в 410 г. в состав Когурё вошли земли восточных *вэй* и бывшая страна Чжиголоу (Мэголоу). Таким образом, в северо-восточной части Когурё в единые социальные и экономические отношения было включено население Фуюй и Когурё, восточные *вэй*, *воцзюй*, относившиеся к единой этнической группе (*вэймо*), а также *сушэни* и, по всей видимости, *сяньби*. Смешение этих компонентов и привело к возникновению на территории Когурё (на бывших землях северных *воцзюй*, от которых они и получили свое название) новой общности – *мохэ*. Именно этим обстоятельством следует объяснять фразу из «Цзю Тан шу» о том, что

предводитель *сумо-мохэ* Да Цзожун является особым родом Гаоли [Ивлиев, 2005, с. 464]. Другими словами, некоторые племена *мохэ*, в частности *сумо* и, по-видимому, *байшань*, действительно были сформированы из населения, проживавшего на территории, подконтрольной Когурё.

О том, что *сушэни* участвовали в этногенезе *мохэ*, есть целый ряд намеков в древних источниках. Можно начать с того, что они были близкими соседями Когурё. В 270 г. они совершили набег на когурёскую границу. Через 10 лет (в 280 г.) нападение *сушэней* повторилось, и в результате военных действий шестьсот их семей были захвачены Когурё и переселены к югу от Пуё, а еще несколько деревень превратились в зависимые от Когурё общины [Ким Бусик, 1995, с. 72]. Перемещение 600 сушэньских семей могло произойти лишь в западном направлении. Нужно помнить также, что в III в. н. э. *сушэни* проживали севернее *воцзюй* и восточнее Фуюй, и контактировать с ними когурёцы могли только на своем северо-востоке, где находилось Северное Воцзюй (Мэголоу). Это уже второе косвенное свидетельство того, что *сушэни* проживали на территории этой страны. По всей видимости, они оставались там даже после присоединения в 410 г. этих земель к Когурё. Другая часть *сушэней* во времена династии Цзинь проживала к северу от отрогов Чанбайшана и примерно в 60 днях пути пешком от Фуюй [Шавкунов, 1959, с. 69]. Здесь (в «Цзинь шу») по каким-то причинам не дана привязка мест обитания *сушэней* к ближайшим странам (Когурё и Восточному Фуюй). Обычно в древних китайских летописях описание какого-либо народа начинается с перечисления граничащих с ним стран или других народов. В «Цзинь шу» этого нет, да и сами *сушэни* названы не страной, а родом [Там же] или домом [Кюнер, 1961, с. 254]. Вероятно, запись в «Цзинь шу» сделана в таком виде потому, что часть *сушэней* проживала в северных и северо-восточных районах Когурё и в Восточном Фуюй, а область их обитания не совпадала с официальными границами стран. Кроме того, на проживание *сушэней* в середине V в. н. э. на территории Когурё или в непосредственной близости от него имеются намеки в «Нань ши», по которой в 458 г. когурёцы предоставили в Китай сушэньские стрелы с каменными наконечниками [Бичурин, 1950, с. 40]. В следующем году *сушэни* уже сами, но в составе посольства Когурё, посетили Поднебесную [Воробьев, 1994, с. 104]. Это также должно свидетельствовать об очень тесных контактах *сушэней* и когурёсов, которые могли иметь место лишь на северо-востоке Когурё – в тех местах, где немного позже впервые фиксируются мохэсы. 459 г. был последним, когда визитеры под именем *сушэней* посетили Китай. Следующее посольство из мест к северу от Когурё прибыло в Китай уже под именем *уцзи*. И произошло это всего через 16 лет после последнего прибытия *сушэней*.

О вхождении *сушэней* в мохэскую общность есть сообщения в самих летописях. Так, в «Бэй ши» про самое восточное мохэское племя (*хаоши* или *гуши*) сообщается, что у них в ходу стрелы с каменными наконечниками и что это древнее владение *сушэнь* [Бичурин, 1950, с. 70]. Далее в источнике идет перечисление различных данных о *мохэ-хаоши*, часть из которых явно заимствована из разделов об *илю*, содержащихся в более ранних летописях. В частности, в «Саньго чжи» об *илю* говорится, что они нечистоплотны, в свои жилища спускаются по лестницам и используют стрелы с ядом [Пак, 1961, с. 125]. То же самое повторено об *илю* и в «Хоу Хань шу» [Бичурин, 1950, с. 24]. И эти же сведения относятся к мохэсцам племени *хаоши* в соответствующем разделе в «Бэй ши». В этой летописи продолжается начавшаяся еще при написании «Хоу Хань шу» тенденция отождествлять племена *сушэнь* и *илю*, как показано нами, ошибочная [Шавкунов, 2008]. В результате при составлении более поздних источников сведения об *илю* автоматически переносились на *сушэней*. Это полностью относится и к «Бэй ши». Но здесь главное то, что *сушэни* (как племя *хаоши*) были включены в мохэскую общность. Причем в «Бэй ши» им отведено намного больше места, чем какому-либо другому племени. Такой части и особого внимания *сушэни* заслужили явно не просто так. Включение их как отдельного племени в состав 7 племен *мохэ* произошло, по-видимому, потому, что они приняли участие в формировании и других мохэских племен. Этот тезис находит подтверждение в древних японских летописях, где именем *су-*

шень племена *мохэ* назывались вплоть до VII в. [Шавкунов, 1968, с. 23]. Возможно, косвенное подтверждение участия *сушэней* в формировании мохэского общества имеется в «Бэйши», где сказано, что язык *мохэ* «совершенно отличен от других» [Бичурин, 1950, с. 69]. Правда, это утверждение вызывает определенные сомнения. Все-таки, как было показано выше, свое название мохэсы получили по территории северных *воцзюй*, где основное население относилось к общности *вэймо*, имевших общий язык и с Когурё, и с Фуюй. В связи с этим, вполне возможно, что запись в «Бэйши» об особенности языка *мохэ* относится не ко всем *мохэ*, а только к племени *хаоши* (*сушэням*), язык которых должен был отличаться от языка других народов этой части Дальнего Востока. Но это ни в коей мере не должно отрицать участия *сушэней* в формировании других мохэских племен.

В формировании мохэской общности, по всей видимости, принимали участие и племена *сяньби*. Мы помним, что во времена династии Цзинь (265–420 гг.) сяньбийское племя *мужунов* в 40-х гг. IV в., вклинившись между Фуюй и Когурё, продвинулось далеко на восток и стало соседом *сушэней*. Соответственно, *мужуны* должны были стать северным соседом Когурё. Это подтверждается тем, что в середине IV в. они, но уже как царство Янь (Ранняя), постоянно нападали на северные когурёские земли. В 370 г. Ранняя Янь была уничтожена царством Ранняя Цинь, а уже через 8 лет с севера когурёсцам стали угрожать *кидани* [Ким Бусик, 1995, с. 80]. А так как и *мужуны*, и *кидани* относятся к одной общности (*сяньби*), то поневоле напрашивается мысль о том, что на севере от Когурё произошла не смена населения, а изменение названия одного и того же народа. Иными словами, после уничтожения царства Ранняя Янь, его жители по прошествии некоторого времени стали называться *киданями*. Проживать же эти *кидани* должны были на своих прежних землях (между Фуюй и Когурё) по крайней мере еще полтора десятилетия. Об этом свидетельствует «Самкук саги», по которой ван Квангэтхо в 392 г. совершил поход на север на *киданей*, взял в плен 500 мужчин и женщин и вернулся на родину 10 тысяч угнанных ранее *киданями* когурёсцев [Ким Бусик, 1995, с. 81]. После этого в «Самкук саги» *кидани* уже не фиксируются на северных границах Когурё. Связано это, по всей видимости, с действиями основателя династии Северное Вэй Тоба Гуем, который в период правления Дэн-го (386–395 гг.) нанес им сильное поражение [Материалы по истории..., 1984, с. 154], в результате чего они бежали на запад и стали соседями *кумоси*. На новых землях, южнее р. Шара-Мурэн, они занимали довольно маленькую площадь (2 000 кв. ли) [Там же, с. 156]. Если же учесть, что они вели кочевой образ жизни и постоянно перемещались в поисках пропитания для себя и своих животных, то на такой территории не могло уместиться много народа. Можно уверенно предположить, что на новые земли бежали не все бывшие подданные царства Ранняя Янь, а какая-то часть населения оставалась проживать у северной границы Когурё. Более того, в «Самкук саги» есть запись о том, что в 406 г. яньский ван Мужун Си пошёл войной на *киданей*, но, испугавшись их многочисленности, повернулся обратно и напал на Когурё [Ким Бусик, 1995, с. 82]. Явно, упомянутые *киданьи* жили не к югу от р. Шара-Мурэн. Иначе позднеяньским войскам было не по пути, возвращаясь от них, нападать на Когурё. Исходя из этого, можно заключить, что еще в начале V в. возле северных границ Когурё было много *киданей*. Спустя 70 лет после этого эпизода на севере от Когурё, по данным из «Бэйши», локализуется мохэское племя *лимо*, посольство которых в 475 г. проложило путь ко двору династии Северная Вэй (386–535 гг.). К концу этой династии, по сведениям из «Синь Тан шу», *мохэ* (*уцзи*) стали занимать огромную территорию – от моря на востоке до тюрок на западе и от Когурё на юге до *шивэй* на севере [Сунь Хун, 2001, с. 81]. В этом источнике на юге Маньчжурии уже не фиксируются ни потомки *сяньби*, ни Фуюй. Их место заняли *уцзи-мохэ*.

Судьба Фуюй сложилась следующим образом. После походов когурёского вана Квангэтхо и завоевания им в 410 г. Восточного Фуюй экономическое положение Фуюй было подорвано, и внутри него начались смуты. Однако государство еще сохраняло определенную самостоятельность, так как в 457 г. фуюйцы прислали посольство ко двору Северной Вэй. После этой даты в страну стали массово проникать *уцзи-мохэ*, в результате чего последний ван Фу-

юй вместе со своим семейством в 494 г. отдался под покровительство Когурё [Бутин, 1984, с. 84–86], и страна прекратила свое существование. Несколько сложнее вопрос о том, куда делись *сяньбийцы*. Мы помним, что в IV в. часть из них жила к северу от Когурё. В 406 г. они, похоже, продолжали там присутствовать. В 436 г., по сообщениям «Самкук саги», несколько тысяч населения из сяньбийского государства Северное Янь, после разгрома от Северного Вэй, бежала на восток в Когурё [Ким Бусик, 1995, с. 84], где и осела. После 436 г. о потомках *сяньби* на Ляодуне и севере Когурё нет сообщений, и куда они делись не сказано. Если бы произошло их массовое перемещение еще куда-либо, об этом, скорее всего, стало бы известно древним хроникерам, и эти сведения были бы помещены в летописи. Получается, они как будто просто растворились среди окружавших их народов, а занимаемая ими территория, по всей видимости, стала северными пределами Когурё. Наличие на севере Когурё иноплеменного населения в виде потомков *сяньби* в какой-то мере может объяснить то обстоятельство, что «расширитель земель» ван Квангэтхо, завоевав в 410 г. Восточное Фуюй, не сделал то же самое с основным Фуюй, несмотря на его заметное ослабление. Видимо, поэтому, что между Фуюй и Когурё находилась инородная прослойка, которой могли быть только потомки *сяньби*. С 475 г. к северу от Когурё сяньбийское население уже не фиксируется, зато там отмечены *уцзи*. А так как сведений о том, что сяньбийцы с территории между Когурё и Фуюй после 436 г. куда-то перемещались, нет, то имеются все основания полагать, что они должны были влиться в какую-то общность, занимавшую территорию их расселения. Такой территорией, определенно, были земли на севере Когурё. Именно те земли, где «Бэйши» фиксирует одно из крупнейших племен *уцзи* – *лимо*. В пользу того, что сяньбийский компонент присутствует в мохэском этносе, говорят еще и следующие обстоятельства.

Уже второе посольство *уцзи* в Китай, прибывшее в 477 г., пригнало в «дань» табун из 500 лошадей [Воробьев, 1994, с. 109]. Ни *сушэни*, ни фуюйцы, ни когурёцы раньше лошадей в Китай не поставляли, видимо, по той причине, что у них не было мощной коневодческой базы, какая была у степняков сяньбийцев. Только с ними в мохэском обществе могли появиться огромные табуны лошадей. Кроме того, ни в Приморье, ни в Приамурье, ни в Восточной Маньчжурии (местах последующего доминирования мохэцев) не обнаружены прототипы мохэской посуды – они зафиксированы только во Внутренней Монголии и Западной Маньчжурии на памятниках ранних *сяньби* [Дьякова, 2017, с. 148]. Соответственно, появиться, а затем и распространиться в мохэской среде эта посуда могла только вместе с носителями традиций ее изготовления, т. е. с сяньбийцами. Даже этих двух моментов достаточно для того, чтобы утверждать, что в формировании по крайней мере одного мохэского племени (*лимо*) участвовали потомки *сяньби*.

Заключение

Процесс возникновения мохэского этноса вкратце можно представить следующим образом. В 285 г. на территорию Северного Воцзюй (Чжиголоу) бежали родственники вана Фуюй, и через некоторое время Чжиголоу вошла в состав Восточного Фуюй. Территория этого государства являлась контактной зоной между представителями различных народностей группы *вэй* (*воцзюй*, когурёцы, фуюйцы) и *сушэней*. В середине IV в. его западным соседом становятся сяньбийское племя мужунов. На рубеже IV и V вв. когурёский ван Квангэтхо вел агрессивную завоевательную политику, в результате которой он захватил государство Восточное Фуюй и, по всей видимости, включил в состав Когурё проживавших на севере страны потомков *сяньби*. По крайней мере после Квангэтхо о самостоятельном сяньбийском населении на севере Когурё в летописях нет никаких сведений. В расширенном Когурё на севере страны проживало в основном этнически некогурёское население. Здесь происходило смешение как самих когурёцев, так и сяньбийцев и населявших Восточное Фуюй народов *воцзюй*, фуюйцев и *сушэней*. Это, сильно перемешанное и в основном инородное для Когурё общество, проживавшее на земле бывшего Чжиголоу (Мэголоу) и прилегающих территориях, на одном из диалектов народа *вэй* стали называться *мульгиль*. Первые

начальное формирование мохэских племен началось на землях, подконтрольных Когурё, а во главе их стояли, скорее всего, представители местной знати, получившие инвеституру от когурёского вана. Распространение термина *мульгиль* (*уцзи*) на северо-когурёское население произошло, с наибольшей долей вероятности, в период после 459 г. (последняя фиксированная дата упоминания *суиэней* в китайских летописях как самостоятельного народа) и до 475 г., когда первое посольство *уцзи-мохэ* прибыло в Китай.

Список литературы

- Бичурин Н. Я.** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л.: Изд-во академии наук СССР, 1950. Ч. 2. 336 с.
- Бутин Ю. М.** Корея: от Чосона к Трем Государствам (II в. до н. э. – IV в.). Новосибирск: Наука, 1984. 256 с.
- Воробьев М. В.** Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). Владивосток: Дальненаука, 1994. 410 с.
- Дьякова О. В.** Формирование протоманьчжурской (мохэской) и протомонгольской (бурхутской, киданьской) ветвей алтайской языковой семьи по археологическим источникам // Общество и государство в Китае. Т. 47, ч. 1. М.: ИВ РАН, 2017. С. 140–145.
- Ивлиев А. Л.** Очерк истории Бохая // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальненаука, 2005. С. 449–475.
- Ким Бусик.** Самкук саги: Летописи Силла / Пер. и вступ. ст. М. Н. Пака. М.: Вост. лит., 1959. Т. 1. 384 с.
- Ким Бусик.** Самгук саги: Летописи Когурё. Летописи Пэкче / Пер. и вступ. ст. М. Н. Пака. М.: Вост. лит., 1995. Т. 2. 770 с.
- Кюнер Н. В.** Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 392 с.
- Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Введ., пер. и comment. В. С. Таскина. М.: Наука, 1984. 486 с.
- Пак М. Н.** Описание корейских племен начала нашей эры (по «Сань-го чжи») // Проблемы востоковедения. 1961. № 1. С. 115–138.
- Сунь Хун.** Мохэ, бохайцы, чжурчжэны // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Владивосток: ДВО РАН, 2001. С. 80–89.
- Шавкунов В. Э.** Летописные племена *илю* и *сушеней*: проблема идентификации // Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатских цивилизаций (Пятье Крушиновские чтения, 2006 г.): В 2 т. Владивосток: Дальненаука, 2008. Т. 1. С. 49–56.
- Шавкунов Э. В.** Приморье и соседние с ним районы Дунбэя и Северной Кореи в I–III вв. н. э. // Тр. Дальневосточного филиала СО АН СССР. Серия историческая. Саранск, 1959. С. 37–74.
- Шавкунов Э. В.** Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л.: Наука, 1968. 128 с.

References

- Bichurin N. Ya.** Sobranie svedenij o narodah, obitavshih v Srednej Azii v drevnie vremena [Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. Ch. II. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1950, 336 p. (in Russ.)
- Butin Yu. M.** Koreya: ot Chosona k Trem Gosudarstvam (II v. do n.e. – IV v.) [Korea: from Joseon to Three States (2nd century BC – 4th century)]. Novosibirsk, Nauka, 1984, 256 p. (in Russ.)
- Dyakova O. V.** Formirovaniye protomanchzhurskoj (mokheskoj) i protomongolskoj (burhotujskoj, kidanskoj) vетvej altajskoj yazykovoj semi po arxeologicheskim istochnikam [Formation of Proto-Manchu (Mokhe) and Proto-Mongol (Burkhotui, Khitan) branches of the Altai language family according to archaeological sources]. In: Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and the State in China]. Moscow, IV RAN, 2017, vol. 47, pt. 1, pp. 140–145. (in Russ.)

- Ivliev A. L.** Ocherk istorii Bokhaya [Essay on the History of Bohai]. In: Rossiyskiy Dal'niy Vostok v drevnosti i srednevekov'e: otkrytiya, problemy, gipotezy [The Russian Far East in Antiquity and the Middle Ages: Discoveries, Problems, Hypotheses]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2005, pp. 449–475. (in Russ.)
- Kim Busik.** Samkuk sagi: Letopisi Silla [Samkuk sagi: The Chronicles of Silla]. Moscow, Vostochnaya literatura, 1959, vol. 1, 384 p. (in Russ.)
- Kim Busik.** Samguk sagi: Letopisi Koguryo. Letopisi Pekche [Samkuk sagi. The Chronicles of Goguryeo. The Chronicles of Baekje]. Moscow, Vostochnaya literatura, 1995, vol. 2, 770 p. (in Russ.)
- Kyuner N. V.** Kitajskie izvestiya o narodax Yuzhnoj Sibiri, Centralnoj Azii i Dalnego Vostoka [Chinese information about the peoples of Southern Siberia, Central Asia and the Far East]. Moscow, AS USSR Publ., 1961, 392 p. (in Russ.)
- Materialy po istorii drevnih kochevyh narodov gruppy dunhu [Materials on the history of the ancient nomadic peoples of the Donghu group]. Moscow, Nauka, 1984, 486 p. (in Russ.)
- Pak M. N.** Opisanie korejskih plemen nachala nashej ery (po "San-go chzhi") [Description of the Korean tribes of the beginning of our era (according to "San-go zhi")]. *Problemy vostokovedeniya* [Problems of Oriental studies], 1961, no. 1, pp. 115–138. (in Russ.)
- Shavkunov E. V.** Primor'e i sosednie s nim rajony Dunbeya i Severnoj Korei v I–III vv. n. e. [Primorye and neighbouring areas of Dongbei and North Korea in the 1st – 3rd centuries AD]. In: Trudy Dalnevostochnogo filiala SO AN SSSR. Seriya istoricheskaya [Work of the Far Eastern Branch of the SB of the USSR Academy of Sciences. The series is historical]. Saransk, 1959, pp. 37–74. (in Russ.)
- Shavkunov E. V.** Gosudarstvo Bokhaj i pamyatniki ego kultury v Primor'e [The state of Bohai and its cultural sites in Primorye]. Leningrad, Nauka, 1968, 128 p. (in Russ.)
- Shavkunov V. E.** Letopisnye plemena ilou i sushenej: problema identifikatsii [Chronicle tribes of Ilou and Sushen: the problem of identification]. In: Tixookeanskaya Rossiya v istorii rossijskoj i vostochnoaziatskih civilizatsij (Pyat'y Krushanovskie chteniya, 2006 g.) [Pacific Russia in the History of Russian and East Asian Civilizations (Fifth Krushanov's Readings, 2006)]. In 2 vols. Vladivostok, Dal'nauka, 2008, vol. 1, pp. 49–56. (in Russ.)
- Sun Hong.** Mokhe, bokhajtsy, chzhurchzheni [Mokhe, Bohai, Jurchen]. Drevnyaya i srednevekovaya istoriya Vostochnoj Azii. K 1300-letiyu obrazovaniya gosudarstva Bokhaj [Ancient and medieval history of East Asia. On the 1300th anniversary of the formation of the State of Bohai]. Vladivostok, DVO RAN, 2001, pp. 80–89. (in Russ.)
- Vorobiev M. V.** Manchzuriya i Vostochnaya Vnutrennyaya Mongoliya (s drevnejshih vremen do IX v. vklyuchitelno) [Manchuria and Eastern Inner Mongolia (from ancient times to the 9th century inclusive)]. Vladivostok, Dal'nauka, 1994, 410 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Владимир Эрнестович Шавкунов, кандидат исторических наук
 RSCI Author ID 123292
 SPIN 1186-4211

Information about the Author

Vladimir E. Shavkunov, Candidate of Sciences (History)
 RSCI Author ID 123292
 SPIN 1186-4211

Статья поступила в редакцию 25.09.2023;
 одобрена после рецензирования 07.10.2023; принята к публикации 09.10.2023
*The article was submitted 25.09.2023;
 approved after reviewing 07.10.2023; accepted for publication 09.10.2023*

Научная статья

УДК 94(510) + 7.03(510)

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-56-66

Письменные источники эпохи Корё о благовониях и буддийских ольфакторных практиках на Корейском полуострове

Анна Сергеевна Шмакова¹

Елена Эдмундовна Войтишек²

^{1,2} Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

² Институт востоковедения Российской академии наук
Москва, Россия

¹ shmakovaa@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-4397-410X>

² e.voitishek@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8054-6369>

Аннотация

Зародившись еще в древнем Китае, традиция использования ароматического сырья в первых веках нашей эры распространилась и на Корейском полуострове. Письменные источники эпохи Корё (918–1392), отмеченной необычайным расцветом буддизма в Корее, содержат много информации об использовании благовоний в ритуальных, бытовых и медицинских целях. Для выявления специфики ольфакторных практик в раннем корейском Средневековье анализируются тексты важнейших исторических сочинений, созданных в эпоху Корё: «Исторические записи трех государств» (三國史記 *Samguk sagi*, 1145 г.); «Жизнеописания достойных монахов [Страны], [что к] востоку [от] моря» (海東高僧傳 *Xédon kōsōn chon*, начало XIII в.); «Оставшиеся сведения [о] трёх государствах» (三國遺事 *Samguk yosa*, конец XIII в.). Анализ письменных источников, привлечение фольклорных и мифологических материалов позволяют выявить ряд особенностей, характерных для ольфакторных практик на территории Корейского полуострова в период распространения буддизма.

Ключевые слова

Корейский полуостров, ароматическая культура, исторический источник, благовония, буддизм

Для цитирования

Шмакова А. С., Войтишек Е. Э. Письменные источники эпохи Корё о благовониях и буддийских ольфакторных практиках на Корейском полуострове // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10: Востоковедение. С. 56–66. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-56-66

The Written Sources of the Goryeo Period about Incense and Buddhist Olfactory Practices on the Korean Peninsula

Anna S. Shmakova¹, Elena E. Voytishek²

^{1,2} Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

² Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

¹ shmakovaa@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-4397-410X>
² e.voytishek@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8054-6369>

Abstract

Having originated in ancient China during the Neolithic era, the tradition of using aromatic substances spread to other countries of the Sino-hieroglyphic area. On the Korean Peninsula, under the influence of internal features based on the Chinese version of aromatic culture and the Buddhist religious component, even a special type of maehyang ritual rite was formed, which consisted of burying a piece of wood in the ground in the presence of representatives of the Buddhist community on some important occasion. In this case, it was necessary to record in writing form the fact of burial on a stele, which was installed in memorial of such an event at the burial site of the wood, or on a stone located near the site of the ritual. A whole range of Korean written sources contains information about the use of incense for ritual and medical purposes. To identify the specific features of olfactory practices in the early Korean Middle Ages, this article will analyze “Historical Records of the Three States” (三國史記 *Samguk sagi*, 1145); “Lives of Eminent Korean Monks” (海東高僧傳 *Haedong Goseunjeon*, early 13th century) and “The remaining information [about] the three states” (三國遺事 *Samguk yusa*, late 13th century). An analysis of written sources, the use of folklore and mythological materials make it possible to reveal characteristics of olfactory practices in the context of the development of Buddhism on the territory of the Korean Peninsula. All these sources demonstrate many facts related to the use of incense at the court of the Korean king, in monasteries and temples for ritual and hygienic purposes. Analysis of sources not only allows us to trace the history of the spread of Buddhism across the Korean Peninsula and identify the peculiarities of interaction between cultures of the East Asian region in the chronological period under consideration (1–10th centuries), but also provides rich material about the flora of Korea, Korean ideas about plants and herbs, and as well as methods of their use.

Keywords

Korean peninsula, incense culture, written sources, incense, Buddhism

For citation

Shmakova A. S., Voytishek E. E. The Written Sources of the Goryeo Period about Incense and Buddhist Olfactory Practices on the Korean Peninsula. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 10: Oriental Studies, pp. 56–66. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-56-66

Введение

Ароматическая культура Восточной Азии, истоки которой связаны с возжиганием растительного сырья еще в эпоху неолита на территории Китая [Войтишек, 2021, с. 5–6], к настоящему времени представляет собой сложный комплекс историко-культурных явлений в странах синоиероглифического региона (Китай, Корея, Япония, Тайвань и отчасти Вьетнам). Она охватывает религиозно-магическую обрядность, область традиционной медицины, совокупность духовно-целительных практик, ритуалов даосско-буддийского, синто-буддийского и конфуцианского характера. Зародившись на территории Китая, со временем она распространялась по всей территории Восточной Азии.

Контакты населения Корейского полуострова с Китаем способствовали развитию на корейской территории ароматической культуры и особого типа ритуальной обрядности, связанной с ней. Однако последовательная реконструкция этапов развития ароматической культуры и ольфакторных практик на Корейском полуострове затруднительна вследствие утери большого количества реликвий и письменных памятников. В связи с этим важность приобре-

тают исторические факты и свидетельства, сохранившиеся летописях, в музейных собраниях, в записях монахов и коллекциях буддийских храмов [Войтишек и др., 2023, с. 80].

Наиболее авторитетными свидетельствами развития ранних ольфакторных практик на территории Корейского полуострова можно считать следующие: средневековые письменные исторические источники: летописи, написанные на кореизированном китайском языке *ханмун*; эпиграфические памятники, среди которых особое место занимают стелы *мэхянби*¹; вещественные источники, представленные специальным инвентарем для возжигания ароматических веществ и окуривания ими пространства; а также нематериальные источники – специфические ритуалы захоронения благовоний (埋香 *мэхян*), которые не сохранились в соседних странах – Китае и Японии.

Среди корейских письменных источников особую ценность представляют произведения, созданные примерно в одно и тоже время, – две летописи «Исторические записи трех государств» (三國史記 *Самгук саги*, 1145 г.) и «Оставшиеся сведения [о] трёх государствах» (三國遺事 *Самгук юса*, конец XIII в.), а также сборник биографий монахов «Жизнеописания достойных монахов [Страны], [что к] востоку [от] моря» (海東高僧傳 *Хэдон косын чон*, XIII в.).

Цель данного исследования – на материале этих памятников выявить особенности применения ароматических веществ и растений в буддийских религиозных практиках и в бытовой сфере на Корейском полуострове в период Средневековья. Особое внимание уделено буддийским церемониям, поскольку ритуалы подношения благовоний играют важную роль в буддизме, – они воспринимаются как символ освобождения от препятствий и символ духовного просветления на пути постижения буддийской мудрости. Буддийские представления о подношении благовоний как об акте благодарности, уважения, благочестивого обращения и молитвы по отношению к Будде и бодхисаттвам воплотились во многих фрагментах указанных памятников.

Анализ письменных источников

При анализе основных памятников корейской историографии важным методологическим подходом является принятие во внимание разных принципов летописания в конфуцианской и буддийской традиции. Если для конфуцианской традиции было свойственно соблюдение четкой структуры текста, цельности и логичности сочинения, то для буддийской летописной традиции было характерно включение в ткань повествования весьма разнородной по качеству информации, в результате чего сочинение обрастило различными сюжетными ходами².

В этой связи в официальном летописном сочинении «Исторические записи трех государств» (*Самгук саги*) довольно редко встречаются упоминания о роли благовоний в ритуальной жизни королевского двора и сообщения о церемониях воскурения и подношения благовоний. В то же время в тексте официальной хроники есть описания случаев целительных практик с благовониями, что подчеркивает авторитетность старинного способа лечения многих недугов с помощью воскурения ароматических средств. Так, в хронике «Исторические

¹ Находки на территории Корейского полуострова, сохранившиеся в виде памятных стел 埋香碑 *мэхянби* на месте погребения кусков ароматической древесины (предположительно, аквиларии, коры сосны или дуба). По оставшимся обрывкам иероглифических надписей, выбитых или процарапанных на каменных стелах, можно в целом реконструировать отдельные ритуалы, проводившиеся в сельских буддийских общинах в течение долгого времени (в VIII–XV вв.). По прошествии десятков или даже сотен лет созревшую древесину выкапывали и торжественно сжигали в присутствии членов буддийской общины. Судя по этим эпиграфическим записям, подобные ритуалы были связаны с культом Будды Майтреи. См. подробнее: [Шмакова, Войтишек, Бэ Кидун, 2016].

² В соответствии с буддийскими представлениями, разномасштабные сообщения о различных событиях в исторических сочинениях приводились неслучайно. Они свидетельствовали о важности того или иного явления и могли спонтанно привести к прозрению. Как указывает А. Ф. Троцевич, «для буддиста нет событий значимых и незначимых: все сведения, которые сохранились в древних памятниках, а также в памяти народа, следует сохранить – ведь любой момент бытия может открыть путь к истине» [Троцевич, 2004, с. 63].

записи трех государств» в разделе «Летописи Силла» есть упоминание о 19-м правителе Силла Нульджи-ване (訥祇麻立干), который на 15-м году правления (528 г.) пригласил к своей больной дочери монаха Мохочжа (墨胡子) из царства Когурё, который в итоге вылечил ее с помощью воскурения благовоний³:

...Тогда [из Китая] приезжал посол от лянского правителя и подарил [вану] одежду и душистый предмет, но окружающие не знали ни названия предмета, ни его назначения, поэтому отправили людей, чтобы повсюду расспрашивать, [что это такое]. Когда увидел его Мохочжа, он сказал, как называется предмет, и объяснил, что если сжечь его, то поднимется нежный аромат, который достигает священного духа... Если сжечь это, высказать пожелание, говорил он, то обязательно откликнутся духи и [исполнится желание]. В то время как раз внезапно заболела дочь вана, поэтому ван попросил [М]охочжа зажечь фимиам и вознести молитвы... вскоре после этого наступило облегчение в болезни дочери... [Ким Бусик, 2001, с. 128–129].

Письменный памятник «Жизнеописания достойных монахов [Страны], [что к] востоку [от] моря» (*Хэдон косын чон*), составленный около 1215 г. монахом Какхуном, представляет собой собрание биографий служителей буддийского культа, часть из которых содержит самостоятельные вставные описания разного объема. Данный памятник имеет большое значение для историографии Корейского полуострова как один из самых ранних письменных источников не только по истории буддизма, но также и по истории корейской буддийской общины, международных отношений, географии, литературе, архитектуре, этнопсихологии (подробнее см.: [Какхун, 2007]).

Историческая хроника «Оставшиеся сведения [о] трёх государствах» (*Самгук юса*) содержит огромные массивы текстов, разделенные на тематические блоки (кор. *квон*), которые, в свою очередь, делятся на параграфы. Содержание сочинения сводится к передаче исторических событий, попавших в поле зрения их автора, Ирёна (1206–1289), сюда же включены его размышления и комментарии в различных формах (подробнее см.: [Ирён, 2018; Ким Бусик, 2001]). Труд Ирёна содержит также огромное количество народных сказаний и легенд, поэтических вставок, отрывков из конфуцианских сочинений, ванских указов и хозяйственных документов, поэтому его можно по праву считать энциклопедией культурной жизни средневековых корейцев.

Оба этих памятника созданы примерно в одно и то же время буддийскими просветителями и продолжают в широком смысле традицию неофициального исторического летописания (в противовес официальному конфуцианскому летописанию) и буддийской литературы, сформировавшуюся в колыбели китайской культуры и философии. Базу этих повествований составляют сведения, взятые из ранних корейских письменных источников, при этом привлекаются материалы из китайских сочинений, а также из памятника «Исторические записи Трех государств» (*Самгук саги*), снабженные авторскими размышлениями. При этом показательно, что для Ирёна при создании его летописи одним из источников явился труд Какхуна [Какхун, 2007, с. 23].

Содержание памятников сводится к описанию исторических событий, происходивших в Корее в древний и добуддийский периоды ее истории, и процесса распространения буддизма с его ритуально-культовой атрибутикой в Средневековье.

³ Это повествование имеет легендарный характер. На самом деле государь Нульджи-ван правил в 417–458 гг., монах Мохочжа жил именно тогда, а не во времена 23-го правителя государства Силла Попхын-вана (правил в 514–540 гг.). (см.: [Ким Бусик, 2001, с. 114–118]). Под 528 г. эта история в памятнике зафиксирована исключительно потому, что она относится к предыстории официального признания буддизма Попхын-ваном. Что касается более позднего периода (эпохи Чосон), то значительный пласт информации об использовании ароматического сырья в лечебных целях содержится в «Летописи вана Седжона» (世宗實錄 *Седжон силлок*, XV в.). Так, известно, что ван Седжон страдал многими кожными недугами, и поэтому, когда прибывшие из Японии послы преподнесли ему драгоценную древесину аквиларии *чхимхян*, правитель принял ее, несмотря на опасения. См. сайт компании и арт-галереи «Нынъин хяндан» (能仁香堂) в Пусане, Республика Корея. URL: <https://xn--9h1b7f069c0ln.com/sub/introduce.html> (дата обращения 05.01.2023).

Тщательный анализ текстов указанных памятников позволяет проследить примерный географический маршрут распространения буддизма по территории Кореи – из Китая в Когурё и далее в Силла⁴ (при этом первыми проповедниками буддизма в Пэкче были уроженцы Индии и Центральной Азии); получить информацию о поездках служителей буддийского культа из Китая в Корею и обращении ими новых adeptов в свое вероучение; о взаимоотношениях буддийской общины с ванским двором, о монашеском быте и отправлении буддийских культов и ритуалов, которые обязательно сопровождались использованием благовоний и ароматических веществ.

В тексте Какхуна в главе «Проповедники буддийского учения» содержится информация о том, что монах Адо, оказавшись при дворе силлакского Попхын-вана (514–540), разъяснил ему, как совершать ритуал возжигания благовоний [Какхун, 2007, с. 51]⁵.

В этом же разделе в сюжете о встрече посла государства У с силлакским Вончжон-ваном (т. е. Попхын-ваном, г. п. 514–540) упоминаются пять благовоний (五香, кит. у сян, кор. о хян). В их число входили аквилария, мелия гималайская⁶, гвоздичное дерево, куркума домашняя и камфорное дерево, применение которых сопровождало отправление буддийских ритуалов [Там же, с. 89, примеч. 563]. Подтверждением этого тезиса может служить следующая цитата:

Правящий род Лян направил к правителю Силла посла, который звался Юань-бяо, послав с ним в дар курения из аквиларии и сандала... Правитель Силла не знал, как использовать эти предметы, и спрашивал людей в полях со всех четырех сторон. Тогда Адо воспользовался удобным моментом и указал на буддийский Закон [Какхун, 2007, с. 90].

Что касается памятника *Самгук юса*, то его текст содержит многочисленные упоминания примерно о 25 видах растений, применявшимся в медицинских и ритуальных целях на Корейском полуострове в эпоху Трех государств (I в. до н. э. – VII в. н. э.), а также сюжеты, связанные с использованием ароматических веществ в иных целях. Среди них упоминаются полынь индийская, рододендрон остроконечный, кизил лекарственный, туна китайская, аквилария (алойное, агаровое, или орлиное, дерево) и др. [Ирён, 2018, с. 199, 325, 348, 437,

⁴ В сборнике биографий Хакхуна в главе о Шунь-дао сказано: «На втором году правления Хэмирию-вана (некоторые говорят – Сосурим-вана), семнадцатого правителя Когурё, в году имсин (372), летом, в шестом месяце правитель Цинь Фу Цзянь (357–384) отправил в Когурё посла и буддийского подвижника Шунь-дао. С ними он послал изображения Будды и канонические тексты... Обратившись к истине, когурёцы преисполнились благовония и веры, будучи благодарны и счастливы, оттого что буддизм начал распространяться в их стране» [Какхун, 2007, с. 56]. В главе о Малананда содержится следующая информация: «На втором году правления Чхимни вана (385–386), весной, пэкчесцы построили храм в горах Хансан и определили туда десять монахов из уважения к наставнику Закона. С этого момента Пэкче, последовав за Когурё, возвысило учение Будды» [Там же, с. 80]. В тексте *Самгук юса* сказано: «Во времена девятнадцатого правителя Силла государя Нульчики-вана (417–458) монах-шрамана по прозванию Мохочжа прибыл из Когурё в округ Ильсон-кун... В то время правитель Лян прислал посланца даровать силлакскому государю различные одежды и благовонные вещества. Правитель и подданные не знали названия этих благовоний и того, как их употреблять, поэтому они послали человека взять эти благовония и повсюду расспрашивать о них в стране...» [Ирён, 2018, с. 447].

⁵ В главе о монахе Адо данного источника сказано: «Вначале, во времена силлакского Нульчики-вана (417–457), некий человек по имени Хыкхочжа прибыл из Когурё в округ Ильсонгун и проповедовал тем, кому было суждено приобщиться к буддийскому Учению. В то время правитель Лян отправил посла, [чтобы] одарить силлакского государя одеждой и курениями, но ни правитель, ни подданные не знали названия благовоний и того, как их использовать... Увидев эти благовония, Хыкхочжа сообщил их название и сказал: «Если зажечь это, то курения дадут сильный аромат. Это – то, с помощью чего передают искренние желания поклоняющегося божествам и святым... Если зажечь это и высказать желание, то непременно будет чудесный отклик» [Какхун, 2007, с. 87].

⁶ Растение имеет много названий. Самые распространенные – мелия азедара, мелия гималайская (лат. *Melia azedarach*). Листопадное дерево, произрастающее в Гималаях, Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии, ценится за душистые цветы и коричневатую фактурную древесину, из которой делают музыкальные инструменты и изделия декоративно-прикладного искусства. Семена снабжены отверстиями, вследствие чего в странах буддийского ареала из них делают четки и бусы (народное название – «четковое дерево»). После термообработки ядовитых плодов и семян растение пригодно для нужд фармацевтической промышленности. См. сайт Забакайльского ботанического сада. URL: <http://zabsadchita.ru/segodnya-v-sadu/1042-meliya-gimalajskaya.html> (дата обращения 23.09.2023).

447–448]. Часть указанных растений предназначена не только для воскурения, но и для съедения. Например, в корейском мифе о Тангуне полынь упоминается как ритуальное растение, рекомендованное в пищу тигрице и медведице с целью превращения в человека. Кроме того, использование образа полыни в метафоре «полынное селение» (т. е. кладбище) тоже свидетельствует о необычной роли этого растения. По-видимому, горькая полынь маркирует особые сакральные зоны взаимодействия с «другим» миром – неслучайно она наряду с чесноком издавна широко используется в народной медицине разных культурных традиций. Эфирные масла и дубильные вещества, содержащиеся в полыни и чесноке, обладают ярко выраженным противовирусным, противовоспалительным и антбиактериальным действием, что с древности обеспечивало их использование в разных функциях – от бытовых практик по обеззараживанию помещений до магических ритуалов по очищению пространства храмов и святыни⁷.

Сюжеты об использовании благовоний, представленные в тексте Ирёна, тематически можно разделить на следующие группы:

- упоминания о воскурении благовоний в связи с отправлением буддийских культов и ритуалов как в храмах, так и за их пределами⁸;
- сцены возжигания благовоний корейскими правителями, высокопоставленными лицами, аристократами, членами семьи вана⁹;
- упоминания ароматических веществ и растений для характеристики внешности людей и свойств их характера¹⁰;
- сюжеты, связанные с манипуляциями с душистой древесиной.

Кроме того, автор часто использует названия ароматических и лечебных растений для описания местностей, куда отправляется тот или иной герой повествования¹¹. Часто именно в местах произрастания таких растений и строились буддийские храмы.

⁷ О свойствах полыни см. Полынь горькая. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/polyn-gor-kaia-64795d> (дата обращения 24.09.2023).

⁸ Многочисленны сюжеты о воскурении благовоний монахами перед лицом Будды. Так, воскуривая благовония перед лицом Авалокитешвары, монах Сок Сонхэ прощается с монастырем, настоятелем которого он являлся, говоря: «Я ученик, постоянно пребывая в этом монастыре, с искренним усердием возжигал благовония, ни днем, ни ночью не ленясь. Но, поскольку у монастыря нет поля – источника прокормления для монахов, то возжигание благовоний и принесение жертв дальше продолжаться не могут, я собираюсь перебраться в другое место...» и т. д., а неграмотный монах Чомсун возжигает благовония просто так, по велению души [Ирён, 2018, с. 528]. При Сочжи-ване (479–500) монах в 488 г., возжигающий благовония и совершающий обряды во внутренних чертогах дворца, «тайно вступил в связь с повелительницей дворца и творил непотребство» [Там же, с. 256].

⁹ Многими отрывками из *Самгук юса* подтверждается проведение ритуалов с возжиганием благовоний в буддийских монастырях. В главе 28 сочинения Ирёна содержится информация о том, что государь Синдок-ван (912–917) возжигал благовония в монастыре Хыннун-са, а в главе 55 о Кёнэ-ване (924–927) сказано, что «государь лично возжигал благовония и совершал подношения. Это было первым случаем всеохватывающего разъяснения учений Созерцательного и Доктринального направлений во время собрания Ста восседающих» [Ирён, 2018, с. 255, с. 358]. По всему тексту произведения Ирёна слово «благоуханный» наиболее часто встречается при описании событий, происходивших в жизни вана и ванского двора. Так, в главе 55 сказано, что, когда государь Ким Пу направился на встречу к вану Тхэчжо, благоухающие экипажи и прекрасные кони тянулись вереницей на тридцать с лишним ли [Там же, с. 362]. В главе 56 сочинения Ирёна сказано, что, «когда государь Ким Пу во главе своих служащих отправился к государю Корё Тхэчжо, «благоухающие экипажи... тянулись вереницей на тридцать с лишним ли» [Там же]. В главе 59 Тхэчжо, обращаясь к Кён Хвону (867–936) – основателю государства Позднее Пэкче, сообщает, что «получил благоуханный конверт государева послания...» [Там же, с. 396].

¹⁰ В главе 84 сочинения Ирёна сказано: «...некая юная княжна, возраст которой приблизился к двадцати годам, внешность которой была необычайно прекрасна, а манеры чудесны, благоухая ароматом орхидеи и мускуса, нежданно-негаданно пришла к воротам северного скита» [Ирён, 2018, с. 560]. Здесь же содержится информация о том, что после того, как наставник Нохиль омыл тело княжны в чане, вода тотчас же сделалась благоуханно-ароматной [Там же, с. 562–563].

¹¹ В главе 88 сочинения Ирёна сказано: «На семнадцатом году правления под девизом Чжэн-гуань наставник, прибыв в эти горы [Одэ-сан], пожелал лицезреть истинное тело [бодхисаттвы Манджушри], [но над горами] три дня [стояли] тьма и мрак, [поэтому он] не достиг [цели] и вернулся. Он снова поселился [в] монастыре Воннён-са [и] тогда увидел [бодхисаттву] Манджушри... [Затем он] прибыл [в] местность Кальбан – [Где] вьется пуэрария» [Ирён, 2018, с. 591].

Отдельного внимания заслуживают также рифмованные комментарии Ирёна, которые обычно приводятся в конце глав. Так, например:

Окончилась трапеза. Перед крыльцом
Монашеский посох стоит.
Курильница-утка чиста и полна –
сандал аромат свой струит
[Ирён, 2018, с. 649].

Для описания поездок последователей наставника Вонгвана на запад, т. е. в Китай, на учебу Ирён использовал следующие строки:

За море поплыл он и первым дошел
Сквозь тучи до ханьской земли.
Вослед в путь пустившись, как много людей
Благой аромат обрели?
[Там же, с. 639].

Описывая знакомство государя Чинчжи с неким юношей чудесного воспитания и манер Миси, Ирён отмечает:

Взыскал аромата – ступил один шаг
и образ один увидал.
Как если б, где ни был, он сеял-растил –
Такой же успех он стяжал
[Там же, с. 556].

В тексте памятника *Самгук юса* встречаются упоминания инструментария для воскурения благовоний, а также многочисленные указания на его использование в монастырях и королевских покоях. Приведем две цитаты.

Это была шкатулка с клыком Будды. Изначально эта шкатулка была пятислойной: первый внутренний слой составляла коробочка из орлиного дерева, следующий внутренний слой – коробочка из чистого золота, следующий внешний слой – шкатулка из белого серебра [Там же, с. 541].

В пятом месяце, в пятнадцатый день [23 июня 693], оба родителя юноши Пуре пришли в монастырь Пэннольса и в течение нескольких вечеров приносили жертвы и возносили мольбы перед статуей Великокосострадательного [Авалокитешвары]. Внезапно на столе для благовоний они обрели два сокровища – цитру [и] свирель [Там же, с. 530].

Особый интерес в тексте Ирёна представляют пассажи о буддийских общинах (религиозных братствах), а также ритуалах, проводимых членами данных общин. До эпохи Корё (918–1392) буддийская община уже была интегрирована в государственную систему Кореи, поэтому в текстах рассматриваемых источников встречаются сюжеты, связанные с ее деятельностью¹².

Попутно можно заметить, что яркой особенностью деятельности буддийских общин на Корейском полуострове в VIII–XIV вв. можно считать проведение торжественного ритуала закапывания ароматической древесины (埋香 мэхян)¹³. На месте захоронения устанавливав-

¹² Так, в параграфе 64 сказано, что «...в годы правления под девизом Юань-Хэ (806–820) монах-шрамана Иллём из монастыря Намган-са составил “Слово на создание братства воскуривающих благовония при кургане и поклоняющихся Будде в память Ёмчхока”» [Ирён, 2018, с. 461]. В том же параграфе сказано, что «наставник созерцания Ёнсу-сонса из монастыря Хыннён-са совместно с другими создал общество воскуривающих благовония при поклонении Будде». В «Местных повествованиях» сообщается, что старцы каждый год «в утро дня воздержания, составляя братство, собирались в монастыре Хыннён-са» [Там же, с. 470]. В параграфе 80 текста Ирёна содержится информация о том, что «наставник Ансан-са стал великим единителем [буддийской общиной]» [Там же, с. 532].

¹³ В анализируемых текстах нет упоминаний об этих ритуалах. Однако в *Самгук юса* в § 129 («Двоюсовершенномудрых с горы Пхо-сан 包山») сказано о верующих мирянах, которые готовили «благовонное дерево» (香木, современное значение – «можжевельник китайский») для подношения в монастырь путем раскалывания, расщепления, промывки и просушки древесины на решетке. В темноте, с наступлением ночи, древесина испускала яркий свет, что было принято за чудо [Ирён, 2018, с. 788–789].

лась памятная стела с информацией о дате проведения ритуала, составе присутствующих, должности дарителя, количестве или весе ароматных курений. К сожалению, из-за плохой сохранности надписей и бедной источниковской базы удается реконструировать лишь отдельные элементы данного ритуального действия. Интересно, что подобные ритуалы не обнаруживаются на территории соседних с Кореей государств (подробнее см.: [Шмакова и др., 2016]). Вероятнее всего, это связано с существованием на Корейском полуострове собственной традиции использования душистых растений и ароматического сырья.

В корейских мифах, изложенных в летописях *Самгук саги* и *Самгук юса*, цветы, растения и их плоды наделялись особыми свойствами, способными превратить животное в человека или даже небожителя¹⁴. Так, в мифе о Тангуне медведице и тигрице предлагается превратиться в человека с условием в течение ста дней питаться лишь полынью и чесноком. Неслучайно в том же мифе речь идет о том, что Тангун (檀君), основатель древнего государства Чосон, родился от женщины-медведицы и духа сандалового дерева – глубоко почитаемого растения в восточной культурной традиции. Священное сандаловое дерево 神檀树 (кит. иэнъ таньшу, кор. синдансу), росшее на вершине горы Тхэбэк (太白山), куда, по легенде, спустился сын небесного правителя Хванун (桓雄), служило местом поклонения божествам (медведицы и тигрица каждый день приходили из пещеры к сандаловому дереву и молили Хвануна обратить их в человека)¹⁵.

Корейская мифология, передаваемая в устной традиции, в целом характеризуется обилием цветочно-растительных сюжетов, тесно переплетающихся с буддийскими легендами. По одной из версий истории о брошенной родителями на произвол судьбы принцессе Пари, Будда Шакьямуни дарует ей чудесный цветок *удумбара*¹⁶. В корейских мифах цветы проявляют магические свойства по оживлению тела и духа, могут побеждать злые чары, именно поэтому цветами отважная Чачхонби¹⁷ воскресила убитого ею слугу Чон Сунама. Цветами же она подавила мятеж на небесах, а в благодарность получила семена пяти злаков¹⁸ (см.: [Ли Кёндок, 2022, с. 162, 170]).

Применение растений различных видов и свойств сопровождало обряды перехода – прежде всего свадьба и похороны. Так, в комнату с умершим обязательно приносили связку стеблей дягиля, а среди атрибутов на корейской свадьбе непременно были сосновые шишки и бамбуковые стебли как олицетворение верности супругов на всю жизнь¹⁹.

Цветы и растения с их ароматами – это сложносоставная и всеобъемлющая метафора корейской культуры, в которой заключено стремление корейцев к процветанию, гармонии в любви и дружбе, забота о ближнем и вся жизнь. Цветочная поляна – это наполненный добром и светом благой мир, о котором мечтают все люди на земле [Там же, с. 253–254].

¹⁴ Ли Кёндок упоминает о том, что в мифе о богине чадородия и ее борьбе с духом осьпя сказано о цветочных состязаниях, которые способствовали отделению неба от земли [Ли Кёндок, 2022, с. 97].

¹⁵ См. материалы северокорейской и южнокорейской научной традиции, посвященные рассмотрению корейских мифов в тесной связи с фольклором и мифологией Северного Китая. Электрон. китайская энциклопедия Байкэ Чжиши 百科知识. URL: <https://www.jendow.com.tw/wiki/韓國神話> (дата обращения 24.09.2023). Некоторые китайские исследователи склонны также увязывать культ священного дерева древних корейцев с обожествлением космического дерева («древа жизни») в фольклоре тунгусо-маньчжурских народов. URL: <https://m.163.com/dy/article/FPN29TJS0541LBHV.html> (дата обращения 24.09.2023).

¹⁶ В буддизме термином *удумбара* (пали, санскрит; букв. «благоприятный цветок с небес») обозначали дерево, цветок и плод фикуса кистевидного (Roxb. *Ficus racemosa*, фикус клубочковый). Согласно легенде, цветок *удумбара* распускается только один раз в 3000 лет, что символизирует такие редкие события, как появление Просветленного.

¹⁷ «Песенный сказ о богине злаков» (*Сегён-попнхури*) об удивительной девушке Чачхонби, которая боролась за свою любовь и не боялась ни гнева небожителей, ни смерти (см. [Ли Кёндок, 2022, с. 8]).

¹⁸ Традиционно в корейской культуре к пяти злакам *огок* относились рис, просо, пшеница, бобы и ячмень.

¹⁹ *Хан Гёнгу*. Традиционная свадьба: прошлое и настоящее. URL: <https://koryo-saram.site/traditsionnaya-svadba-proshloe-i-nastoyashhee/> (дата обращения 19.09.2023).

Заключение

Анализ источников, рассмотренных в данной статье, позволяет сделать ряд важных выводов о формировании и развитии ольфакторных практик на Корейском полуострове в период Трех государств и Объединенного Силла (I–X вв.). Ароматическая культура на территории Корейского полуострова во многом развивалась и формировалась под сильным влиянием буддизма, распространение которого в большей степени, чем все остальные факторы, способствовало оформлению ее ритуальной атрибутики.

Использование дорогих и редких благовоний, привезенных главным образом из Китая, было прерогативой аристократии и ванского двора. Тексты памятников содержат многочисленные сюжеты о посещении китайскими послами и монахами корейских государств и дарении буддийских книг и сутр, а также о воскурении фимиами корейскими ванами и их сподвижниками при отправлении буддийских культов в монастырях. При этом в «неофициальных» буддийских сочинениях Какхуна и Ирёна таких свидетельств значительно больше, чем в официальном сочинении придворного историографа Ким Бусика. Это обстоятельство позволяет разработать и применить ситуативную классификацию сюжетов с благовониями, где основным критерием отнесения их к той или иной группе выступает контекст упоминания факта использования того или иного вида ароматического сырья.

Вместе с буддизмом на Корейский полуостров проник и ароматический инвентарь, знания о правилах применения растений и лекарств в медицинских, ритуальных и гигиенических целях, а также китайские трактаты, описывающие правила использования целебных снадобий, пропорции их для смешивания, процедуры лечения болезней.

Знакомство с китайскими сочинениями по культуре ароматов и буддийскими сутрами, с одной стороны, стимулировало трансформацию корейского общества по китайскому образцу, а с другой стороны, способствовало формированию на основе китайского компонента уникальной ароматической культуры, ритуальных практик *мэхян* и инвентаря особого типа, которые не обнаруживаются в других странах синоиероглифического региона.

Распространение буддизма на Корейском полуострове привело к настоящей ольфакторной революции, которая оказала большое влияние на традиционную корейскую культуру и изменила векторы эмоционального восприятия адептами буддизма различных запахов. В дальнейшем это привело к выработке классификации видов аромасырья, широко использовавшегося не только в религиозных и культовых практиках, но и в бытовых, санитарно-гигиенических и лечебных целях.

Список литературы

- Войтишек Е. Э.** Ароматическая культура Восточной Азии. Китай: с древности по настоящее время: Учеб. пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2021. 224 с.
- Войтишек Е. Э., Яо Сун, Шмакова А. С.** Ароматические печати и штампы в культуре Китая и Кореи: типология и контекст // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 73–87. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-73-87
- Ирён.** Оставшиеся сведения [о] трёх государствах (Самгук юса) / Пер. с ханмуна, вступ. ст., comment. и указ. Ю. В. Болтач; Ин-т восточных рукописей РАН. СПб.: Гиперион, 2018. 894 с.
- Какхун.** Жизнеописания достойных монахов Страны, что к востоку от моря (Хэдон косын чон) / Исслед., пер. с ханмуна, comment. и указ. Ю. В. Болтач. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 184 с.
- Ким Бусик.** Самгук саги (Летописи Силла) / Пер. с кор. М. Н. Пак. М.: Вост. лит., 2001. Т. 1, кн. 12. 383 с.
- Ли Кёндок.** Корейские мифы / Пер. с кор. Л. Азариной. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022. 272 с.

Троцевич А. Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.): Учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 323 с.

Шмакова А. С., Войтишек Е. Э., Бэ Кидун. Ритуал «Захоронения аромата» 埋香 мэхян на юге Корейского полуострова: проблемы реконструкции // Вестник Новосиб. гос. пед. ун-та. 2016. № 6. С. 32–52.

References

- Iryon.** Ostavshiesya svedeniya o trekh gosudarstvakh (Samguk yusa) [Memorabilia of the Three Kingdoms (Samguk yusa)]. Trans. from Hanmun, intr. and comments by Yu. V. Boltach. St. Petersburg, Hyperion Publ., 2018, 894 p. (in Russ.)
- Kakhun.** Zhizneopisaniya dostoynykh monakhov Strany, chto k vostoku ot morya (Haedong Goseungjeon) [Lives of Eminent Korean Monks]. Issledovanie, perevod s hanmuna, kommentarii i ukazateli Yu. V. Boltach. St. Petersburg, SPbSU Press, 2007, 184 p. (in Russ.)
- Kang Jae-eun.** Two Thousand Years of Korean Confucianism. New Jersey, Paramus, Homa & Sekey books, 2006, 516 p.
- Kim Busik.** Samguk sagi (Silla's Records). Trans. by M. N. Pak. Moscow, Vostochnaya literatura, 2001, vol. 1, book 12, 383 p. (in Russ.)
- Lee Gyeongdeok.** Koreiskie mify [Korean myths]. Trans. and comments by L. Azarina. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2022, 272 p. (in Russ.)
- Shmakova A. S., Voytishek E. E., Bae Kidong.** Ritual “zahoroneniya aromata” 埋香 maehyang na yuge koreiskogo poluostrova: problemy rekonstruktsii [Incense burial ritual 埋香 maehyang in the Southern part of the Korean Peninsula: problems of reconstruction]. *Vestnik of the Novosibirsk State Pedagogical University*, 2016, no. 6, pp. 32–52. (in Russ.)
- Trotsevich A. F.** Iстория корейской традиционной литературы (до XX в.) [History of Korean traditional literature (before the 20th century)]. Textbook. St. Petersburg, St. Petersburg Uni. Press, 2004, 323 p. (in Russ.)
- Voytishek E. E.** Aromaticeskaya kul'tura Vostochnoi Azii. Kitai: s drevnosti po nastoyashchee vremya [Incense culture of East Asia. China: from Antiquity to the Present]. Novosibirsk, NSU Press, 2021, 224 p. (in Russ.)
- Voytishek E. E., Yao Song, Shmakova A. S.** Incense Seals and Stamps in Chinese and Korean Culture: Typology and Context. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies, pp. 73–87. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-73-87

Информация об авторах

Анна Сергеевна Шмакова, кандидат исторических наук, доцент
 Scopus Author ID 57193949544
 WoS Researcher ID Q-9937-2016
 RSCI Author ID 809033
 SPIN 1599-2176

Елена Эдмундовна Войтишек, доктор исторических наук, профессор
 Scopus Author ID 25931793000
 WoS Researcher ID R-3936-2016
 RSCI Author ID 140290
 SPIN 7927-4952

Information about the Authors

Anna S. Shmakova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

Scopus Author ID 57193949544

WoS Researcher ID Q-9937-2016

RSCI Author ID 809033

SPIN 1599-2176

Elena E. Voytishek, Doctor of Sciences (History), Professor

Scopus Author ID 25931793000

WoS Researcher ID R-3936-2016

RSCI Author ID 140290

SPIN 7927-4952

*Статья поступила в редакцию 02.09.2023;
одобрена после рецензирования 12.09.2023; принята к публикации 09.10.2023*
*The article was submitted on 02.09.2023;
approved after review on 12.09.2023; accepted for publication on 09.10.2023*

Научная статья

УДК 93/94

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-67-76

Новые источники о русско-корейских контактах в первой четверти XIX века

Янь Миньсян

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Фуданьский университет
Шанхай, Китай

ymxfdu@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2645-0445>

Аннотация

Статья посвящена изучению новых рукописных материалов о связях между членами корейской дипломатической миссии и Российской духовной миссией в Пекине в собрании Института восточных рукописей РАН. Письма, написанные в первых 20 лет XIX в., содержат переписку между членами миссий двух стран, которая ранее не была известна. Данная статья посвящена изучению адресата членов корейской дипломатической миссии, описанию взаимоотношений между членами миссий двух стран, а также уточнению исторической значимости изучения китайско-российско-корейских отношений накануне нового времени. Новизна исследования заключается в том, что представленные рукописные материалы, тесно связанные с великим российским китаеведом Н. Я. Бичуриным, прежде еще не изучались. Актуальность исследования вызвана ростом научного интереса ученых к новым рукописным материалам об истории российского китаеведения и российско-корейских отношений.

Ключевые слова

Н. Я. Бичурин, Российская духовная миссия в Пекине, Корея, российско-корейские отношения

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке гранта Китайского стипендиального совета (CSC), №. 202009010096

Для цитирования

Янь Миньсян. Новые источники о русско-корейских контактах в первой четверти XIX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10: Востоковедение. С. 67–76. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-67-76

New Sources on Russian-Korean Contacts in the First Quarter of the 19th Century

Yan Minxiang

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation

Fudan University
Shanghai, China

ymxfdu@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2645-0445>

Abstract

The article is devoted to the study of new manuscript materials from the collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences on the relations between members of the Korean diplomatic mission and

© Янь Миньсян, 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10: Востоковедение. С. 67–76
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 10: Oriental Studies, pp. 67–76

the Russian Orthodox Mission in Beijing. The letters, written in the first 20 years of the 19th century, contain correspondence between the members of the two countries' missions, which cannot be found in contemporary historical sources. This article is devoted to studying the addressee of the members of the Korean diplomatic mission, putting all the letters in order, and clarifying their historical value in the study of Sino-Russian-Korean relations on the eve of the modern time. The novelty of the study lies in the fact that these manuscripts, closely related to the activities of the great Russian sinologist N. Ya. Bichurin, have not been studied before. According to the content of these letters, Bichurin communicated with the Koreans on the model of educated Chinese people, and one of the purposes of communication between the envoys of the two countries was the acquisition of different information. The relevance of the study is caused by the growing scientific interest of scholars in new manuscript materials about the history of Russian sinology and Russian-Korean relations.

Keywords

N. Ya. Bichurin, Russian Orthodox Mission in Beijing, Korea, Russian-Korean relations

Acknowledgements

This article was supported by the grant from China Scholarship Council (CSC), no. 202009010096

For citation

Yan Minxiang. The New Sources on Russian-Korean Contacts in the First Quarter of the 19th Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 10: Oriental Studies, pp. 67–76. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-67-76

Введение

После основания корейской династии Чосон (朝鮮, 조선, 1392–1910) в 1392 г. корейский двор установил постоянные связи с китайскими династиями Мин (1368–1644) и Цин (1616–1912). В течение 500 лет с 1392 до 1895 г. корейский двор ежегодно отправлял дипломатические миссии в Китай по случаю передачи поздравлений с Новым Годом и иными праздниками и днями рождения китайских императоров, а также выражения благодарности за жаловавшиеся корейским государям дары.

В ходе выполнения своих миссий в Китай корейские дипломаты писали дневники. Даные дневники, называемые теперь *Яньсин лу* / *Ёнхэннок* (燕行錄, 연행록, «Записки о походе в Янь [Пекин]»), отражают представления членов посольств о тогдашнем внутреннем положении в Китае, а также содержат сведения о связях членов посольства с китайскими чиновниками, литераторами и учеными. В дневниках, созданных после XVIII в., встречается информация о России и Русской духовной миссии в Пекине (俄羅斯館, Элосы гуань). В 1830-х гг. корейские дипломаты Пак Сахо (朴思浩, 박사호, 1784–1854) и Ким Гёнсон (金景善, 김경선, 1788–1853) даже посетили южную резиденцию *Нань гуань* (南館) Русской духовной миссии в Пекине [Пак Сахо, 2011, с. 297–299; Ким Гёнсон, 2011, с. 467–472]. Однако в дневниках корейских посланников информации о России встречается все-таки мало.

С 1716 г. на протяжении полутора веков Русская духовная миссия была единственной постоянной иностранной организацией в Пекине. В связи с тем что Корея до середины XIX в. оставалась закрытой, Пекин стал основным доступным центром для собирания сведений и материалов об этой стране, поэтому члены Русской миссии именно в Пекине собирали материалы, книги, карты о Корее. Но, к сожалению, первичных источников о связях между русскими и корейцами до середины XIX в. было немного. В собрании Института восточных рукописей РАН хранятся письма корейских посланников, которые дают новые материалы для изучения раннего этапа корейско-китайско-российских отношений.

Новые материалы в собрании ИВР РАН

В собрании ИВР РАН хранятся 20 рукописных копий и 5 оригиналов писем корейских посланников начала XIX в. Копии писем встречаются в рукописи под шифром С56 из китайского фонда. Она не имеет названия, но, если судить по содержанию, представляет собой сборник официальных документов Цинской империи. Тексты написаны от руки на бумаге двух видов с красной рамкой: 1) в л. 1–63 и 69–124 на сгибе листов есть название печатни

«Цинъюнь чжай» (青雲齋); 9 строк на странице; размер рамки – 11,2 × 19,9 см; 2) в л. 64–68 и 125–347 на сгибе есть название «Цинси Шу-у» (晴西書屋); 8 строк на странице; размер рамки – 12 × 18,2 см. По почерку в текстах заметно, что это – копии документов, выполненные двумя переписчиками.

В сборник вошли следующие документы:

- 1) Протокол встречи российских и китайских представителей в начале XIX в.;
- 2) Указы цинского императора Цяньлуна (1735–1796) в связи с прибытием в 1793 г. первого британского посланника Дж. Макартни (George Macartney, 1737–1806) и другие сопутствующие документы;
- 3) Указы цинского императора Цзяцина, связанные с прибытием в 1816 г. британского посланника У. Амхерста (William Amherst, 1773–1857) и другие сопутствующие документы;
- 4) Указы цинского императора Цзяцина (1796–1820) 1813 г. по случаю восстания секты Тяньли цзяо (天理教);
- 5) Благодарственные обращения корейского государя Сунджо (純祖, 순조, 1801–1834) к цинскому императору Цзяцину в 1813 и 1814 гг. Они описаны в каталогах корейских ксилиографов и рукописей ИВР РАН, № 235 [Петрова, 1963, с. 131–132] и № 167 [Троцевич, Гурьева, 2009, с. 245–246];
- 6) Указы цинского императора Даогуана (1820–1850) от 1820 г. с регламентом для обряда погребения императора Цзяцина и других ритуальных мероприятий;
- 7) Указы цинских императоров Цзяцина и Даогуана по разным внешним и внутренним делам;
- 8) Письма корейских посланников и Хэ Чжианя.

Н. Я. Бичурин перевел указы императора Цзяцина, объявленные во время нахождения британского посланника Амхерста в Пекине. Переводы были им опубликованы в журнале «Северный архив» в 1825 и 1828 гг. под названием «Указы и бумаги, относящиеся до английского посольства, бывшего в Пекине в 1816 г.» [Бичурин, 1825; 1828a]. Сравнение переводов с текстами в сборнике показало, что их содержание совпадает. Поэтому можно предположить, что копии документов из сборника являются источниками, с которых были сделаны переводы, и тем самым мы можем сказать, что сборник, вероятно, когда-то принадлежал Н. Я. Бичурину. Письма, включенные в сборник, можно разделить на две группы: первая – письма корейских посланников (№ 1–14); вторая – письма Хэ Чжианя (№ 15–20):

- 1) записи беседы, без даты, л. 322а – 323а;
- 2) письмо корейского премьер-министра Чо Инёна (趙寅永, 조인영, 1782–1850), 26 число 10 месяца 22 года Цзяцин (4 декабря 1817 г.), л. 323а – 324а;
- 3) письмо Ли Инсу (李麟秀, 이인수, 1789–?), без даты, л. 324б;
- 4) письмо Ли Бонсу (李藩秀, 이번수), 26 число 1 месяца 22 года Цзяцин (13 марта 1817 г.), л. 325а;
- 5) письмо Ли Инсу, без даты, л. 325б;
- 6) письмо Ли Инсу, 25 число 10 месяца 23 года Цзяцин (23 ноября 1818 г.), л. 326;
- 7) письмо Ли Ин Су, 24 число 10 месяца 24 года Цзяцин (11 декабря 1819 г.), л. 327а;
- 8) письмо Ли Инсу, без даты, л. 327б;
- 9) письмо Ли Хаксу (李鶴秀, 이학수, 1780–1859), без даты, л. 328;
- 10) письмо Ли Инсу, без даты, л. 329а;
- 11) письмо Ли Хаксу, 23 число 10 месяца 25 года Цзяцин (30 ноября 1820 г.), л. 330а;
- 12) письмо сановника Ли Джовона (李肇源, 이조원, 1758–1832), без даты, л. 330б;
- 13) письмо Ли Инсу, 2 число 1 месяца 1 года Даогуан (4 февраля 1821 г.), л. 331а;
- 14) Письмо Ли Джовона, без даты, л. 331б;
- 15) письмо Хэ Чжианя (和直庵), адресованное Чо Инёну, без даты, л. 333;
- 16) письмо Хэ Чжианя, адресованное Ли Инсу, без даты, л. 334;
- 17) письмо Хэ Чжианя, без даты, л. 335;

- 18) письмо Хэ Чжианя, без даты, л. 336;
- 19) письмо Хэ Чжианя, адресованное Ли Инсу, без даты, л. 337;
- 20) письмо Хэ Чжианя, адресованное Чо Инёну, без даты, л. 338а.

В письмах №. 2–14 не указывается получатель.

О корейских авторах писем имеются следующие сведения.

Ли Джовон родился в дворянской семье и был сановником при корейских государях Чонджо (正祖, 정조, 1776–1800) и Сунджо (1801–1834). В 1827 г. он был сослан на отдаленный остров из-за подозрений в измене и там умер через пять лет¹. По данным хроники *Сынджонвон Ильги* (承政院日記, 승정원일기, «Журнал Королевского секретариата»)², Ли Инсу, сын Ли Джовона³, был при Сунджо чиновником низкого ранга. После смерти Ли Джовона в 1832 г. сановники посоветовали государю казнить его сыновей, вероятно, по причине того, что Ли Инсу был замешан в политической борьбе⁴. Другой информации о Ли Инсу в корейских и китайских источниках нет. Ли Хаксу, отец которого – старший брат Ли Джовона, был сановником при государях Сунджо, Хонджоне (憲宗, 현종, 1835–1849) и Чхольджоне (哲宗, 철종, 1850–1864)⁵. Чо Инён был сановником при государях Хонджоне и Чхольджоне⁶.

Ли Джовон, Чо Инён и Ли Хаксу были в начале XIX в. корейскими сановниками. Согласно корейским и китайским хроникам *Чосон Сунджо силлок* (朝鮮純祖實錄, 조선 순조실록, «Правдивые записи государя Сунджо династии Чосон»)⁷, *Цин Жэньцзун Шилу* (清

¹ Комплексная информационная система для исторических личностей в Корее (한국역대인물종합정보시스템): Ли Джовон. URL: http://people.aks.ac.kr/front/dirSer/exm/exmView.aks?exmId=EXM_MN_6JOc_1792_011062&category=dirSer (на кор. яз.) (дата обращения 01.07.2023).

Чосон Сунджо силлок, квон 28: 29 число 3 месяца 27 года правления Сунджо (朝鮮純祖實錄, 卷 28: 純祖二十七年三月二十九日). Электронные ресурсы Национального института корейской истории (국사편찬위원회). URL: http://sillok.history.go.kr/id/kwa_12703029_004 (на кит. яз.) (дата обращения 01.07.2023).

Также, квон 29: 18 число 8 месяца 27 года правления Сунджо (朝鮮純祖實錄, 卷 29: 純祖二十七年八月十八日). URL: http://sillok.history.go.kr/id/kwa_12708018_003 (на кит. яз.) (дата обращения 01.07.2023).

Также, квон 32: 2 число 3 месяца 32 года правления Сунджо (朝鮮純祖實錄, 卷 32: 純祖三十二年三月二日). URL: http://sillok.history.go.kr/id/kwa_13203002_002 (на кит. яз.) (дата обращения 01.07.2023).

² Сынджонвон Ильги, книга 2155: 15 число 6 месяца 22 года правления Сунчжо (承政院日記, 冊 2155: 純祖二十二年六月十五日). Электронные ресурсы Национального института корейской истории (국사편찬위원회). URL: <http://sjw.history.go.kr/id/SJW-H22060150-01700> (на кит. яз.) (дата обращения 01.07.2023).

Также, книга 2176: 28 число 3 месяца 24 года правления Сунджо (承政院日記, 冊 2176: 純祖二十四年三月二十八日). URL: <http://sjw.history.go.kr/id/SJW-H24030280-00700> (на кит. яз.) (дата обращения 01.07.2023).

Также, книга 2205: 21 число 7 месяца 28 года правления Сунджо (承政院日記, 冊 2205: 純祖二十八年七月二十一日). URL: <http://sjw.history.go.kr/id/SJW-H26070210-01300> (на кит. яз.) (дата обращения 01.07.2023).

³ Комплексная информационная система для исторических личностей в Корее: Ли Инсу. URL: http://people.aks.ac.kr/front/dirSer/exm/exmView.aks?exmId=EXM_SA_6JOc_1809_028385&category=dirSer (на кит. яз.) (дата обращения 01.07.2023).

⁴ Чосон Сунджо силлок, квон 32: 14 число 3 месяца 32 года правления Сунджо (朝鮮純祖實錄, 卷 32: 純祖三十二年三月十四日). URL: http://sillok.history.go.kr/id/kwa_13203014_003 (на кит. яз.) (дата обращения 01.07.2023).

⁵ Комплексная информационная система для исторических личностей в Корее: Ли Хаксу. URL: http://people.aks.ac.kr/front/dirSer/exm/exmView.aks?exmId=EXM_UN_6JOc_9999_003111&curSetPos=1&curSPos=1&category=dirSer&isEQ=true&kristalSearchArea=P (на кор. яз.) (дата обращения 01.07.2023).

⁶ Комплексная информационная система для исторических личностей в Корее (한국역대인물 종합정보시스템): Ли Хаксу. URL: http://people.aks.ac.kr/front/dirSer/exm/exmView.aks?exmId=EXM_MN_6JOc_1819_011998&curSetPos=1&curSPos=0&category=dirSer&isEQ=true&kristalSearchArea=P (на кор. яз.) (дата обращения 01.07.2023).

⁷ См.: Чосон Сунджо силлок (Правдивые записи государя Сунджо Династии Чосон). Квон 19: 24 число 10 месяца 16 года правления Сунджо (朝鮮純祖實錄, 卷 19: 純祖十六年十月二十四日), URL: http://sillok.history.go.kr/id/kwa_11610024_001 (на кит. яз.) (дата обращения 01.07.2023).; Квон 22: 24 число 10 месяца 19 года правления Сунджо (卷 22: 純祖十九年十月二十四日), URL: http://sillok.history.go.kr/id/kwa_11910024_002 (на кит. яз.); Квон 23: 7 число 1 месяца 21 года Сунджо (卷 23: 純祖二十一年正月初七日), URL: http://sillok.history.go.kr/id/kwa_12101007_001 (на кит. яз.) (дата обращения 01.07.2023).

仁宗實錄, «Правдивые записи императора Жэнъцзуна династии Цин») и *Цин Сюаньцзун шилу* (清宣宗實錄, «Правдивые записи императора Сюаньцзуна династии Цин»), Ли Джовон посещал столицу Цинской империи в качестве посланника в 1816 и 1820 гг. [Цин Жэнъцзун Шилу, 1985, Цз. 325, с. 293; Цин Сюаньцзун Шилу, 1985, Цз. 14, с. 275]. Ли Хаксу ездил в 1819 г. в Пекин в качестве заместителя начальника дипломатической миссии.

По традиции сыновья и родственники корейских посланников часто зачислялись в их свиту. Чо Инён направлялся в Пекин в 1815 г. вместе с братом, который был заместителем посланника. В письме от 2 числа 1 месяца 1 года правления Даогуан (№ 13, 1821 г.) Ли Инсу пишет: «В этот раз я не мог поехать в Янь [Пекин]» (此次未能入燕). В том же письме: «После прощания пять лет прошло» (一別五年). В связи с этим, мы можем определить, что Ли Инсу был в Пекине в 1816 г., т. е. он ездил вместе со своим отцом Ли Джовоном. Что касается Ли Бонсу, то о нём никаких сведений в китайских и корейских источниках пока не найдено. В письме от 26 числа 1 месяца 22 года правления Цзяцин (№ 4, 1817 г.) Ли Бонсу пишет: «Пилюли “Чхонсимвон” [清心丸, 청심원], привезённые с собой, почти заканчиваются» (清心丸攜來者垂盡). С XV по XIX в. пилюли Чхонсимвон были одним из главных подарков, которые корейские посланники привозили в Китай и дарили китайским князьям, чиновникам и литераторам [У Чжэнвэй, 2019, с. 49–95.]. Таким образом, Ли Бонсу как член посольства Кореи тоже ездил в Пекин с Ли Джовоном в 1816 г.

В собрании ИВР РАН хранятся еще пять оригинальных писем корейских посланников (шифры D97 и A7) из корейского фонда. Они детально описаны в каталоге корейских рукописей и ксилографов ИВР РАН (№ 165 и 166) [Троцевич, Гурьева, 2009, с. 244–245]. Их копии также приведены в сборнике. В рукопись D97 включены 4 оригинала писем корейских посланников. Письма написаны на корейской белой плотной бумаге хорошего качества и вложены в корейские узкие конверты. Отправитель и адресат указаны на конвертах и в текстах первых трех писем.

Под шифром D97 хранятся следующие письма.

1. Письмо Ли Инсу, написанное Хэ Чжианю. На конверте надпись: «Вашему Превосходительству Хэ Чжианю / Ок Са составил с поклоном» (和直庵閣下致 玉書拜具). В конце текста написано: «Ли Инсо [Ок Са] с поклоном представляет письмо Хэ Чжианю» (玉書李麟秀拜上 和直庵清几下) и дата «24 число 10 месяца года Цзимао» (己卯年十月二十四日, 11 декабря 1819 г.). Ок Са, видимо, было прозвищем-хао (號) Ли Инсу. Копия этого письма имеется в сборнике С56 под № 7.

2. Письмо Ли Джовона, адресованное Хэ Чжианю. На конверте сообщается: «Господину Хэ Чжианю лично в руки / Посланник Кореи Ли Оксо собственноручно написал» (和直庵上人手啟 / 朝鮮正使李玉壺手書). В конце текста добавлено: «К Вашему превосходительству Хэ Чжианю» (上和直庵閣下) и дата «12 число». Ок Хо (玉壺, 옥호) – имя-хао (號) Ли Джовона. Его копия – № 14 в сборнике С56.

3. Письмо Ли Хаксу, адресованное Хэ Чжианю. На конверте написано: «После возвращения Хэ Чжиань излагает» (和直庵回展). В конце написано: «От Дан Го с поклоном» (丹皋頓) и дата «10 число 1 месяца». Его копия – № 9 в сборнике. Дан Го (丹皋, 단고) – имя-хао Ли Хаксу. Копия этого письма в сборнике С56 под № 9.

4. Письмо Ли Джовона. Без конверта, без указания в тексте адресата и даты. Вероятно, это письмо, отправленное Ли Джовоном, было адресовано Хэ Чжианю. Его копия – № 12 в сборнике С56.

5. В корейском фонде под шифром A7 хранится письмо Чо Инёна Хэ Чжианю, копия которого под № 2 приведена в сборнике С56. Оно написано на тонкой корейской бумаге лилового цвета с золотыми блестками. В конце письма указаны адресат и дата: «Вашему Превосходительству господину Хэ» (和先生閣下) и «26 число 10 месяца года Динчоу» (丁丑十月二十六日, 4 декабря 1817 г.). В тексте самого письма адресат не указан. В конце письма также

стоит красная квадратная печать Чо Инёна с текстом «Чо Инён, второе имя Хи Гён, из области Пхунъян» (豐壤趙寅永字義卿)

Таким образом, письма № 2, 7, 9, 12 и 14 сборника С56 были отправлены Хэ Чжианю. В цинское время в личных письмах корейские литераторы использовали летосчисление по системе *ганьчжи* (干支紀年), которая встречается лишь в оригиналах писем. В копиях же названы девизы правления цинских императоров – очевидно, это были дополнения Бичурина. Кроме того, после тщательного ознакомления с текстами в сборнике С56 мы заметили, что существует связь между письмами из групп 1 и 2.

Например, в письме № 19 Хэ Чжиань пишет: «Датой возвращения определено 26 число 4 месяца» (僕人歸期定於四月二十六日). А в письмах № 7 и 10 Ли Инсу как раз спрашивал о дате возвращения, поэтому письмо № 19 явно было ответным посланием Хэ Чжианя к Ли Инсу, а № 7 и 10 – письма, которые Ли Инсу отправил Хэ Чжианю.

В письме № 16 из сборника Хэ Чжиань попросил Ли Инсу показать корейскую медицинскую книгу «Тонъи Погам» (東醫寶鑑, 동의보감). В письме № 6 Ли Инсу пишет: «Вы прошли «Ыйгам» (醫鑑, 의감). Объем небольшой, привезти книгу было нетрудно, но она уже напечатана в Срединном государстве (中國). Восточные люди (東人, т. е. корейцы) тоже покупают. [Поэтому я не привёз её.] Прошу прошения» (俯囑《醫鑑》, 非特巨帙難輸, 中國已爲開板, 東人亦多購致, 幸諒之也). Очевидно, письмо № 6 – это ответное сообщение Ли Инсу. Адресат письма – Хэ Чжиань.

Из контекста писем мы можем сделать вывод, что корейские посланники Ли Джован, Ли Хаксу, Чо Инён и Ли Инсу познакомились с Хэ Чжианем в Пекине, во время их поездки в Китай в 1816–1821 гг., и тогда же они обменивались письмами друг с другом. Ли Бонсу приезжал в Пекин вместе с посольством в 1816 г., поэтому не исключена возможность того, что он встречался с Хэ Чжианем. Таким образом, остальные письма Ли Инсу (№ 3 / 5 / 8 / 13), Ли Бонсу (№ 4) и Ли Хаксу (№ 11), вероятно, могли быть посланы Хэ Чжианю, хотя в их текстах не указан адресат.

Следующий вопрос: кем был Хэ Чжиань? В письме Чо Инёна (№ 2 / 25) Хэ Чжианю сообщается, что Хэ Чжиань «находился на северном крае мира» (足下處天下極北). Что такое «северный край мира» (天下極北)? Корейский философ XVIII в. Хон Дэён (洪大容, 흥대용, 1731–1783) был в Пекине в качестве члена посольства в 1765 г. В его дневнике *Тамхон Ёнги* (湛軒燕記, 담현연기) встречается информация о России: «Россия <...> находится на дальней территории за пустыней» (鄂羅斯……在沙漠外絕域) [Хон Дэён, 2001, с. 151]. В дневнике современника Чо Инёна, корейского посланника Пак Сахо *Ёнге киджон* (燕薦紀程, 연계기정) тоже упоминается Россия: «Россия <...> находилась к северу от Амура. От Срединной земли до России более 20.000 ли» (鄂羅斯……在黑龍江北, 距中國二萬餘里) [Пак Сахо, 2011, с. 350]. Поэтому «северный край мира», по представлениям корейцев XVIII–XIX вв., означает Россию. В связи с тем, что в письмах Чо Инёна, Ли Инсу и Ли Джовона корейские посланники много раз спрашивали у Хэ Чжианя о дате возвращения на Родину, мы можем предположить, что Хэ Чжиань не был китайцем. Тогда только членам Российской духовной миссии позволялось долго находиться в Пекине, а через 10 лет пребывания там они имели право вернуться на Родину⁸. Поэтому, Хэ Чжиань, скорее всего, происходил из России и был членом Русской духовной Миссии.

В связи с тем, что письма с датой были написаны в течение 1816–1821 гг., в этот период наиболее возможным кандидатом является Н. Я. Бичурин. В письме Хэ Чжианя (№ 18) написано: «Я прожил в Китае 13 лет. В четвертом месяце этого года вернусь на Родину» (僕寄居中華十有三載, 今歲四月殆歸本國). В письме к Ли Инсу (№ 19) написано: «После прощания

⁸ Иезуиты и другие католические миссионеры также могли долго находиться в Китае, но, в отличие от русских, европейцы приезжали туда без права возвращения, за редким исключением.

в Пекине скоро пройдет пять лет» (都門判袂, 彈指五年). В выше мы уже определили то, что Ли Инсу был в Пекине в 1816 г. в качестве члена корейской посольства, поэтому письмо № 19 могло быть написано в 1821 г. В том же письме автор также пишет: «Дата возвращения будет 26 числа 4 месяца» (僕人歸期定於四月二十六日). Н. Я. Бичурин прибыл в Китай в 1807 г. и с 1807 до 1821 г. прожил там 13 лет. Н. Я. Бичурин покинул Пекин «15 мая 1821 г.» [Бичурин, 1828б, с. 1]. 15 мая 1821 г. по юлианскому календарю соответствовало 27 мая 1821 г. по григорианскому календарю и 26 дню 4 месяца 1 года правления Даогуан по китайскому календарю. Таким образом, мы можем определить, что Хэ Чжиань – это и есть Н. Я. Бичурин.

С другой стороны, в дневнике Е. Ф. Тимковского сообщается, что корейский посланник «Лиуилю» посещал Российскую духовную миссию и встречался с Бичурином в апреле 1821 г. «Лиуилю» – это Ли Окхо, т. е. Ли Джован [Тимковский, 1824, с. 257]. В антологии Ли Джовона Ёнги Пхунъён (燕蔚風煙, 연계풍연) есть стихотворение «Хэ Яцзину» (和雅敬)⁹. Первая строка стихотворения – «Неожиданно повстречал русского человека» (奇遇鄂羅人). По всей видимости, Хэ Яцзин – и есть Хэ Чжиань. «Яцзин» могло быть производным от монашеского имени Н. Я. Бичурина Иакинф. По нашему мнению, «Яцзин» – китайское имя Н. Я. Бичурина, а «Чжиань» (直庵) – его имя-хао. Что касается фамилии «Хэ» (和), наверное, Н. Я. Бичурин заимствовал традицию китайских буддийских монахов: использовать иероглиф «ши» (釋), происходящий от имени Будды Шакьямуни, как фамильный знак. В XVIII в. и в первой половине XIX в. православные монахи в Китае назывались «ламами» (喇嘛), использовали название тибетских буддийских монахов. «Хэ», вероятно, был взят из названия китайских буддийских монахов «хэ шан» (和尚).

Заключение

Мы можем прийти к выводу, что в собрании ИВР РАН хранятся два письма Ли Джовона Н. Я. Бичурину¹⁰ (№ 12/24 и 14/22), два письма Ли Хаксу Н. Я. Бичурину (№ 9/23 и 11), письмо Чо Инёна Н. Я. Бичурину (№ 2/25), два письма Н. Я. Бичурина Чо Инёну (№ 15 и 20), семь писем Ли Инсу Н. Я. Бичурину (№ 3, 5, 6, 7/21, 8, 10, 13), два письма Н. Я. Бичурина Ли Инсу (№ 16 и 19), письмо Ли Бонсу Н. Я. Бичурину (№ 4), два письма Н. Я. Бичурина без адресата (№ 17 и 18), а также записи беседы (№ 1).

В статье впервые установлены китайская фамилия и имя Н. Я. Бичурина – Хэ Чжиань / Хэ Яцзин. Китайские ученые ранее уже обращались к этому вопросу. Цай Хуншэн (蔡鴻生) указал, что Н. Я. Бичурин имеет китайскую фамилию, которую он обозначил иероглифом *Яо* (姚), хотя русская транскрипция, приведенная в его книге, – Хэ [Цай Хуншэн, 2006, с. 230.]. Ли Вэйли (李偉麗) по архивным материалам из Института восточных рукописей тоже указала, что Бичурин имеет китайскую фамилию Хэ [Ли Вэйли, 2007, с. 25.]. По переписке Н. Я. Бичурина с корейскими посланниками мы определили, что его китайское имя – Яцзин, а имя-хао – Чжиань.

Корейские посланники не могли общаться с китайцами, прибегая к китайской разговорной речи. Им приходилось беседовать с простыми людьми с помощью не получивших хорошего образования переводчиков, которые назывались *тунъи* (通譯). С образованными китайцами (чиновниками, учеными, литераторами), а также с вьетнамскими и рюкюскими посланниками корейцы общались посредством письменной речи, т. е. на китайском классическом языке (вэньянь). Н. Я. Бичурин во время его пребывания в Пекине также общался с корейцами на вэньяне, по методу образованных китайцев.

⁹ Ли Чонвон. Ёнги Пхунъён (李肇源: 燕蔚風煙). Рукопись хранится в Китайской национальной библиотеке, шифр 04409, л. 36а (на кит. яз.).

¹⁰ Выше мы уже пришли к выводу, что Хэ Чжиань – одно из китайских имён Н. Я. Бичурина.

Таким образом, рассматриваемые письма – новые ценные исторические источники для исследования деятельности Н. Я. Бичурина в Пекине. Китайские, корейские и японские ученые уже изучали связи корейских посланников с иезуитами, жившими в Пекине. Что касается связи членов Российской духовной миссии с корейцами, то восточноазиатские ученые пока не уделяли ей внимания.

Список литературы

- Бичурин Н. Я.** Указы и бумаги, относящиеся до английского посольства, бывшего в Пекине в 1816 г. // Северный архив. 1825. № 14. С. 134–151.
- Бичурин Н. Я.** Указы, относящиеся до Английского посольства, бывшего в Пекин в 1816 году. Переведенные с китайского языка // Северный архив. 1828а. № 4. С. 199–218.
- Бичурин Н. Я.** Записки о Монголии. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1828б. Т. 1. 230 с.
- Петрова О. П.** Описание письменных памятников корейской культуры. М.: ИВЛ, 1963. Вып. 2. 152 с.
- Тимковский Е. Ф.** Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. Часть 2. СПб.: Тип. медицинского департамента МВД, 1824. 410 с.
- Троцевич А. Ф., Гурьева А. А.** Описание письменных памятников корейской традиционной культуры. СПб.: Издательство СПбГУ, 2009. Вып. 2: Корейские письменные памятники в рукописном отделе Института восточных рукописей Российской академии наук. 424 с.
- Ким Гёнсон.** Ёнвон Чикчи, Квон З. Элосы гуань цзи [金景善。燕轅直指, 卷三: 俄羅斯館記]. Направление в город Янь. квон З, Записки о резиденции «Русской миссии» // Ханьго Ханьвэнь Яньсин вэньсянь сюаньбянь [韓國漢文燕行文獻選編] (Сборник корейской литературы по «походу в Янь» на китайском языке). Шанхай: Изд-во «Фуданьский университет», 2011. Т. 28. С. 467–472. (на кит. яз.)
- Ли Вэйли.** Ни. Я. Бичулинъ цзи ци ханьсюэ яньцю [李偉麗。尼·雅·比丘林及其漢學研究]. Н. Я. Бичурин и его исследование Китая. Пекин: Сюэюань чубаньшэ, 2007. 180 с. (на кит. яз.)
- Пак Сахо.** Ёнги Киджон, Квон 2. Элосы гуань цзи [朴思浩。燕薦紀程, 卷二: 俄羅斯館記]. Записки о маршруте в Янь и Цзи, квон 2, Записки о резиденции «Русской миссии» // Ханьго Ханьвэнь Яньсин вэньсянь сюаньбянь [韓國漢文燕行文獻選編] (Сборник корейской литературы по «походу в Янь» на китайском языке). Шанхай: Изд-во «Фуданьский университет», 2011. Т. 27. С. 297–299. (на кит. яз.)
- У Чжэнвэй.** Лунь Чаоянь цинсинвань дэ люсин юй циндай ляодун шэхуей [吳政緯。論朝鮮清心丸的流行與清代遼東社會]. О популярности корейских пилюль «Чхонсимон» и ляодунском обществе в Цинское время // Тайвань Шида лиши Сюэбао [臺灣師大歷史學報]. Вестник Тайваньского педагогического университета по истории. Дек. 2019. Вып. 62. С. 49–95. (на кит. яз.)
- Хон Дэён.** Тамхон Ёнги, квон 2 [洪大容。湛軒燕記, 卷 2]. Записи Тамхона о путешествии в Пекин // Ёнхэннок Чонджип [燕行錄全集]. Полное собрание «Ёнхэннок». Сеул: Издательство университета Тонгук, 2001. Т. 42. 558 с. (на кит. яз.)
- Цай Хуншэн.** Элосы гуань цзиши [蔡鴻生。俄羅斯館紀事]. Описание Российской резиденции. Пекин: Чжунхуа шуцзю, 2006. 252 с. (на кит. яз.)
- Цин Жэньцзун Шилу [清仁宗實錄]. Правдивые записи Императора Жэньцзуна Династии Цин // Цин Шилу [清實錄]. Правдивые записи Династии Цин. Пекин: Чжунхуа шуцзю, 1985. Т. 32. 946 с. (на кит. яз.)
- Цин Сюаньцзун Шилу [清宣宗實錄]. Правдивые записи Императора Сюаньцзуна Династии Цин // Цин Шилу [清實錄]. Правдивые записи Династии Цин. Пекин: Чжунхуа шуцзю, 1985. Т. 33. 1110 с. (на кит. яз.)

References

- Bichurin N. Ya.** Ukazy i bumagi, otnosyashchiesya do angliyskogo posol'stva, byvshego v Pekine v 1816 g. [Edicts and papers relating to the English embassy in Beijing in 1816]. *Severnnyy arkhiv*, 1825, no. 14, pp.134–151. (in Russ.)
- Bichurin N. Ya.** Ukazy otnosyashchiesya do Angliyskogo posol'stva, byvshego v Pekin v 1816 godu. Perevedenye s kitayskogo yazyka [Edicts pertaining to the English Embassy to Beijing in 1816. Translated from Chinese]. *Severnnyy arkhiv*, 1828, no. 4, pp. 199–218. (in Russ.)
- Bichurin N. Ya.** Zapiski o Mongoli [Notes about Mongolia]. St. Petersburg, Tipografiya Karla Krayya, 1828, vol. 1, 230 p. (in Russ.)
- Cai Hongsheng.** Элосы гуань цзиши [蔡鴻生。俄羅斯館紀事]. Описание Российской резиденции. Пекин, Чжунхуа шуцзю, 2006, 252 с. (на кит. яз.)
- Kim Gyon Son.** Yonvon chikchi, Kwon 3. Eluosi Guan Ji [金景善。燕轅直指, 卷三: 俄羅斯館記]. Directions to Yan City. Kwon 3, Notes on the residence of the “Russian Mission”. In: Hanwen Yanxing Wenxian Xuanbian [韓國漢文燕行文獻選編]. Collection of Korean literature on the “march to Yan” in Chinese language. Shanghai, Fudan University Press, 2011, vol. 28, pp. 467–472. (in Chin.)
- Li Weili.** Ni. Ya. Biquulin ji qi hanxue yanjiu [李偉麗。尼·雅·比丘林及其漢學研究]. N. Ya. Bichurin and his study of China. Beijing: Xueyuan chubanshe, 2007, 180 p. (in Chin.)
- Park Sa Ho.** Yongi kijon, Kwon 2. Eluosi Guan Ji [朴思浩。燕薦紀程, 卷二: 俄羅斯館記]. Notes on the Route to Yan and Ji, Kwon 2, Notes on the residence of the “Russian Mission”. In: Hanwen Yanxing Wenxian Xuanbian [韓國漢文燕行文獻選編]. Collection of Korean literature on the “march to Yan” in Chinese language). Shanghai, Fudan University Press, 2011, vol. 27, pp. 297–299. (in Chin.)
- Petrova O. P.** Opisaniye pis'mennykh pamyatnikov koreyskoy kul'tury [Description of written monuments of Korean culture]. Moscow, IOL, 1963, iss. 2, 152 p. (in Russ.)
- Timkovskiy E. F.** Puteshestviye v Kitay cherez Mongoliyu v 1820 i 1821 godakh [Journey to China through Mongolia in 1820 and 1821]. St. Petersburg, Printing house of the medical department of the Ministry of Internal Affairs, 1824, pt. 2, 410 p. (in Russ.)
- Trotsevich A. F., Gurieva A. A.** Opisaniye pis'mennykh pamyatnikov koreyskoy traditsionnoy kul'tury [Description of written monuments of Korean traditional culture]. St. Petersburg, St. Petersburg Uni. Press, 2009, iss. 2, 424 p. (in Russ.)
- Wu Zhenwei.** Lun Chaoxian Qingxinwan de Liuxing yu Qingdai Liaodong Shehui [吳政緯。論朝鮮清心丸的流行與清代遼東社會]. On the Popularity of Korean Cheongsimwon Pills and Liaodong Society in the Qing Dynasty. *Taiwan Shida Lishi Xuebao* [臺灣師大歷史學報]. *The Bulletin of Historical Research of Taiwan Normal University*. Dec. 2019, no. 62, pp. 49–95. (in Chin.)
- Hong Dae Yong.** Damheon Yeongi, Kwon 2 [洪大容。湛軒燕記, 卷 2]. Notes of Damheon about Traveling to Beijing. In: Yonhaengnok chonjip [燕行錄全集]. Complete Collection of *Yeonhaengnok*. Seul, Tonguk University, 2001, vol. 42, 558 p. (in Chin.)
- Qing Renzong Shilu** [清仁宗實錄]. Veritable Records of Emperor Renzong of Qing Dynasty. In: *Qing Shilu* [清實錄]. Veritable Records of Qing Dynasty. Beijing, Zhonghua Shuju, 1985, vol. 32, 946 p. (in Chin.)
- Qing Xuanzong Shilu** [清宣宗實錄] Veritable Records of Emperor Xuanzong of Qing Dynasty. In: *Qing Shilu* [清實錄]. Veritable Records of Qing Dynasty. Beijing, Zhonghua Shuju, 1985, vol. 33, 1110 p. (in Chin.)

Информация об авторе**Янь Миньсян**, аспирант

Scopus Author ID 57810644400

WoS Researcher ID JCF-2590-2023

Information about the Author**Yan Minxiang**, Postgraduate Student

Scopus Author ID 57810644400

WoS Researcher ID JCF-2590-2023

*Статья поступила в редакцию 28.08.2023;
одобрена после рецензирования 12.09.2023; принята к публикации 09.10.2023
The article was submitted on 28.08.2023;
approved after review on 12.09.2023; accepted for publication on 09.10.2023*

Научная статья

УДК 2-76

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-77-88

Монголовед О. М. Ковалевский о китайской книге «Мин синь бао цзянь»: по следам одной дневниковой записи

Лидия Владимировна Стеженская

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

Институт Китая и современной Азии Российской академии наук
Москва, Россия

liuxie@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4011-6783>

Аннотация

Рассматривается запись видного российского монголоведа, буддолога и организатора высшего востоковедческого образования О. М. Ковалевского (1801–1878) в его «Дневнике занятий за 1832 г.», рукопись которого хранится в Отделе рукописей Библиотеки Вильнюсского университета. Это конспект на английском языке аннотации китайской книги «Мин синь бао цзянь» (明心寶鑑, «Драгоценное зерцало для просветления сердца») из некоего протестантского миссионерского журнала, издававшегося в Малакке. В статье уточняется и значительно дополняется ранее опубликованный комментарий к этой записи. Представляется английский текст указанной аннотации, найденный в журнале «Индийско-Китайская подборка» за 1818 г. Доказывается, что автором аннотации был протестантский миссионер Уильям Милн (William Milne, 1785–1822). Обсуждается сам факт обращения к этой книге протестантского проповедника для представления традиционного китайского мировоззрения. Предполагается, что данная аннотация стала первым шагом к выбору «Мин синь бао цзянь» для преподавания китайского языка в Императорском Казанском университете в 1837–1844 гг.

Ключевые слова

О. М. Ковалевский, У. Милн, *Мин синь бао цзянь*, миссионеры, протестантизм, Китай

Для цитирования

Стеженская Л. В. Монголовед О. М. Ковалевский о китайской книге «Мин синь бао цзянь»: по следам одной дневниковой записи // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10: Востоковедение. С. 77–88.
DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-77-88

Mongolist Józef Kowalewski Apropos the Chinese Book “Ming Xin Bao Jian”: Following up a Diary Entry

Lidiya V. Stezhenskaya

National Research University “Higher School of Economics”
Moscow, Russian Federation

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

liuxie@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4011-6783>

Abstract

This article examines the notes of the prominent Russian mongolist of Polish origin Józef Kowalewski (1801–1878) in his “Diary of studies for 1832”, the manuscript of which is kept in the Department of Manuscripts of the Vilnius University Library. This diary entry has been previously published several times in the form of a facsimile. It is an excerpt in English from the annotation on the Chinese book *Ming xin bao jian* (明心寶鑑, *Precious Mirror for the Enlightenment of the Mind*) from the Protestant missionary magazine published in Malacca. The article clarifies and significantly supplements the previously published commentary on this entry, defines *The Indo-Chinese Gleaner* magazine as the source of the English annotation and William Milne (1785–1822) as its author. It is assumed that J. Kowalewski’s acquaintance with W. Milne’s note had determined later choice of *Ming xin bao jian* as a Chinese language teaching material at The Imperial Kazan University. The very fact of choosing this book by a Protestant missionary to be presented as an important manual on the Chinese language and the traditional worldview of the Chinese is discussed. The conclusion is made that, formally remaining in opposition to the earlier Catholic missionary work, Protestant preachers in assessing *Ming xin bao jian* were in consent with their predecessors.

Keywords

J. Kowalewski, W. Milne, *Ming xin bao jian*, missionaries, Protestantism, China

For citation

Stezhenskaya L. V. Mongolist Józef Kowalewski Apropos the Chinese Book “Ming Xin Bao Jian”: Following up a Diary Entry. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 10: Oriental Studies, pp. 77–88. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-77-88

Введение

В 2020 г. издательство «Петербургское Востоковедение» выпустило подготовленную коллективом из пяти авторов научную биографию Осипа Михайловича Ковалевского (Józef Kowalewski, 1801–1878), зачинателя университетского монголоведения, члена-корреспондента Императорской Санкт-Петербургской академии наук, ординарного профессора, декана Восточного разряда философского факультета, позднее декана историко-филологического факультета, ректора Казанского университета [Биография..., 2020, с. 13–14]. Помимо биографии книга включает описание архивного научного наследия выдающегося монголоведа и буддолога, а также представляет часть этого наследия. Сюда входят, в том числе, ранее уже публиковавшиеся три дневника О. М. Ковалевского за 1830–1832 гг. [Россия – Монголия – Китай..., 2006, с. 13–86; Эпистолярное и дневниковое наследие..., 2008, с. 132–209; Полянская, 2012, с. 42–133; 2019, с. 188–305; Биография..., 2020, с. 256–423]. По этим публикациям мы обратимся к самому позднему из них «Дневнику занятий за 1832 г.», оригинал которого хранится в фонде О. М. Ковалевского под номером F11–3 в Отделе рукописей Библиотеки Вильнюсского университета. Ковалевский вел его после возвращения из Китая во время продолжения своей научно-практической командировки к бурятам в Забайкалье.

В одной из дневниковых записей здесь О. М. Ковалевский зафиксировал важный факт обращения в начале XIX в. англо-шотландских протестантских миссионеров к китайской книге «Мин синь бао цзянь» (明心寶鑑, «Драгоценное зерцало для просветления сердца»). Согласно имеющимся исследованиям и собственным заявлениям проповедников, протес-

тантское миссионерство в Китае противопоставляло себя более раннему католическому миссионерству прежде всего своей целью – донести полный текст Священного Писания на китайском языке до всех верующих. Однако отмеченное О. М. Ковалевским внимание проповедников Китайской протестантской миссии в Малакке к народной по своему характеру и по масштабу распространения «Мин синь бао цзянь» в качестве одной из важнейших книг китайского традиционного мировоззрения сближает их методы проповеди с практикой более ранних католических доминиканцев и иезуитов.

Указанная запись заслуживает внимания также по той причине, что «Мин синь бао цзянь» позднее, при основании кафедры китайского языка и литературы в Казанском университете в 1837 г., когда О. М. Ковалевский возглавлял Восточный разряд университета, была принята в качестве учебного материала для преподавания китайского языка. История российских учебников вообще, к сожалению, остается малоизученной областью в отечественной исторической науке. Еще в большей степени это относится к востоковедным учебным материалам.

О дневниковой записи О. М. Ковалевского

Судя по двум предыдущим публикациям 2012 и 2019 гг., и для издания 2020 г. публикация рукописи «Дневника занятий за 1832 г.» была подготовлена Оксаной Николаевной Полянской [Полянская, 2012, с. 42–133; 2019, с. 241–305; Биография..., 2020, с. 367–423]. Интересующий нас текст представляет собой выписку, по сути обширную цитату из английского миссионерского журнала на языке оригинала. Это достаточно развернутая аннотация китайской книги «Мин синь бао цзянь» («Драгоценное зерцало для просветления сердца») – собрание высказываний из авторитетных традиционных китайских сочинений, организованных по 20 рубрикам. Книга использовалась в Китае для обучения иероглифическому письму и в то же время давала наставления в житейской мудрости. Запись располагается на страницах [170]–179 рукописи. Номер первой страницы дан нами в скобках, потому что ни этот, ни другие номера страниц на обороте листа не указываются. Пагинация рукописи выполнена по лицевой стороне листа, но сами номера идут не по порядку, а через один по нечетным номерам. Во всех трех публикациях набором в транскрипции дан текст только для страницы [170], остальные страницы приведены в виде уменьшенных факсимиле разворотов вместе четной (левой) и нечетной (правой) страниц [Полянская, 2012, с. 53–55 (примеч. 36–38а на с. 118–120); 2019, с. 248–251 (примеч. 36–38 на с. 294–295); Биография..., 2020, с. 378–381]. Учитывая, что почерк автора хотя и «очень четкий», но «мелкий, бисерный» [Полянская, 2011, с. 43], их прочтение представляет определенную трудность. Предпринятый издателем перевод отдельных мест текста с английского на русский язык не дает представления обо всей записи. Уточнения требуют и предложенные комментарии. В этом заключался также практический повод для появления настоящей статьи.

Выписка Ковалевского находится в разделе записей за июль 1832 г. Он указывает название и номер миссионерского журнала, издававшегося в Малакке, однако источник этой выписки О. Н. Полянской определить не удалось [Полянская, 2012, с. 53, 118 (примеч. 36); 2019, с. 248, 294 (примеч. 36); Биография..., 2020, с. 378]. Уточняем, что журнал, который читал О. М. Ковалевский во время своего пребывания в Селенгинске у английского (точнее было бы сказать «шотландского») миссионера Роберта Юилля (Robert Yuille, 1786–1861), назывался *The Indo-Chinese Gleaner*. Ключевое слово *gleaner* в названии журнала образовано от глагола *to glean*, в прямом изначальном значении – *собирать колоски* (с уже убранного поля). От него далее выводятся *собирать по крупицам* и другие переносные значения. Журнал действительно представлял собой смесь собранных «с миру по нитке» небольших статеек, заметок и сообщений, связанных с миссионерской деятельностью и с самыми начальными фоновыми знаниями о регионе пребывания миссионеров от Индии до Юго-Восточной Азии и Китая, хотя

нередко здесь же бывали материалы о Корее, Японии, России и других странах¹. Такая «неспециализированность» вызывала определенные сомнения в перспективности журнала у его издателя, видного проповедника Лондонского миссионерского общества, организатора отделения протестантской Китайской миссии в Малакке У. Милна (William Milne, 1785–1822): «Он [журнал] недостаточно учен для ученых, он недостаточно религиозен для религиозных, он недостаточно мирской для мирян, он недостаточно изыскан или выразителен для элегантных или речистых» [[W. Milne] to the Rev. Dr. Morrison..., 1839].

Сомнения, по-видимому, были напрасными. Показателен сам факт хранения журнала селенгинскими миссионерами, которые занимались переводом Библии на бурятский и монгольский языки. Им наверняка был интересен раздел «Священное Писание» (Scriptures), который отражал работу их предшественников – Р. Моррисона (Robert Morrison, 1782–1834) и У. Милна, переводчиков Библии на китайский язык. Материалы малаккского журнала нередко, с небольшой задержкой по времени, перепечатывал на своих страницах «Азиатский журнал», спонсировавшийся Ост-Индской компанией.

«Индийско-Китайская подборка» выходила ежеквартально. Библиографическую заметку о «Мин синь бао цзянь» Ковалевский прочитал в августовском номере V за 1818 г. в разделе «Китайская библиотека» (Bibliotheca Sinica) [Bibliotheca Sinica, 1818, p. 157–165]. Делая запись в 1832 г., Ковалевский ошибался, думая, что журнал продолжал выходить «много уже лет» [Полянская, 2012, с. 53; 2019, с. 248; Биография..., 2020, с. 378]. Журнал впервые был выпущен в 1817 г. и уже после смерти У. Милна в 1822 г. прекратил свое существование. Просмотрев несколько номеров журнала, О. М. Ковалевский нашел в нем «очень любопытные известия о философии, мифологии, литературе и истории индо-китайских народов и о действии миссионеров в разных странах Азии» [Там же]. Непосредственной причиной, заставившей его обратить внимание на библиографическую заметку о «Мин синь бао цзянь», О. М. Ковалевский называет наличие у него этой книги на китайском языке [Там же]. Название книги в журнале давалось не только в английской транскрипции (Ming sin paou keēn), но и в иероглифика (明心寶鑑), поэтому можно предположить, что О. М. Ковалевский хотя и не специализировался на китайском языке, но после семимесячного пребывания в Пекине мог соотнести иероглифы друг с другом и определить их идентичность². В изданной рукописи иероглифическая запись отсутствует, но и факсимиле этой части не приводится. Предполагаем, что Ковалевский все же не скопировал китайское название книги. Не всегда, но в большинстве случаев О. Н. Полянская в своих публикациях приводит факсимиле иноязычных записей. Кроме того, в факсимильном тексте далее видно, что Ковалевский не скопировал иероглифы 天理 (тиань ли, небесный принцип), также ограничившись лишь их транскрипцией T'hēen lee [Полянская, 2012, с. 54; 2019, с. 249; Биография..., 2020, с. 379].

О книге «Мин синь бао цзянь»

«Мин синь бао цзянь» была уже представлена и в нашей, и в зарубежной литературе [Майоров, 2008; Clart, 2018], поэтому здесь мы повторим лишь некоторые необходимые сведения о ней, а также дадим свои дополнения и соображения на этот счет. Как известно, книга была составлена не позднее 1393 г. неким Фань Либэнем из г. Ханчжоу. Она представляет собой собрание высказываний по широкому кругу «ценностей и установок повседневной морали». Согласно традиционной китайской классификации, она считается «просветительской книгой» (мэн шу), т. е. пособием для обучения иероглифическому письму. С другой стороны, по содержанию ее можно отнести к «нравственным книгам» (шань шу). Она учит «доброму» (шань), т. е. правильному пониманию моральных норм и следованию им. Наконец,

¹ О содержании и задачах журнала см. [Milne, 1820, p. 344; Memoirs of the life and labours..., 1839, vol. I, p. 500–501].

² Есть даже заявления о хорошем знании китайского языка О. М. Ковалевским, во что, правда, верится с трудом (см. [Полянская и др., 2021, с. 37]).

по формальным признакам это «классификационная книга» (лэй шу), устроенная по рубрикам, как бы небольшая энциклопедия, в которой можно справиться по тому или иному вопросу.

Отметим, что в заглавии присутствует термин «просветление сердца» (мин синь), который должен был бы указывать на связь с дзэн-буддизмом, но на самом деле в книге преобладают конфуцианские поучения, хотя здесь нашлось место и буддийским, и даосским изречениям. Это вполне соответствует времени составления «Драгоценного зерцала...», когда происходит переплетение и своеобразный симбиоз указанных трех учений, причем не на уровне высокой культуры, а именно в народной среде, в повседневной морали. Возможно, поэтому книга получила широкое распространение в Восточной и Юго-Восточной Азии, а в Корее и Японии даже стала классической книгой. Более того, в конце XVI в. она была первой китайской книгой, переведенной на западный язык. На испанский язык в Маниле ее перевел доминиканский миссионер Хуан Кобо (ум. 1592). И потом европейцы переводили ее часто и на разные языки, включая русский.

Было отмечено, что в отношении к этой книге хорошо прослеживаются разные подходы к проповеди христианства в Китае. Иезуиты знали эту книгу [Chan, 2002, р. 180–183], но предпочитали прозелитизм среди высших слоев китайского общества на более высоком философском уровне. Доминиканцы шли с проповедью в широкие массы китайского населения, поэтому и обратились к переводу народной книги. Всё это касается раннего католического миссионерства в Китае. Дневниковая запись О. М. Ковалевского свидетельствует о наличии интереса к «Мин синь бао цзянь» у нового протестантского миссионерства в начале XIX в. До сих пор же предполагалось, что протестантское проповедование христианства в корне отличалось от католического. Протестанты делали упор на «первоисточники». Главной своей миссией на Востоке они считали перевод Священного Писания, личное понимание и толкование которого должно было стать основанием веры новокрещеных китайцев.

Уильям Милн, начиная новый раздел «Китайская библиотека», дал объяснение цели и причины его включения в свой журнал [Bibliotheca Sinica, 1818]. Причина состояла в неудовлетворенности известным «Каталогом китайских книг Королевской библиотеки» [Catalogus..., 1742, р. 343–500] Этьена Фурмона (1683–1745), французского востоковеда. Во-первых, каталог был составлен не на английском, а на латинском языке, во-вторых, он был составлен небрежно, без знания китайской литературы, с искажением сведений, полученных от католических миссионеров. У. Милн же адресовал свои библиографические заметки протестантским миссионерам и якобы откликался на призыв некоего профессора из Шотландии дать «краткое описание тех книг, которые пользуются наибольшим признанием у китайцев». Начав раздел с «Драгоценного зерцала...», он только потом, в более поздних номерах журнала, привел описания книг конфуцианского «Четверокнижия» и не остановился (возможно, просто не успел из-за ранней смерти) на других классических книгах.

Заметка У. Милна подписана псевдонимом Ду-юй (Тоо-уи), который по-китайски следует записать как 蠲魚, т. е. книжный червь. Во введении У. Милн обыгрывает это значение, будто бы предлагая свои заметки от лица книжного червя (Bookworm). Предположение, что этот псевдоним мог принадлежать коллеге У. Милна Роберту Моррисону [Yeung Man-Shun, 2018], ошибочно. Милн сам указал на него и еще один свой псевдоним [Memoirs of the Rev. William Milne..., 1824, р. 54]. Книга, описанная У. Милном, по-видимому, была привезена им из Китая еще в 1815 г. вместе с другими китайскими книгами [Milne, 1820, р. 140].

У. Милн заранее готовился к миссионерской деятельности в Китае. Как замечает его биограф, во время плавания из Европы в Китай, не владея китайским языком, У. Милн изучал «характер и мнения» китайцев «по своим книгам на эту тему, которые казались [специально] подобранными, хотя и не многочисленными» [Philip, 1840, р. 95]. Быстрый прогресс У. Милна в изучении китайского языка и понимании «мнений китайцев» отметил и Р. Моррисон [Memoirs of the life and labours..., 1839, р. 160]. Тем не менее, представляя «Драгоценное зерцало...», У. Милн едва ли догадывался, что английский перевод этой книги уже имелся у британского читателя. Повторно и независимо от первого перевода Хуана Кобо «Мин синь

боа цзянь» в XVII в. на испанский язык перевел другой очень известный доминиканский миссионер Д. Ф. Наваррете (Domingo Fernández Navarrete, ок. 1610–1689). «Драгоценное зерцало...» составило его четвертый трактат «О китайской моральной доктрине» в описании Китайской империи [Navarrete, 1676, р. 173–245]. Это описание послужило источником для английского перевода в составе обзора путешествий, изданного братьями Черчиллями в 1704 г. [A Collection, 1704, р. 147–182] (были и более поздние издания).

Сравнение испанского и английского переводов с немногочисленными выдержками в переводе У. Милна показывает наличие некоторых несовпадений не только в трактовке китайского текста, но и в самом составе изречений. Этот вопрос может стать предметом отдельного обсуждения. Как отмечалось, несовпадение переводов Кобо и Наваррете могло свидетельствовать об изменении методики проповеди Доминиканского ордена в Китае на протяжении XVI и XVII вв. [Espejo..., 2005, р. 30–31, 53]. Однако простое несоответствие объемов переводов могло иметь и другое объяснение [Майоров, 2008, с. 173]. Поэтому стоит предупредить потенциального исследователя, что, будучи народной книгой, «Мин синь бао цзянь» существовала почти в одном и том же составе тематических рубрик, но в разном наполнении этих рубрик. Первоначально книга включала, по-видимому, порядка 770 изречений, но затем были и сокращенные, и более обширные версии. Самая краткая корейская версия включала лишь 251 изречение (также отсутствовала одна рубрика) [Wells, 2020, р. 88]. Минский отпечаток расширенной версии с приложением 1553 г. включает 943 изречения. Экземпляр, который купил и читал Милн, сохранился в Фонде Моррисона в библиотеке Школы востоковедения и африкастики Лондонского университета. Судя по его физическому описанию [Catalogue..., 1998, р. 228 (RM 435)], У. Милн имел перед глазами вполне стандартное издание с полным набором рубрик и изречений. Следовательно, выбирая изречения для примеров китайских сентенций в описании «Мин синь бао цзянь», он руководствовался только своими предпочтениями.

Едва ли У. Милн мог догадываться и о том, что отдельные изречения «Драгоценного зерцала...» в сокращенном или немного преобразованном виде были представлены в «Китайских нравственных афоризмах» Дж. Ф. Дэвиса (John Francis Davis, 1795–1890) [Hien Wun Shoo..., 1823], будущего английского губернатора Гонконга, а в 1818 г., когда рукопись была готова к печати, сотрудника торговой фактории Ост-Индской компании в Кантоне (Гуанчжоу). Книга Дэвиса вышла только в 1823 г., когда У. Милн уже скончался. По-китайски Дэвис назвал свою книжечку из 200 изречений «Сянь вэнь шу» (賢文書), т. е. «Книга изречений достойных». Так он проводил аналогию с известной и очень популярной учебной китайской книжкой конца XVI – начала XVII в. «Цзэнгуан сиши сяньвэнь» (增廣昔時賢文), хотя ее материалом воспользовался мало. На титульной же странице своего сборника в качестве эпиграфа Дж. Дэвис дал отрывок из одного из изречений «Мин синь бао цзянь», обозначив и его источник – Ming-sin-pao-kien.

«Мин синь бао цзянь» как учебный материал

Работы У. Милна и Дж. Дэвиса дают материал для сравнительного изучения, особенно в плане оценки стилистики и учебного потенциала «Мин синь бао цзянь». Примечательно, что и шотландский миссионер, и английский торговец почти в одно и то же время обратились к одной и той же народной китайской книге. Без ее широкого распространения и доступности на юге Китая в то время этого не могло бы произойти. Спустя несколько десятилетий к концу XIX в. «Мин синь бао цзянь» постепенно выходит из широкого оборота, ее место занимают другие учебные пособия. Когда в конце XX в. к «Мин синь бао цзянь» в Китае вновь появляется интерес, но теперь уже только в плане исторического исследования, в наличии в стране оказывается буквально несколько экземпляров. Есть предположения, что к концу правления династии Цин (1644–1911) в Китае все более строгой становилась конфуцианская ортодоксия, и присутствие буддийских и даосских изречений в «Мин синь бао цзянь» не соответствовало

этой тенденции в образовании. Как следует из публикации У. Милна, подчеркнувшего важность «Мин синь бао цзянь», новое протестантское миссионерство сумело отметить определенный неофициальный или бытовой идеологический «плюрализм» в Китае начала XIX в.

Аннотация У. Милна в «Индийско-Китайской подборке» привлекла внимание О. М. Ковалевского потому, что с нее в журнале начинался «так называемый разбор важнейших китайских ученых произведений» [Полянская, 2012, с. 53; 2019, с. 248; Биография..., 2020, с. 378]. Первой из них была представлена «Мин синь бао цзянь», которую, как заявлял сам О. М. Ковалевский, он имел «у себя на кит[айском], манч[журском] и монг[ольском] языках» [Там же]. О. М. Ковалевский мог ошибочно полагать, что это один и тот же текст, давая все три версии под единым заглавием *Ming sin paou keen*³, но мог таким образом характеризовать сам жанр таких сочинений, помещая в своем дневнике «разбор оной [книги. – Л. С.] для образца» [Там же].

О. М. Ковалевский должен был обратить внимание на общую характеристику книги У. Милна. В аннотации подчеркивалось, что книга «главным образом предназначалась детям», что она была «всесцело назидательного свойства», что она включала изречения более 70 авторов «за период чуть менее четырех тысяч лет»⁴ [Bibliotheca Sinica, 1818, pp. 160, 161, 162]. Подчеркивая неканоничность книги, У. Милн указывал, тем не менее, что «христианский миссионер, изучающий «Мин синь бао цзянь», найдет много подходящих слов и фраз, которые он может обратить в свою пользу при донесении нравственной истины» [Ibid., p. 162]. Очевидно, О. М. Ковалевский должен был сделать вывод, что «Мин синь бао цзянь» будет полезной для изучения китайского языка не только протестантскими проповедниками.

Вполне вероятно, что под впечатлением от содержания «Мин синь бао цзянь» по аннотации У. Милна на следующей или следующих двух страницах своего дневника⁵ О. М. Ковалевский записал рассуждение о «малоуспешности» миссионерской проповеди среди бурят [Полянская, 2012, с. 56–57; 2019, с. 251–252; Биография..., 2020, с. 382]. Для ее успеха требовались, как он считал, знание буддизма и соответствующий стиль наставления. Здесь он замечает: «Длинные диссертации богословия, со всеми даже уловками риторики сочиненные, не могут иметь успеха среди кочевого народа. Детское его понятие не обнимает доказательств, не видит ни начала оных, ни цели, ни связи. Ему нужна беседа краткая, ясная, отрывистая, а не ораторские периоды». И здесь же ставит в пример иезуитов в Китае: «Не зная основательно местной веры, можно ли ослабить ее действие? Нимало. Иезуиты в Китае поступали гораздо хитрее и успешнее. Катехизаторы из природных китайцев назначенные, знали совершенно свою веру и христианскую: говорили кратко, но сильно в виде беседы, а не речи искусно составленной».

Эти соображения нашли явный отклик в выборе текстов для «Монгольской хрестоматии» О. М. Ковалевского [Полянская, 2019, с. 97–101]. Преподавание монгольского языка на образованной в 1833 г. кафедре монгольского языка в Казанском университете, фактически возглавлявшейся О. М. Ковалевским, строилось на триаде учебных материалов – грамматика, книга для чтения (хрестоматия), словарь. Позднее в 1837 г., когда была основана китайская кафедра, известная О. М. Ковалевскому «Мин синь бао цзянь», по-видимому, была рекомендована именно им для использования в качестве хрестоматии. П. Е. Скачков считал, что архимандрит Даниил (Д. П. Сивиллов), возглавивший кафедру, сделал перевод этой книги еще во время своего пребывания в Пекине в составе Десятой духовной миссии (1820–1830 гг.) [Скачков, 1977, с. 195, примеч. 23]. Действительно, публикация части текста «Мин синь

³ О. Н. Полянская дает пояснение, какие именно сочинения на монгольском и маньчжурском языках имел в виду О. М. Ковалевский [Полянская, 2012, с. 118, примеч. 37; 2019, с. 294, примеч. 37; Биография..., 2020, с. 378, примеч. 353].

⁴ У. Милн не знал, что книга была составлена в конце XIV в., поэтому несколько преувеличил ее хронологические рамки.

⁵ На странице [180] и, возможно, продолжение на странице 181 рукописи. В изданиях пагинация оригинала не отражена.

боа цзянь» в «Ученых записках Казанского университета» в 1837 г., когда только состоялось назначение о. Даниила, должна, казалось, свидетельствовать о более раннем выполнении перевода. На самом деле нет нужды отодвигать работу о. Даниила над переводом настолько далеко в прошлое⁶.

В предисловии к своему неизданному полному рукописному переводу «Мин синь бао цзянь» он указывал, что в публикации 1837 г. перевод первых четырех глав был «сделан, сколько можно было, близким с подлинником, дабы легче можно было кому угодно пользоваться чтением подлинника вместе с переводом русским», «чтобы сей перевод сделать для учащихся... более близким с подлинным текстом и, следоват[ельно], более полезным для употребления»⁷. Таким образом, еще до своего назначения, архимандрит Даниил делал перевод с прицелом на составление в будущем «Китайской хрестоматии». Кафедра китайского языка и литературы была основана в 1837 г., когда О. М. Ковалевский стал ординарным профессором и руководителем Восточного разряда Казанского университета. Выбор руководителя китайской кафедры и учебного материала для преподавания китайского языка произошел, по-видимому, раньше, при его активном участии. В 1840 г. архимандрит Даниил представил Совету Казанского университета свою «Китайскую хрестоматию», составленную на основе текстов «Мин синь бао цзянь». Она была признана полезной для изучения китайского языка, но, как отмечал П. Е. Скачков, «к сожалению, хрестоматия так и не была издана, русское китаеведение не получило крайне нужного учебного пособия» [Скачков, 1977, с. 194].

Заключение

Таким образом, дневниковая запись О. М. Ковалевского с большой долей вероятности указывает на то, что по его совету заведующий китайской кафедрой Казанского университета архимандрит Даниил (Д. П. Сивиллов) сделал полный перевод «Мин синь бао цзянь», частично его опубликовал и на основе этой книги подготовил «Китайскую хрестоматию» для чтения на китайском языке [Скачков, 1977, с. 192–195]. Хрестоматия стала первой отечественной учебной университетской книгой для чтения на китайском языке. К сожалению, текст хрестоматии в архивах пока не найден. Китайский текст оригинала «Мин синь бао цзянь» дает основание непосредственно судить о характере исходного языкового материала, вошедшего в хрестоматию. Дневниковая же запись О. М. Ковалевского хотя и косвенно, но позволяет представить себе возможные педагогические и воспитательные цели этой первой китайской хрестоматии в России.

Список литературы

- Биография и научное наследие востоковеда О. М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов) / Р. М. Валеев, В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек, Д. Е. Мартынов, О. Н. Полянская; отв. и науч. ред. Р. М. Валеев и И. В. Кульганек. Санкт-Петербург; Казань: Петербургское Востоковедение, 2020. 434 с.
- Майоров В. М.** Драгоценное зерцало просветленного сердца // Вопросы истории. 2008. № 5. С. 170–174.
- Маяцкий Д. И., Завидовская Е. А.** Синологические исследования архимандрита Даниила (Сивиллова) и его переводы на китайский язык православных сочинений // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 141–152. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-141-152

⁶ Подробнее о жизни и переводческой деятельности о. Даниила (Сивиллова) см. [Маяцкий, Завидовская, 2022, с. 142–145].

⁷ Минь-синь-бао-цзянь, или Драгоценное зеркало, в котором можно видеть свое сердце, или Собрание из отличнейших писателей Китая. Архив внешней политики Российской империи, ф. 152, оп. 505, д. 84, л. 8а – 8б..

- Полянская О. Н.** «Дневник занятий в 1832 г.» востоковеда О. М. Ковалевского как источник по этнографии монголоязычных народов // Вестник Бурят. гос. ун-та. 2011. № 7. С. 42–46.
- Полянская О. Н.** Дневниковое наследие монголоведа О. М. Ковалевского (1828–1833 гг.). «Дневник занятий за 1832 г.» – источник по истории народов Внутренней Азии / Науч. ред. Ш. Б. Чимитдоржиев; подгот., предисл., глоссарий и указ. О. Н. Полянской. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. 153 с.
- Полянская О. Н.** Монголоведение в России первой половины XIX в.: О. М. Ковалевский и А. В. Попов. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2019. 321 с.
- Полянская О. Н., Кузьмин Ю. В., Урангуга Жамсран.** Образ Китая в дневниках монголоведа О. М. Ковалевского (1801–1878) // Вестник Бурят. гос. ун-та. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2021. Вып. 1. С. 36–39.
- Россия – Монголия – Китай: Дневники монголоведа О. М. Ковалевского. 1830–1831 гг. / Подгот., предисл., глоссарий, comment. и указ. Р. М. Валеева, И. В. Кульганека. Казань: Изд-во «Таглимат» Института экономики, управления и права, 2006. 103 с.
- Скачков П. Е.** Очерки истории русского китаеведения. М.: ГРВЛ, 1977. 504 с.
- Эпистолярное и дневниковое наследие монголоведа О. М. Ковалевского (1828–1833 гг.) / Подгот., предисл., comment. и указ. О. Н. Полянской. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. 227 с.
- A Collection of Voyages and Travels, Some Now First Printed from Original Manuscripts, Others Translated out of Foreign Languages, and Now First Published in English...: In Four Volumes. L.: Black Swan, 1704. Vol. I. 748 p.
- Bibliotheca Sinica // The Indo-Chinese Gleaner. Malacca: Printed at the Mission Press, 1818. No. V. August 1818. P. 157–163.
- Catalogue of The Morrison Collection of Chinese Books. By Andrew C. West. L.: University of London School of Oriental and African Studies, 1998. 31, 549 p.
- Catalogus librorum bibliothecae regiae sinicorum // Fourmont, Stephanus. Linguae Sinarum Mandarinicae hieroglyphicae grammatica duplex, Latine, & cum characteribus Sinensium: item Sinicorum Regiae bibliothecae librorum catalogus, denuo cum notis amplioribus & charactere Sinico. Lutetiae Parisiorum: Guerin, Rollin, Bullot, 1742. P. 343–500.
- Chan A. S. J.** Chinese Books and Documents in the Jesuit Archives in Rome: A Descriptive Catalogue: Japónica-Sinica I–IV. Study of the Ricci Institute for Chinese–Western Cultural History. An East Gate Book. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 2002. 626 p.
- Clart P.** The Ming xin bao jian 明心寶鑑 (Precious Mirror for Enlightening the Mind) and Its Transmission in the West // Ming Qing yilai shanshu congbian chuji di yi ce [明清以來善書叢編初集第一冊]. Chinese Morality Books since the Ming and Qing Dynasties. First Collection. [臺北市: 新文豐出版公司]. Taipei: Shin wen feng Print Co., 2018. P. 13–29.
- Espejo rico del claro corazón. Traducción y transcripción del texto chino por Fray Juan Cobo O. R (siglo XVI). Ediciyn, studio y notas de Li-Mei Liu. Madrid: Letrúmero, 2005. 266 p.
- Hien Wun Shoo. Chinese Moral Maxims, with a free and Verbal Translation; Affording Examples of the Grammatical Structure of the Language. Compiled by John Francis Davis, F. R. S. L.: John Murray; Macao: The Honorable Company's Press, 1823. 199 p.
- Memoirs of the life and labours of Robert Morrison, D. D., F. R. S., M. R. A. S., member of The Society Asiatique of Paris, & c. & c. Compiled by his widow [Morrison, Eliza A. Mrs. Robert] with critical notices of his Chinese works by Samuel Kidd, and an Appendix containing Original Documents: In two volumes. L.: Longman, Orme, Brown, Green, and Longmans, 1839. Vol. I. 9. 551 p.
- Memoirs of the Rev. William Milne, D. D. late Missionary to China and Principal of the Anglo-Chinese College: Compiled from Documents written by the Deceased: To which are added occasional Remarks. By Robert Morrison D. D. Malacca: Mission Press, 1824. 8, 231 p.
- Milne W. A.** Retrospect of the First Ten Years of the Protestant Mission to China (now, in Connection with the Malay, Denominated the Ultra-Ganges Missions): Accompanied with Miscella-

- neous Remarks on the Literature, History, and Mythology of China & c. Malacca: The Anglo-Chinese Press, 1820. 8, 376 p.
- Navarrete F.** Tratados historicos, politicos, ethicos, y religiosos de la monarchia de China: Descripcion breve de aquel imperio, y exemplos raros de emperadores, y magistrados del. Con narracion difusa de varios sucessos, y cosas singulares de otros reynos, y diferentes navegaciones. Añadense los decretos pontificios, y proposiciones calificadas en Roma para la mission chincua; y vna bula de N.M.S.P. Clemente X. en fauor de los missionaries. Madrid: Imprenta Real, 1676. [20], 518, [26] p.
- Philip R.** The Life and Opinions of the Rev. William Milne, D.D., Missionary to China, illustrated by Biographical Annals of Asiatic Missions, from Primitive to Protestant Times; Intended as A Guide to Missionary Spirit. Philadelphia: Herman Hooker, 1840. 6, 435 p.
- [W. Milne] to the Rev. Dr. Morrison. Malacca, Nov. 26, 1819 // Memoirs of the life and labours of Robert Morrison, D. D., F. R. S., M. R. A. S., member of The Society asiatique of Paris, &c. &c. Compiled by his widow [Morrison, Eliza A. Mrs. Robert] with critical notices of his Chinese works by Samuel Kidd, and an Appendix containing Original Documents: In two volumes. Vol. II. L.: Longman, Orme, Brown, Green and Longmans, 1839. pp. 12–13.
- Wells W. S.** A Limited, Legacy Literacy: Reconfiguring Literary Sinitic as Hanmunkwa in Korea, 1876–1910. PhD Thesis. Vancouver: The University of British Columbia, 2020. 15, 397 p.
- Yeung Man-Shun.** Chapter 4. Buddhist-Christian Encounters: Robert Morrison and the Haichuang Buddhist Temple in Nineteenth-Century Canton // The Church as safe haven : Christian governance in China. Ed. by Lars Peter Laamann, Joseph Tse-Hei Lee. Leiden; Boston: Brill, 2018. P. 71–100.

References

- A Collection of Voyages and Travels, Some Now First Printed from Original Manuscripts, Others Translated out of Foreign Languages, and Now First Published in English...: In Four Volumes. L., Black Swan, 1704, vol. 1, 748 p.
- Bibliotheca Sinica. *The Indo-Chinese Gleaner* (Malacca, Printed at the Mission Press), 1818, no. V, August 1818, pp. 157–163.
- Biografiya i nauchnoe nasledie vostokoveda O. M. Kovalevskogo (po materialam arkhivov i rukopisnyh fondov) [Biography and scientific heritage of orientalist O. M. Kovalevsky (based on the materials of archives and manuscript collections)]. R. M. Valeev, V. Y. Zhukov, I. V. Kulganek, D. E. Martynov, O. N. Polyanskaya; eds. R. M. Valeev and I. V. Kulganek. St. Petersburg; Kazan, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2020, 434 p. (in Russ.)
- Catalogue of The Morrison Collection of Chinese Books. By Andrew C. West. London, Uni. of London School of Oriental and African Studies, 1998, 31, 549 p.
- Catalogus librorum bibliothecae regiae sinicorum. In: Fourmont, Stephanus. Linguae Sinarum Mandarinicae hieroglyphicae grammatica duplex, Latine, & cum characteribus Sinensium: item Sinicorum Regiae bibliothecae librorum catalogus, denuo cum notiis amplioribus & charactere Sinico. Lutetiae Parisiorum, Guerin, Rollin, Bullot, 1742, pp. 343–500.
- Chan A. S. J.** Chinese Books and Documents in the Jesuit Archives in Rome: A Descriptive Catalogue: Japonica-Sinica I–IV. Study of the Ricci Institute for Chinese–Western Cultural History. An East Gate Book. Armonk, NY, M. E. Sharpe, 2002, 626 p.
- Clart P.** The Ming xin bao jian 明心寶鑑 (Precious Mirror for Enlightening the Mind) and Its Transmission in the West. In: *Ming Qing yilai shanshu congbian chuji di yi ce* 明清以來善書叢編初集第一冊 = *Chinese Morality Books since the Ming and Qing Dynasties*. First Collection. 臺北市: 新文豐出版公司 = Taipei, Shin wen feng Print Co., 2018, pp. 3–29.
- Epistolyarnoe i dnevnikovoe nasledie mongoloveda O. M. Kovalevskogo (1828–1833 gg.) [Epistolary and diary heritage of the Mongol scholar O. M. Kowalewski (1828–1833)]. Preparation for

- publication, preface, comments and indexes by O. N. Polyanskaya. Ulan-Ude, Buryat State Uni. Press, 2008, 227 p. (in Russ.)
- Espejo rico del claro corazón. Traducción y transcripción del texto chino por Fray Juan Cobo O. R (siglo XVI). Ediciyn, studio y notas de Li-Mei Liu. Madrid, Letrúmero, 2005, 266 p.
- Hien Wun Shoo. Chinese Moral Maxims, with a free and Verbal Translation; Affording Examples of the Grammatical Structure of the Language. Compiled by John Francis Davis, F. R. S. London, John Murray; Macao, The Honorable Company's Press, 1823, 199 p.
- Mayatsky D. I., Zavidovskaya A. E.** Studies in Sinology and Translations of the Russian Orthodox Works into Chinese by Archimandrite Daniil (Sivillov). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 4: Oriental Studies, pp. 141–152. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-141-152
- Maiorov V. M.** Dragotsennoe zertsalo prosvetlennogo serdtsa [Precious mirror of the enlightened heart]. *Voprosy istorii [History problems]*. 2008, no. 5, pp. 170–174. (in Russ.)
- Memoirs of the life and labours of Robert Morrison, D. D., F. R. S., M. R. A. S., member of The Society asiatique of Paris, &c. &c. Compiled by his widow [Morrison, Eliza A. Mrs. Robert] with critical notices of his Chinese works by Samuel Kidd, and an Appendix containing Original Documents: In two volumes. London, Longman, Orme, Brown, Green, and Longmans, 1839, vol. I. 9, 551 p.
- Memoirs of the Rev. William Milne, D. D. late Missionary to China and Principal of the Anglo-Chinese College: Compiled from Documents written by the Deceased: To which are added occasional Remarks. By Robert Morrison D. D. Malacca, Mission Press, 1824, 8, 231 p.
- Milne W. A.** Retrospect of the First Ten Years of the Protestant Mission to China (now, in Connection with the Malay, Denominated the Ultra-Ganges Missions): Accompanied with Miscellaneous Remarks on the Literature, History, and Mythology of China & c. Malacca, The Anglo-Chinese Press, 1820, 8, 376 p.
- Navarrete F.** Tratados historicos, politicos, ethicos, y religiosos de la monarchia de China: Descripcion breve de aquel imperio, y exemplos raros de emperadores, y magistrados del. Con narracion difvsas de varios svcessos, y cosas singvlares de otros reynos, y diferentes navegaciones. Añadense los decretos pontificios, y proposiciones calificadas en Roma para la mission chinica; y vna bula de N.M.S.P. Clemente X. en fauor de los missionaries. Madrid, Imprenta Real, 1676, [20], 518, [26] p.
- Philip R.** The Life and Opinions of the Rev. William Milne, D.D., Missionary to China, illustrated by Biographical Annals of Asiatic Missions, from Primitive to Protestant Times; Intended as A Guide to Missionary Spirit. Philadelphia, Herman Hooker, 1840, 6, 435 p.
- Polyanskaya O. N.** “Dnevnik zanyatii v 1832 g.” vostokoveda O. M. Kovalevskogo kak istochnik po etnografii mongoloyazychnykh narodov [Diary of activities in 1832 by orientalist O. M. Kowalewski as a source on ethnography of Mongolian-speaking peoples]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta [Herald of the Buryat State University]*. 2011, no. 7, pp. 42–46. (in Russ.)
- Polyanskaya O. N.** Dnevnikovoe nasledie mongoloveda O. M. Kovalevskogo (1828–1833 gg.). “Dnevnik zanyatii za 1832 g.” – istochnik po istorii narodov Vnutrennei Azii [The diary heritage of the Mongol studies scholar O. M. Kowalewski (1828–1833). *Diary of activities for 1832* as a source on the history of the peoples of Inner Asia]. Ed. by Sh. B. Chimitdorzhiev; preparation of the diary for publication, preface, glossary and indexes by O. N. Polyanskaya. Ulan-Ude, Buryat State Uni. Press, 2012, 153 p. (in Russ.)
- Polyanskaya O. N.** Mongolovedenie v Rossii pervoi poloviny XIX v.: O. M. Kovalevskii and A. V. Popov [Mongol studies in Russia of the first half of the 19th century: O. M. Kowalewski and A. V. Popov]. Ulan-Ude, Buryat State Uni. Press, 2019, 321 p. (in Russ.)
- Polyanskaya O. N., Kuzmin Yu. V., Urangua Zhamsran.** Obraz Kitaya v dnevnikakh mongoloveda O. M. Kovalevskogo [Image of China in the Diaries of Mongol Studies Scholar O. M. Kowalevski (1801–1878)]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2023, no. 10, pp. 10–20. DOI 10.25205/1818-7919-2023-10-10-10-20

- tarnye issledovaniya Vnutrenney Azii [Herald of the Buryat State University. Inner Asia Research in Humanities]*, 2021, iss. 1, pp. 36–39. (in Russ.)
- Rossiya – Mongoliya – Kitai: Dnevniki mongoloveda O. M. Kovalevskogo . 1830–1831 gg. [Russia – Mongolia – China: Diaries of the Mongol studies scholar O. M. Kovalevsky. 1830–1831. Preparation for publication, preface, glossary, commentary and indexes by R. M. Valeev, I. V. Kulganek. Kazan, Taglimat of the Institute of Economics, Management and Law Publ., 2006, 103 p. (in Russ.)
- Skachkov P. E.** Ocherki istorii russkogo kitaevedeniya [Sketches of Russian Chinese studies history]. Moscow, GRVL, 1977, 504 p. (in Russ.)
- [W. Milne] to the Rev. Dr. Morrison. Malacca, Nov. 26, 1819. In: Memoirs of the life and labours of Robert Morrison, D. D., F. R. S., M. R. A. S., member of The Society asiatique of Paris, &c. &c. Compiled by his widow [Morrison, Eliza A. Mrs. Robert] with critical notices of his Chinese works by Samuel Kidd, and an Appendix containing Original Documents: In two volumes. Vol. II. London, Longman, Orme, Brown, Green and Longmans, 1839, pp. 12–13.
- Wells W. S.** A Limited, Legacy Literacy: Reconfiguring Literary Sinitic as Hanmunkwa in Korea, 1876–1910. PhD Thesis. Vancouver, The Uni. of British Columbia, 2020, 15, 397 p.
- Yeung Man-Shun.** Chapter 4. Buddhist–Christian Encounters: Robert Morrison and the Haichuang Buddhist Temple in Nineteenth-Century Canton. In: The Church as safe haven: Christian governance in China. Ed. by Lars Peter Laamann, Joseph Tse-Hei Lee. Leiden, Boston, Brill, 2018, pp. 71–100.

Информация об авторе

Лидия Владимировна Стеженская, кандидат филологических наук, доцент
 Scopus Author ID 57211192289
 WoS Researcher ID U-7002-2018
 RSCI Author ID 717371
 SPIN 8862-6082

Information about the Author

Lidiya V. Stezhenskaya, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
 Scopus Author ID 57211192289
 WoS Researcher ID U-7002-2018
 RSCI Author ID 717371
 SPIN 8862-6082

*Статья поступила в редакцию 05.11.2022;
 одобрена после рецензирования 10.02.2023; принята к публикации 09.10.2023*
*The article was submitted on 05.11.2022;
 approved after review on 10.02.2023; accepted for publication on 09.10.2023*

Научная статья

УДК 94

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-89-100

Эволюция взглядов руководства Японии на военную угрозу со стороны России в 1895–1916 годах

Александр Геннадьевич Зорихин

Независимый исследователь

Комсомольск-на-Амуре, Россия

tsunami77@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7361-7237>

Аннотация

Рассматриваются взгляды высшего руководства Японии на степень военной угрозы России в 1895–1916 гг. Автор приходит к выводу об определяющем влиянии опасений правительства Японской империи по поводу военного столкновения с нашей страной на процесс выработки и реализации внешнеполитического курса этого островного государства в рассматриваемый период. Основными причинами выступали наличие взаимных территориальных претензий на сопредельные Маньчжурию и Корею, рост группировки войск царской армии за Байкалом в ответ на обострение отношений с Японией, влияние русско-британских и японо-американских противоречий. Окончательное урегулирование всех спорных вопросов между Санкт-Петербургом и Токио произошло только после Русско-японской войны в 1907–1912 гг., а переброска царских войск с Дальнего Востока на запад в 1914–1915 гг. и поддержка Россией японских притязаний на немецкие колонии в Китае в начале Первой мировой войны привели к образованию в 1916 г. союзного русско-японского военного блока.

Ключевые слова

военное планирование, Россия, Япония, Маньчжурия

Для цитирования

Зорихин А. Г. Эволюция взглядов руководства Японии на военную угрозу со стороны России в 1895–1916 годах // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10: Востоковедение. С. 89–100. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-89-100

The Evolution of Views of the Japanese Leadership on the Military Threat from Russia in 1895–1916

Alexander G. Zorikhin

Independent Researcher

Komsomolsk on Amur, Russian Federation

tsunami77@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7361-7237>

Abstract

The article examines the views of the top leadership of Japan on the degree of military threat to Russia in 1895–1916. The author concludes about the decisive influence of the fears of the Japanese Empire government about a military clash with Russia on the process of developing and implementing the foreign policy of this island state in this period. The main reasons for this were the presence of mutual territorial claims to neighbouring Manchuria and Korea in 1895–1903, the growth of the grouping of troops of the Tsarist army beyond Lake Baikal in response to the aggravation of relations with Japan from 1896 which lasted until 1914, the influence of Russian–British and Japanese–

© Зорихин А. Г., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10: Востоковедение. С. 89–100
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 10: Oriental Studies, pp. 89–100

American contradictions. Therefore, since 1902, the Japanese government has been laying the basis for the defense strategy and foreign policy of the assumption of an inevitable military conflict with Russia, where Tokyo was either a victim of aggression or forced to deliver a preemptive strike on the side. In accordance with their ideas about the aggressive nature of Russian foreign policy, in 1895–1903 and in 1907–1914, the military and political leadership of the empire adopted and implemented programs for the development of the Armed Forces aimed at achieving military parity with Russia in the Far East. Nevertheless, after the Russian-Japanese war, the Imperial Navy began to increasingly declare the need to consider not only Russia, but also America as the main enemy. The final settlement of all disputed issues between St. Petersburg and Tokyo occurred only after the signing of secret agreements on the division of spheres of influence on the continent in 1907–1912, and the transfer of Tsarist troops from the Far East to the West in 1914–1915 and Russia's support of Japanese claims to German colonies in China at the beginning of the First World War led to the formation of the Russian-Japanese military bloc in 1916.

Keywords

military planning, Russia, Japan, Manchuria

For citation

Zorikhin A. G. The Evolution of Views of the Japanese Leadership on the Military Threat from Russia in 1895–1916. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 10: Oriental Studies, pp. 89–100. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-89-100

Введение

Первая четверть XX в. стала периодом непростых испытаний для российско-японских отношений: полномасштабная война 1904–1905 гг. закончилась поражением царской армии и утратой южной части о. Сахалин, а интервенция Японии на советский Дальний Восток (1918–1922) нанесла значительный ущерб экономическому развитию нашей страны.

Однако высшее руководство Японской империи регулярно корректировало оценку степени военной угрозы России своей безопасности, что определяло динамику охлаждения / потепления двусторонних контактов и в итоге привело к подписанию 25 января 1925 г. Пекинской конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией. И если события интервенции получили достаточное освещение в историографии, то период 1895–1916 гг. нуждается в дополнительном изучении в свете новых источников – хранящихся в архивах МИД и Научно-исследовательского института обороны Министерства национальной обороны Японии донесений офицеров разведки о наращивании русского военного присутствия в Корее (1903), докладной записки председателя Тайного совета маршала Ямагата Аритомо (1907) и служебных документов Генерального штаба (1909, 1911, 1912, 1914) о степени российской военной угрозы и необходимых мерах по укреплению Вооруженных сил Японии, а также неопубликованной рукописи «История японо-русской войны» подполковника Сигэясу Акиносукуэ (1939)¹.

На пути к Русско-японской войне

До 1895 г. русско-японские отношения развивались в целом в благожелательном для обеих империй ключе, а главной целью Токио являлась колонизация соседней Кореи. Однако после вынужденного отказа Японии под давлением России, Германии и Франции в апреле 1895 г. от захваченного в ходе японо-китайской войны Ляодунского полуострова у руководства империи возникли серьёзные опасения по поводу возможного столкновения с Санкт-Петербургом за Северо-Восточную Азию, и это обстоятельство заставило его серьезно задуматься об усилении армии и флота.

На этом, в частности, настаивал военный министр Ямагата Аритомо, который 15 апреля 1895 г., т. е. за неделю до «Тройственной интервенции», представил докладную записку императору, предложив в ответ на завершение в скором времени строительства Транссиба и вероятное наращивание военного присутствия России, Франции и Великобритании в регионе

¹ Первыми в нашей стране документы из этих архивов ввели в оборот А. В. Полутов (1958–2016), Э. А. Барышев, Я. А. Шулатов и Ю. С. Пестушко.

усилить японские пехотные дивизии, насытить их артиллерией и увеличить штаты кавалерийских частей [Дайтоа сэнсо..., 1967, с. 52–53].

После ухода Ямагата с поста военного министра 26 мая того же года дальнейшим проводником его идеи укрепления армии стал заместитель начальника Генштаба Каваками Сороку. Он предложил увеличить численность сухопутных войск, так как через 10 лет «Россия, вероятно, намерена с севера вторгнуться в Маньчжурию, что совершенно очевидно в свете той главной движущей роли, которую она сыграла в Тройственном вмешательстве» [Токутоми Итиро, 1942, с. 164]. В результате тайных переговоров Каваками с премьер-министром Ито Хиробуми и лидерами парламентской партии Дзиюто 31 марта 1896 г. парламент утвердил расходы на увеличение армии с 7 до 13 дивизий и формирование 2 кавалерийских и 2 артиллерийских бригад для достижения к 1904 г. военного паритета с Санкт-Петербургом на Дальнем Востоке [Дайтоа сэнсо..., 1967, с. 53].

На этой же сессии был принят законопроект о выделении средств на модернизацию флота, за что ратовал начальник Бюро военно-морских дел Военно-морского министерства Ямamoto Гомбээ, который еще в апреле 1895 г. представил своему министру записку о необходимости постройки 6 броненосцев, 12 броненосных крейсеров, 23 эсминцев и 63 миноносцев в силу высокой вероятности столкновения в ближайшие годы с Россией, Великобританией, Францией и Германией или с коалицией их флотов. Первый этап строительства ВМФ должен был завершиться в 1902 г., второй – в 1905 г. [Evans, Peattie, 1997, р. 57–58].

В последующие годы тревожные настроения в умах высшего руководства Японии, порожденные перспективой войны с Россией, только усиливались. Это было вызвано целым рядом сопутствующих факторов. Во-первых, в 1897 г. Санкт-Петербург начал строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), которая должна была закрепить экономическое освоение Маньчжурии и существенно сократить время на переброску резервов из европейской части страны на Дальний Восток. Во-вторых, командование русской армии в 1896 г. запустило программу усиления войск Приамурского военного округа (ВО), доведя их численность в 1896–1901 гг. с 38 200 до 80 900 человек [Авилов, 2017, с. 42]. В-третьих, подписанная в марте 1898 г. русско-китайская конвенция позволила Санкт-Петербургу разместить на Лядоунском полуострове сухопутные войска и превратить Порт-Артур в главную базу 1-й Тихоокеанской эскадры. И, в-четвертых, Россия в марте 1900 г. активизировала освоение Кореи, добившись от короля Коджона права на аренду части порта Масан, планируя превратить его в пункт базирования флота.

Высшее руководство Японии внимательно отслеживало усиление русского военного присутствия в регионе, получая достоверную информацию от разведорганов армии, флота и МИД (табл. 1). Более того, выступавший сторонником самых решительных мер, вплоть до нападения на Россию до окончания ею строительства Транссиба, Каваками 27 июля – 28 августа 1897 г. совершил официальную поездку в Приамурский ВО, в ходе которой посетил гарнизоны Владивостока, Хабаровска, Благовещенска, Никольск-Уссурийского (Уссурийска), Новокиевского (Краскино), осмотрел северный участок постройки Уссурийской дороги, а также встретился с действовавшей там агентурой японской разведки [Токутоми Итиро, 1942, с. 169; Авилов, 2020]. Следствием возраставшей в армейских кругах военной тревоги стала разработка в 1900 г. Генштабом трех проектов плана войны против России, первый из которых предусматривал овладение Порт-Артуром 2-мя дивизиями, второй – переброску в Маньчжурию 10 дивизий и их наступление на Харбин, третий – высадку войск на севере Кореи или в Приморье с дальнейшим продвижением к Никольск-Уссурийскому [Тани Хисао, 1966, с. 94].

Однако, несмотря на алармистские настроения, руководство империи стремилось сохранить баланс в отношениях с Россией, задействуя весь комплекс военных и дипломатических мер: подготавливая Японию к худшему, оно в то же время при помощи осторожных и реалистических способов искало решение краеугольной для двух стран корейской проблемы, свидетельством чего стали договоренности с Санкт-Петербургом по поводу Кореи в 1896

и 1898 гг., которые ограничили русское проникновение на полуостров и закрепили за Токио привилегированный статус в торговле с этой страной [Окамото Сюмпэй, 2003, с. 72].

Таблица I

Оценка военной разведкой Японии русской группировки войск на Дальнем Востоке, в Забайкалье и Маньчжурии в 1897–1902 гг.

(в скобках – реальное положение)

Table I

Evaluation by the Japanese military intelligence of the Russian troops in the Far East, in Transbaikalia and Manchuria in 1897–1902
(real data is shown in parentheses)

Наименование	01.04.1897	01.06.1898	01.06.1900	01.12.1902
Пехотные и линейные батальоны	25 (24)	37 (37)	48 (48)	52 (52)
Крепостные батальоны	5 (5)	5 (5)	6 (6)	9 (10)
Кавалерийские эскадроны и сотни	18 (21)	34 (34)	34 (34)	34 (42)
Артиллерийские батареи	16 (16)	18 (18)	20 (20)	19 (19)
Крепостные артиллерийские роты	5 (5)	15 (13)	13 (13)	17 (17)
Орудия полевой артиллерии	120 (120)	136 (126)	148 (144)	146 (152)

Составлена по: [Русско-японская война..., 1910, с. 297–298, 307–314, 319–321]; Архив НИИО МНО Японии. Тюо-гундзи гёсэй сонота-283 (C15120226300). Л. 0031; (C15120226500). Л. 0079; Сэнъэки-Нитиро сэнъэки-75 (C13110417700). Л. 1253; М36-14-117 (C09123084200). Л. 0043–0045.

Прологом к Русско-японской войне стала, всё же, не Корея, а Маньчжурия, оккупированная Россией в ходе подавления так называемого «боксёрского восстания» в сентябре 1900 г. под предлогом обеспечения безопасности строительства КВЖД. Хотя 8 апреля 1902 г. Россия и Китай подписали соглашение о трехэтапном выводе русских войск из Маньчжурии, в августе того же года Токио предложил Санкт-Петербургу признать за ним только «железнодорожные интересы» в Маньчжурии, потребовав для себя полной «свободы действий» в Корее, с отказом России от какого бы то ни было вмешательства в корейские дела без аналогичного отказа Японии относительно Маньчжурии [Романов, 1947, с. 204]. Озабоченность империи расширением русского присутствия в Северо-Восточной Азии объяснялась информацией о неуклонном наращивании в 1900–1901 гг. группировки войск Приамурского ВО и Квантунской области, началом временной эксплуатации в 1902 г. КВЖД, стремлением России закрепиться в порту Масан и настойчивыми попытками «Русского лесопромышленного товарищества» запустить с 1901 г. концессионную вырубку леса на левом берегу р. Ялу. Поэтому в августе 1902 г. Генштаб обновил план боевых действий против России, предусматривавший:

«1. В случае достижения господства на Жёлтом и Японском морях основными силами сухопутных войск действовать в Маньчжурии, вспомогательными – на Уссурийском театре, преследуя цель разгромить полевую армию противника.

2. Для этого выделить: для Маньчжурского театра – 5 пехотных дивизий, для Уссурийского – 2 пехотные дивизии. Высадить их в Нампхо (в сезон ледостава – в Инчхоне) и Раджине.

3. Учитывая то, что наш флот, уклоняясь от решающего сражения, должен всецело обеспечивать безопасное судоходство через Цусимский пролив, следует рассмотреть вариант высадки войск на южном побережье Кореи и проведения наступательных операций оттуда»².

² Архив Научно-исследовательского института обороны Министерства национальной обороны (НИИО МНО) Японии. Сэнъэки-Нитиро сэнъэки-75 (C13110417700). Л. 1254–1255.

Кроме того, 30 января 1902 г. Япония заключила союзный договор с Великобританией, который намеревалась использовать для давления на Россию в решении корейской проблемы. В первой статье соглашения стороны признавали друг за другом право на вмешательство во внутренние дела Китая и Кореи ради защиты своих интересов, «если им будут угрожать либо агрессивные действия какой-либо другой державы, либо беспорядки, возникшие в Китае или Корее». Вторая статья обязывала каждую из сторон соблюдать строгий нейтралитет, если другая сторона, защищая свои интересы в Китае или Корее, окажется в состоянии войны с третьей державой. В случае войны одного из союзников с двумя или более державами договор обязывал другую сторону оказать военную помощь³.

Тем временем отношения между Токио и Санкт-Петербургом стремительно ухудшались. В январе 1903 г. зашли в тупик переговоры по корейско-маньчжурской проблеме: царское правительство приостановило вывод войск из Маньчжурии ввиду «чрезмерной притязательности» августовского предложения Японии и спустя три месяца вынудило Пекин пересмотреть условия соглашения от 8 апреля 1902 г. Однако через неделю китайские власти под давлением Японии, Великобритании и США потребовали завершения эвакуации русской армии в ранее утвержденные сроки [Романов, 1947, с. 205–208].

Российско-китайские переговоры совпали по времени с поступившими в Токио сведениями о военном проникновении России в Корею и приостановке ею вывода войск из Маньчжурии. По линии военной разведки, в частности, 11 апреля 1903 г. резидент в Баодине майор Татибана Коитиро проинформировал Генштаб о том, что Санкт-Петербург не только не приступил ко второму этапу эвакуации армии, но даже увеличил численность ряда своих гарнизонов в Маньчжурии. 4 мая военный атташе в Корее майор Нодзу Сигэтакэ сообщил в Токио со ссылкой на резидента в приграничном Йиджу капитана Хино Цуёси о приобретении Россией корейского поселка Йонгампо в устье р. Ялу для организации там военного интендантства, начала работ по вырубке леса в горах юго-восточнее Йиджу и создания заслона возможному противодействию Японии. 21 мая Хино срочно выехал туда для проверки информации о появлении нескольких сотен русских солдат и 30 мая доложил о наличии в Йонгампо 80 русских, 20 корейских и 200 китайских строителей, вооружённых 300 винтовками [Тани Хисао, 1966, с. 35]⁴.

Эти сообщения вызвали сильное раздражение у японского кабинета министров. 12 августа 1903 г. в Санкт-Петербурге по инициативе Японии начались переговоры по маньчжурской и корейской проблемам. Однако царское правительство исключало Маньчжурию из сферы влияния Японии и предлагало подписать соглашение только по Корее, предусматривавшее совместное управление страной.

В ходе продолжившихся в Токио переговоров стороны не смогли достичь компромисса по вопросу присутствия русских войск в Маньчжурии и разделения сфер влияния в Корее, поэтому 12 декабря 1903 г. Россия устами посланника Р. Р. Розена заявила о нежелании идти на уступки относительно своего привилегированного положения в Маньчжурии и Корее [Романов, 1947, с. 209–260]. В немалой степени позиция России по Корее объяснялась тем обстоятельством, что, как отмечалось в «Памятной записке МИД» от 3 апреля 1903 г., «со взятием Порт-Артура и постройкой южной части Маньчжурской железной дороги Государю Императору благоугодно было указать, что устройство заслона в бассейне реки Ялу приобрело еще большее стратегическое и политическое значение, как владение местностью, находящейся во фланге наших коммуникаций с Порт-Артуром»⁵.

Получив в апреле 1903 г. сведения о приостановке вывода русских войск из Северной Маньчжурии, 12 мая начальник Генштаба Ояма Ивао представил императору, премьер-министру, военному министру и начальнику Морского Генштаба «Сообщения о приведении в боевую готовность императорских войск», в которых обосновал необходимость немедлен-

³ ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 178. Л. 3–4.

⁴ Архив МИД Японии. 5.2.2.0.10.001 (B07090602000). Л. 0018, 0044; (B07090602100). Л. 0128.

⁵ ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 179. Л. 21.

ной мобилизации японской армии в ответ на попытки России путем угрозы применения силы заставить признать ее интересы в Маньчжурии и в перспективе распространить влияние на Корею. Поскольку Россия в июне – июле всячески избегала переговоров с Японией по спорным вопросам, 17 июля заместитель начальника Генштаба отдал приказ своим подчиненным в двухмесячный срок подготовить планы отправки японских войск в Корею [Тани Хисао, 1966, с. 36, 96].

В конце января 1904 г. начальник Генштаба получил телеграмму военного атташе во Франции майора Хисамацу Садакото об утверждении Николаем II плана боевых действий против Японии и наделении абсолютными полномочиями решительно настроенного на войну наместника на Дальнем Востоке Е. И. Алексеева [Там же, 1966, с. 103]. Для Ояма она стала *ultima ratio*, поэтому в представленном императору 1 февраля итоговом докладе «Оценка ситуации в Вооружённых силах России» он выступил за немедленное нападение на Россию, подкрепив свое предложение конкретными цифрами: против 88 пехотных батальонов, 35 кавалерийских эскадронов, 25 артиллерийских батарей со 188 орудиями русской группировки в Забайкалье, Приамурье, Приморье, Маньчжурии и на Квантуне Япония могла выставить 156 батальонов, 54 эскадрона, 106 батарей и 636 орудий, которые при дополнительной мобилизации резервистов, недостаточной пропускной способности Транссиба и быстрым продвижении японских войск вглубь Маньчжурии и Кореи должны были упредить развертывание русской армии до паритетного уровня⁶.

Странный альянс

Победа в Русско-японской войне несколько снизила накал алармистских настроений у высшего руководства империи, однако породила в армейских кругах страх перед неизбежным реваншем России за столь бесславное поражение, поэтому еще в 1905 г. военный министр Тэраути Масатакэ предложил императору оставить в Южной Маньчжурии 6–7 пехотных дивизий [Asada Masafumi, 2010, р. 1289].

Его поддержал Ояма, представивший 26 февраля 1906 г. доклад императору о необходимости перехода от ранее действовавшей оборонительной стратегии к стратегии наступательной, мотивируя ее тем, что, даже если Россия «задумает по сущему посягнуть на интересы империи в Маньчжурии и Корее и вспыхнет война, мы сможем предпринять наступление, разбить ее и обеспечить наши права в полном объеме». Ояма полагал, что главным театром военных действий будет Маньчжурия, где японским войскам предстоит атаковать основные силы противника и в кратчайшие сроки захватить важнейший транспортный узел Харбин. Кроме того, планировалось силами 1 армии в Корее сковать русскую группировку войск в Приморье, а в случае необходимости оккупировать Владивосток [Дайтоа сэнсо..., 1967, с. 130–131].

Хотя император одобрил этот проект и санкционировал оставление 2 дивизий на Ляодунском полуострове в составе войск Квантунского генерал-губернаторства и 2 дивизий – в составе Корейской гарнизонной армии, командование флота не разделяло позицию армейских кругов и полагало, что приоритетом военного строительства должно стать создание мощных ВМС для противодействия возрастающей угрозе со стороны США. По мнению флотских кругов, несмотря на победу в войне с Россией, Япония утратила превосходство на море, поскольку к 1907 г. ее флот насчитывал 20 броненосцев и броненосных крейсеров против 31 американского. Кроме того, флот настораживали настойчивое проведение США политики открытых дверей в Китае и рост в 1905–1907 гг. негативных настроений в американском обществе в отношении японских мигрантов на западном побережье страны [Evans, Peattie, 1997, р. 146–148].

⁶ Архив НИИО МНО Японии. Сэнъэки-Нитиро сэнъэки-75 (С13110417700). Л. 1261–1264.

Расхождение мнений армии и флота потребовало от руководства Японии выработать единую концепцию строительства и применения Вооруженных сил, а также определить место России в системе военных угроз империи. Поэтому в 1906 г. сотрудник Генштаба подполковник Танака Гити разработал, а в октябре того же года председатель Тайного совета Ямагата Аритомо доложил императору основные положения проекта «Курса национальной обороны империи».

1. Необходимо разработать план совместных боевых действий армии и флота, распределить между ними обязанности и принять за основу военной доктрины наступательную стратегию нанесения упреждающего удара по противнику или уничтожения его баз.

2. Главным противником остается Россия, которая попытается взять реванш за поражение («...хотя Россия и находится в состоянии затяжного национального кризиса, вызванного поражением, она прилагает значительные усилия для строительства флота, развития армии на Дальнем Востоке и нормализации работы транспортных органов. В случае оздоровления в кратчайшие сроки обстановки внутри государства это позволит ей задуматься о реванше, а параллельный прогресс в строительстве Транссибирской и Амурской железных дорог еще больше укрепит ее в этом намерении»).

3. В основу оперативного планирования против России следует положить действующий план от 26 февраля 1906 г., дополнив его пунктами о тесном взаимодействии с флотом.

4. В случае возникновения войны в Центральной Азии между Великобританией и Россией незамедлительно начать боевые действия против Санкт-Петербурга в соответствии с духом англо-японского соглашения, воздерживаясь при этом от отправки сухопутных войск на среднеазиатский театр [Дайтоа сэнсо..., 1967, с. 141–149].

После серии совещаний между командованием армии и флота «Курс» в апреле 1907 г. был утвержден императором. Согласно новой военной доктрине, главным сухопутным противником Японии объявлялась Россия, которая, «несмотря на возникшие после поражения в кампании 1904–1905 гг. крупные внутренние волнения, имеет сегодня на Дальнем Востоке даже более мощную, чем перед войной, группировку войск, кроме того, планирует проложить Амурсскую железную дорогу и возродить там свой флот, чтобы, когда представится шанс, без колебаний взять реванш за разгром и ущемить наши права в Маньчжурии и Корее». Однако флот настоял, чтобы в список потенциальных противников также вошли США, Германия и Франция. «Курс» предусматривал поддержание армии в мирное время на уровне 25 пехотных дивизий и увеличение их числа в начале войны до 50, из которых 40 предназначались против России. Японский флот получил одобрение императора на строительство 8 броненосцев и 8 броненосных крейсеров, что теоретически могло уравнять его силы в войне с США⁷.

Несмотря на принятие «Курса», закрепившего за Россией статус главного противника на суше, японское правительство стремилось к нормализации отношений с Санкт-Петербургом, рассчитывая с его помощью остановить экспансию американского капитала в Китай. Во многом к этому шагу Японию подталкивала позиция Лондона, который, формально оставаясь союзником Токио в рамках англо-японского договора о взаимопомощи, на деле не желал обострять отношения с Вашингтоном и нагнетать напряженность на Дальнем Востоке.

В июле 1907 г. Россия и Япония подписали секретное соглашение о разделении Маньчжурии на северную (российскую) и южную (японскую) сферы влияния. Кроме того, Россия обязалась не мешать дальнейшему развитию «отношений политической солидарности» между Японией и Кореей, в то время как Япония признала «особые интересы» России во Внешней Монголии. Развитием этих договоренностей стало соглашение от 4 июля 1910 г. о сохранении статуса-кво в Маньчжурии и одобрении японской аннексии Кореи. Спустя 2 года обе державы заключили еще один секретный договор о разделении Монголии по пекинскому

⁷ Архив НИИО МНО Японии. Бунко-Миядзаки-39 (С14061024500).

меридиану на восточную (японскую) и западную (российскую) сферы влияния [Berton, 1993, p. 58–59].

Следует отметить, что Россия сама активно предпринимала встречные шаги по нормализации отношений с Японией, поскольку в верхах долгое время витала идефикс о планах Токио возобновить боевые действия на северо-востоке Китая, усиленно культивируемая занимавшим в 1905–1910 гг. должностью Приамурского генерал-губернатора и по совместительству командующего войсками Приамурского военного округа П. Ф. Унтербергером.

Жестом доброй воли стал досрочный вывод Санкт-Петербургом в марте 1907 г. русских войск из Маньчжурии в соответствии с Портсмутским договором 1905 г. В ответ Япония возвратила на территорию метрополии в марте – сентябре того же года 2 пехотные дивизии из Кореи и с Ляодуна, что придало ее группировке войск на континенте выраженный оборонительный характер.

Можно утверждать, что вплоть до начала Первой мировой войны высшее руководство Японии сохраняло двойственное отношение к нашей стране. С одной стороны, оба государства закрепили официальными и секретными соглашениями раздел сфер влияния в Северо-Восточной Азии, с другой стороны, Японская империя продолжала опасаться нападения России и внимательно наблюдала за ростом ее военного присутствия на Дальнем Востоке, которое, по оценкам разведорганов армии, двукратно увеличилось за прошедшее с начала Русско-японской войны десятилетие, хотя и не шло в сравнение с ситуацией на момент подписания Портсмутского договора (табл. 2).

Таблица 2

Оценка военной разведкой Японии русской группировки войск на Дальнем Востоке, в Забайкалье и Маньчжурии в 1904–1914 гг.

Table 2

Evaluation by the Japanese military intelligence of the Russian troops in the Far East, in Transbaikalia and Manchuria in 1904–1914

Наименование	01.02.1904	01.09.1905	01.01.1914
Пехотные батальоны	88	627	160
Кавалерийские эскадроны и сотни	35	221	37
Артиллерийские батареи	25	264	96

Составлена по: Архив МИД Японии. 5.1.10.0.5.2 (B07090479800). Л. 0109; Архив НИИО МНО Японии. Сэнъэки-Нитиро сэнъэки-75 (C13110417700). Л. 1261–1264; М37-424 (C09050707500). Л. 0834–0841. Данные за январь 1914 г. приведены для Иркутского и Приамурского военных округов, не считая 60 рот, 36 сотен и 4 батарей Заамурского округа пограничной стражи.

Более того, в 1911–1914 гг. Военное министерство и Генштаб неоднократно ставили перед кабинетом министров и парламентом вопрос о необходимости наращивания армии, мотивируя ее именно исходящей от России угрозой. Поводом к этому послужило то обстоятельство, что, несмотря на спланированное в «Курсе» увеличение числа пехотных дивизий мирного времени с 17 до 25, из-за финансовых затруднений Военному министерству удалось сформировать только 2 дополнительные дивизии в 1907 г., после чего усиление боевого потенциала японской армии временно прекратилось.

Так, в апреле – мае 1911 г. Генштаб подготовил два совершенно секретных проекта плана мероприятий по наращиванию боеспособности сухопутных войск и развитию транспортной инфраструктуры в Маньчжурии и Корее, в которых его составители отмечали: «Россия следует заветам императора Петра I и, захватывая территории, стремится выйти к незамерзающим портам [...] Она повернула свой взор на Дальний Восток, давно желая получить выход к Тихому океану. Проведя подписку на гигантский иностранный заем, она удачно построила

Сибирскую железную дорогу, а затем, воспользовавшись истощением Китая, организовала Тройственную интервенцию. В качестве награды Россия с помощью жестких мер дипломатического давления завладела Ляодунским полуостровом, начав работы по его соединению со своей европейской частью [...] Застигнутая врасплох нашим внезапным нападением, Россия, в итоге, серьезно остановилась [в своем продвижении на восток] и, можно только представить, в какое отчаяние впала: большая Россия проиграла маленькой, слабой, отсталой Японии [...] Глубина и сила обиды всех слоев населения России к нам таковы, что, само собой разумеется, как это несложно предположить, они были всецело поглощены желанием смыть позор поражения. Хотя сейчас, к счастью, заключены японо-российские соглашения и на Востоке нет тех вопросов, которые могут привести к взаимному столкновению, утверждать, что у России нет намерений отомстить нам, было бы опрометчиво»⁸.

Больше всего японский Генштаб пугала возросшая мощь русской армии в целом и ее возможностей по переброске войск на Дальний Восток. Если раньше Вооружённые силы России насчитывали 31 армейский корпус, 63 дивизии, 18 отдельных и 24 запасные пехотные бригады, что позволяло им в период войны развернуться в 104 дивизии, то, по данным Генштаба Японии, на начало мая 1911 г. царская армия имела уже 37 корпусов, 70 дивизий и 18 отдельных бригад, или 1 200 000 человек, которые в угрожаемый период превращались в 114 дивизий (3 000 000 человек). В противовес прежним 16 армейским корпусам (34 дивизии), которые Санкт-Петербург во время войны мог сосредоточить в Маньчжурии, по новому расписанию, как полагала японская разведка, в боевых действиях на Дальневосточном и Маньчжурском театрах могли принять участие уже 35 корпусов (70 дивизий), причем русская сторона успевала перебросить их раньше японской даже несмотря на незавершенность работ по строительству Амурской железной дороги и второго пути Транссиба⁹.

Позицию центральных органов военного управления поддержал в июле 1911 г. влиятельный глава Тайного совета Ямагата Аритомо, высказав кабинету министров свое мнение о том, что «Россия питает к нам ненависть во всех слоях общества... и рано или поздно она неизбежно попытается отомстить [за поражение в Русско-японской войне]» [Asada Masafumi, 2010, p. 1297].

Те же аргументы легли в основу новых предложений Военного министерства правительству от 23 ноября 1912 г. и 28 января 1914 г. по наращиванию армии: Россия, хотя и потерпела поражение на Дальнем Востоке, не застыла в мертвой точке, а сразу после войны спланировала строительство второй колеи Транссиба, возведение Амурской железной дороги, открытие водного сообщения по всем рекам Маньчжурии, Монголии и Сибири, что, хотя и объясняется необходимостью промышленного развития региона и переселения крестьян, фактически служит военным целям. Через 4 года, когда закончатся работы на Транссибе и Амурской железной дороге, она сможет за 4–5 месяцев сосредоточить на равнинах Северной Маньчжурии свыше 1 000 000 военнослужащих и необходимые им конский состав и вооружение¹⁰.

Сохранявшееся и усиливавшееся из года в год превосходство русской армии над японской на Маньчжурском и Корейском театрах определяло единственно возможную с точки зрения императорского Генштаба стратегию упреждающего нападения. Как и в оперативном плане 1907 г., в основе аналогичной разработки на 1910 г. лежал сценарий, при котором в случае начала войны из метрополии морем в Южную Маньчжурию через Корею, Дайрэн и Люшуцюань перебрасывалась группировка войск Маньчжурской армии в составе 18 пехотных, 3 запасных пехотных дивизий, 4 кавалерийских, 5 артиллерийских бригад и других частей, после чего она под прикрытием соединений Квантунского генерал-губернаторства разворачивалась

⁸ Архив НИИО МНО Японии. Бунко-Миядзаки-48 (C14061030400). Л. 0390–0392.

⁹ Там же. Л. 0411–0413.

¹⁰ Архив НИИО МНО Японии. Бунко-Миядзаки-53 (C14061034400). Л. 0411–0413; Бунко-Миядзаки-56 (C14061035600). Л. 0922. Однако до 1916 г. реальные шаги по наращиванию боеспособности сухопутных войск Японии так и не были приняты.

в районах Сыпин, Чанту, Кайюань, Хайлун, Телин и затем выступала навстречу вторгшемуся противнику, чтобы дать решающее сражение в центральной части Маньчжурии и захватить Харбин. Одновременно с переброской Маньчжурской армии на севере Кореи под прикрытием Корейской гарнизонной армии высаживалась Северная армия в составе 1 пехотной, 1 запасной пехотной дивизий, 1 запасной смешанной бригады и других частей, имея задачу сдерживать русские войска в Уссурийском крае, а при благоприятном развитии обстановки – захватить Владивосток¹¹.

Несмотря на сохранявшиеся у обеих стран опасения относительно возобновления боевых действий, с началом Первой мировой войны наметившееся русско-японское сближение достигло апогея. Используя нейтралитет России как союзника по Антанте, Япония значительно укрепила свои позиции в Китае, захватив в 1914–1915 гг. немецкую военно-морскую базу Циндао и восточную часть Внутренней Монголии, провинции Шаньдун и Фуцзянь. Япония также превратилась в основного поставщика легкого вооружения и боеприпасов для русской армии [Пестушко, 2003, с. 80–111].

Одним из факторов, обусловивших тесное сотрудничество двух стран в военной области, стало сокращение численности русских войск на востоке из-за перебросок оттуда наиболее боеспособных частей на запад в 1914–1915 гг., которые были своевременно вскрыты японской разведкой: уже 19 августа 1914 г. Токио узнал о мобилизации подвижного состава КВЖД для отправки на фронт армейского корпуса из Забайкалья, а 7 сентября – о спланированной переброске в действующую армию всех армейских корпусов Приамурского ВО, за исключением крепостных частей во Владивостоке и Приморье. В следующем году Генштабу Японии стало известно о восполнении убывших войск народными ополченцами, переброшенными на Дальний Восток, в Забайкалье и Северную Маньчжурию из европейской части страны¹².

К началу 1917 г. российско-японские отношения достигли апогея, свидетельством чего стал подписанный 3 июля 1916 г. союзный договор, секретная часть которого подтверждала на 5 лет достигнутые ранее договорённости и определяла превентивные меры на случай захвата Китая третьей враждебной страной. Япония и Россия также договорились об оказании друг другу военной помощи в случае нападения на одну из них третьей державы [Berton, 1993, р. 69]. Подписание этого договора стало гарантией неприкосновенности российских владений в Северо-Восточной Азии и позволило Петрограду беспрепятственно перебрасывать войска из-за Урала на Западный фронт, в то время как для Токио договор служил гарантией свободы действий в Китае.

Заключение

Таким образом, вводимые в оборот результаты исследований и архивные документы позволяют сделать вывод о том, что с 1895 г. высшее руководство Японии рассматривало нашу страну как главную угрозу ее интересам на континенте. Чтобы компенсировать военное превосходство России, империя в 1896–1904 гг. модернизировала армию и флот, однако до последнего стремилась урегулировать возникшие противоречия в Маньчжурии и Корее дипломатическими средствами. Несмотря на победу в кампании 1904–1905 гг., Токио продолжал опасаться России из-за всей возраставшей мощи царской армии на Дальнем Востоке, поэтому заключил в 1907–1912 гг. ряд соглашений с Санкт-Петербургом о разделении сфер влияния на континенте. Ослабление группировки русских войск на Дальнем Востоке и в Забайкалье в 1914–1915 гг. стало одним из ключевых факторов тесного сближения России и Японии в рамках Антанты.

¹¹ Архив НИИО МНО Японии. Тюо-сакусэн сидо сонота-74 (C15120095800). Л. 2146–2181.

¹² Архив НИИО МНО Японии. Т3-1-54 (C08040000700). Л. 0037; (C08040011100). Л. 0257; Архив МИД Японии. 5.2.15.0.27.1.001 (B07091195300). Л. 0105.

Список литературы

- Авилов Р. С.** Численность войск Приамурского и Варшавского военных округов накануне русско-японской войны: опыт сравнительного анализа // Новый исторический вестник. 2017. № 1 (51). С. 40–50.
- Авилов Р. С.** Поездка помощника начальника Генерального штаба японской армии Каваками Сороку в Приамурский военный округ (1897 г.) // Вестник РУДН. Серия: История России. 2020. Т. 19, № 4. С. 934–951.
- Окамото Сюмпэй.** Японская олигархия в русско-японской войне: Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2003. 319 с.
- Пестушко Ю. С.** Японо-российские отношения в годы Первой мировой войны, 1914–1917 гг. Хабаровск: Хабаровск. гос. пед. ун-т, 2003. 253 с.
- Романов Б. А.** Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 493 с.
- Русско-японская война 1904–1905 гг. Том 1. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка к этой войне. СПб.: Тип. А. С. Суворина, Эртельев пер., д. 13, 1910. 857 с.
- Asada Masafumi.** The China – Russia – Japan Military Balance in Manchuria, 1906–1918 // Modern Asian Studies. 2010. Vol. 44, no. 6. P. 1283–1311.
- Berton P.** A New Russo-Japanese Alliance?: Diplomacy in the Far East During World War I // Sapporo, Acta Slavica Iaponica. 1993. Т. 11. P. 57–78.
- Evans D. C., Peattie M. R.** Kaigun: Strategy, Tactics and Technology in the Imperial Japanese Navy, 1887–1941. Annapolis: Naval Institute Press, 1997. 661 p.
- Дайтоа сэнсо кокан сэнси. Дай 8. Дайхонъэй рикугумбу. 1. Сёва 15 нэн 5 гацу мадэ [戦史叢書 (大東亜戦争公刊戦史)。第008巻。大本営陸軍部<1>昭和15年5月まで]. Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Т. 8. Армейское управление Императорской верховной ставки. 1. События до мая 1940 г. Токио: Асагумо симбунся, 1967. 641 с. (на яп. яз.)
- Тани Хисао.** Кимицу нитиро сэнси [谷寿夫。機密日露戦史]. Секретная история русско-японской войны. Токио: Хара сёбо, 1966. 694 с. (на яп. яз.).
- Токутоми Итиро.** Рикугун тайсё Каваками Сороку [徳富猪一郎。陸軍大将川上操六]. Генерал армии Каваками Сороку. Токио: Дайити коронся, 1942. 257 с. (на яп. яз.).

References

- Avilov R. S.** Poezdka pomoshchnika nachal'nika General'nogo shtaba yaponskoi armii Kawakami Soroku v Priamurskii voennyyi okrug (1897 g.) [Trip of the Vice-Chief of the General Staff of the Japanese Army Kawakami Soroku to the Amur Military District]. *Vestnik RUDN. Seriya: Iстория России* [Bulletin of the RUDN. Series: History of Russia], 2020, vol. 19, no. 4, pp. 934–951. (in Russ.)
- Avilov R. S.** Chislennost voisk Priamurskogo i Varshavskogo voennyykh okrugov nakanune russko-yaponskoi voiny: opty svravnitel'nogo analiza [The number of troops of the Amur and Warsaw military districts on the eve of the Russian-Japanese war: the experience of comparative analysis]. *Novyi istoricheskii vestnik* [New Historical Bulletin], 2017, no. 1 (51), pp. 40–50 (in Russ.)
- Okamoto Shumpei.** Yaponskaya oligarkhiya v russko-yaponskoi voine [Japanese oligarchy in the Russian-Japanese War]. Transl. from Eng. Moscow, Tsentrpoligraf, 2003. 319 p. (in Russ.)
- Pestushko Yu. S.** Yapono-rossiiskie otnosheniya v gody Pervoi mirovoi voiny, 1914–1917 gg. [Japanese-Russian relations during the First World War, 1914–1917]. Khabarovsk: Khabarovsk State Pedagogical Uni. Press, 2003. 253 p. (in Russ.)

- Romanov B. A.** Ocherki diplomaticeskoi istorii russko-yaponskoi voiny (1895–1907) [Essays on the Diplomatic History of the Russian-Japanese War (1895–1907)]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1947. 493 p. (in Russ.)
- Russko-yaponskaya voina 1904–1905 gg. Tom 1. Sobytiya na Dal'nem Vostoke, predstvovavshie voine, i podgotovka k etoi voine [Russian-Japanese War of 1904–1905. Volume 1. Events in the Far East, preceding the war, and preparations for this war]. St. Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina, Ertelev per., d. 13, 1910. 857 p. (in Russ.)
- Asada Masafumi.** The China – Russian – Japan Military Balance in Manchuria, 1906–1918. *Modern Asian Studies*, 2010, vol. 44, no. 6, pp. 1283–1311.
- Berton P.** A New Russo-Japanese Alliance?: Diplomacy in the Far East During World War I. *Sapporo, Acta Slavica Iaponica*, 1993, t. 11, pp. 57–78.
- Evans D. C., Peattie M. R.** Kaigun: Strategy, Tactics and Technology in the Imperial Japanese Navy, 1887–1941. Annapolis, Naval Institute Press, 1997, 661 p.
- Daitoa senso kokan senshi. Dai 8. Daihonei rikugumbu. 1. Showa 15 nen 5 gatsu made [戦史叢書 (大東亜戦争公刊戦史)。第008巻。大本営陸軍部<1>昭和15年5月まで]. The official history of the War in Great East Asia. Volume 8. Army Administration of the Imperial Supreme Headquarters. 1. Events until May 1940. Tokyo, Asagumo shimbunsha, 1967, 641 p. (in Jap.)
- Tani Hisao.** Kimitsu nichiro senshi [谷寿夫。機密日露戦史]. The Secret History of the Russian-Japanese War. Tokyo: Hara shobo, 1966, 694 p. (in Jap.)
- Tokutomi Ichiro.** Rikugun taisho Kawakami Soroku [徳富猪一郎。陸軍大將川上操六]. General Kawakami Soroku. Tokyo, Daiichi koronsha, 1942, 257 p. (in Jap.)

Информация об авторе

Александр Геннадьевич Зорихин, кандидат исторических наук

Information about the Author

Alexander G. Zorikhin, Candidate of Sciences (History)

Статья поступила в редакцию 14.02.2022;
одобрена после рецензирования 15.10.2022; принята к публикации 09.10.2023
The article was submitted on 14.02.2022;
approved after review on 15.10.2022; accepted for publication on 09.10.2023

Научная статья

УДК 327

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-101-112

«Война сопротивления японским захватчикам»: формирование образа агрессора у китайской компартии

Полина Викторовна Кульниева

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации

Москва, Россия

Институт востоковедения Российской академии наук
Москва, Россия

kpoline@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8699-5568>

Аннотация

Японо-китайская война 1937–1945 гг., называемая в Китае «Войной сопротивления японским захватчикам», – тяжелейший эпизод в истории японо-китайских отношений, который остается неотъемлемой частью официальной риторики китайской компартии (КПК) и символом национального единства, мужества и сплоченности китайского народа. Большой интерес представляет процесс становления образа Японии в этой войне через призму восприятия КПК. С исходной предпосылкой о том, что война стала кульминацией кризиса традиционного восприятия Японии, возникшего в Китае в середине XIX в., автор прослеживает развитие этого кризиса во время войны и после нее. Источниковой базой исследования послужили публикации КПК и заявления партийных лидеров разных периодов, а также научные работы отечественных и зарубежных ученых. Анализ позволил выявить влияние политических и идеологических факторов на формирование образа агрессора, показав также, что сложность и многоаспектность восприятия Японии, свойственная военному периоду, сохраняется по сей день.

Ключевые слова

Японо-китайская война 1937–1945 гг., японская агрессия, «столетие унижения», гражданская война в Китае, КПК, китайский национализм

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00109 «Нarrативы “исторических обид” в официальном дискурсе и государственной политике стран Северо-Восточной Азии»

Для цитирования

Кульниева П. В. «Война сопротивления японским захватчикам»: формирование образа агрессора у китайской компартии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10: Востоковедение. С. 101–112.
DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-101-112

The “War of Resistance against Japan”: Shaping the Image of the Aggressor by the Chinese Communist Party

Polina V. Kulneva

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

kpoline@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8699-5568>

Abstract

The Sino-Japanese War of 1937–1945, known in China as the “War of Resistance against Japan”, remains an integral part of the official rhetoric of the Chinese Communist Party (CCP). Considering the key role of the War of Resistance in understanding the perception of Japan by China today, this article studies the formation of Japan’s image by the CCP during and after the war. The research is based on official publications of the CCP, statements of party leaders, and works by Russian and foreign researchers. The first part deals with the perception of Japan by the communists during the war. Particular attention here is paid to the importance of the context of the Chinese Civil War and the global revolutionary and class struggle in shaping of the image of the aggressor. The second part traces the evolution of Japan’s image following the changes in political priorities of the CCP after the war and the increasing prominence of the “victimization narrative” in China in recent decades. The third part illustrates the connection of historical memory to the current problems of Sino-Japanese relations and reveals the role of Japan’s image in contemporary political rhetoric of the CCP. The analysis clearly demonstrates the influence of political and ideological factors on the formation of the image of the aggressor. At the same time, it is obvious that the complexity of Japan’s perception intrinsic to the war period in China remains up to the present day.

Keywords

Sino-Japanese War of 1937–1945, Japanese aggression, the “Century of Humiliation”, Chinese Civil War, CCP, Chinese nationalism

Acknowledgements

This study was funded by the Russian Science Foundation, grant no. 23-18-00109 “Narratives of ‘historical grievances’ in the official discourse and state policy of the countries of Northeast Asia”

For citation

Kulneva P. V. The “War of Resistance Against Japan”: Shaping the Image of the Aggressor by the Chinese Communist Party. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 10: Oriental Studies, pp. 101–112. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-101-112

Введение

Японо-китайская война 1937–1945 гг., называемая в Китае «Войной сопротивления японским захватчикам» (кит. 抗日战争 *канжи чжсаньчжэн*), – один из тяжелейших эпизодов в истории японо-китайских отношений, который до сих пор сказывается на взаимном восприятии китайского и японского народов. Память об этой войне становится поводом для масштабных антияпонских демонстраций в материковом Китае, порой наносящих существенный урон экономическим связям двух стран.

Можно утверждать, что даже после принесения государственными лидерами Японии многочисленных извинений Япония сохраняет статус агрессора в китайском общественном сознании. Недавнее (в 2014 г.) выведение на государственный уровень Дня памяти жертв Нанкинской резни – трагического эпизода японо-китайской войны, когда в декабре 1937 г. в результате массовых убийств, жестоких пыток и изнасилований погибли сотни тысяч мирных жителей Нанкина (отмечается 13 декабря, в день взятия Нанкина японской армией) свидетельствует о возвращении памяти о войне с новой силой и ее важном государственном значении. Воплощением памяти о войне являются посвященные ей музеи и мемориальные ком-

плексы, наиболее известные из которых – «Мемориальный комплекс жертв Нанкинской резни, пострадавших от японских захватчиков» в Нанкине и «Музей сопротивления китайского народа японским захватчикам» в Пекине.

Учитывая, что Война сопротивления японским захватчикам (далее – также «Война сопротивления») остается неотъемлемой частью официальной риторики китайской компартии (КПК) и символом национального единства, мужества и сплоченности китайского народа, интересно проследить процесс становления образа Японии в этой войне через призму восприятия КПК.

Цель данной работы – выявить основные тенденции формирования образа агрессора у китайской компартии во время войны и после нее и показать, как отголоски прошлого проявляются в японо-китайских отношениях на современном этапе. Исследователи японо-китайских отношений отмечают, что во второй половине XIX в. в Китае возник кризис традиционного восприятия Японии и начал формироваться новый взгляд на эту страну. Модернизация Японии после реставрации Мэйдзи (1868) и, как следствие, постепенное освобождение страны из-под монопольного влияния китайской культуры совпали с вторжением в Китай западного капитализма [Каткова, Чудоев, 2001, с. 34–43]. Эти процессы обнажили серьезные противоречия японо-китайских отношений, которые проявляются до сих пор.

В данной работе Война сопротивления японским захватчикам рассмотрена как кульминация этого кризиса, и сделана попытка проследить его дальнейшее развитие. Для анализа эволюции восприятия Японии китайской компартией использованы партийные публикации военного времени, статьи официальных китайских СМИ (в первую очередь «Жэньминь Жибао»), речи и заявления лидеров КПК (Мао Цзэдуна и следующих руководителей). Раскрытию концептуальных рамок исследуемых процессов помогли работы отечественных и зарубежных политологов-востоковедов.

В связи с особым статусом Тайваня, в том числе в вопросах, касающихся памяти о Японо-китайской войне 1937–1945 гг., после основания КНР (1949) мы будем говорить только о материковом Китае.

Борьба за власть и использование компартией антияпонской риторики

На восприятии Японии китайской компартией во время войны не могла не отразиться сложная ситуация на фронте: Война сопротивления японским захватчикам – внешнему агрессору – происходила одновременно с гражданской войной, и хотя для обеих сторон внутреннего конфликта – и для сил Гоминьдана, и для коммунистов – агрессор был общим, это не могло не вызывать противоречий. Так, в рядах Гоминьдана существовали силы (во главе с Ван Цзинвэем), которые выступали за скорейшее заключение мира с Японией. В то же время обеими противоборствующими партиями предпринимались попытки создания объединенного фронта для защиты страны от внешнего вторжения.

Призыв Мао Цзэдуна, фактически ставшего к тому времени лидером китайского коммунистического движения, отразить вместе с Гоминьданом наступление «японских бандитов» (кит. 日寇 жикуоу) и изгнать их из Китая, прозвучавший вскоре после инцидента на мосту Лугоуцяо (7 июля 1937 г.) [Мао Цзэдун, 1991д, с. 344], подтверждает, что Япония имела для коммунистов статус агрессора. Этот статус сохранялся и на последующих этапах сопротивления. Так, в статье «Проблемы стратегии в партизанской войне против Японии», опубликованной в 1938 г., Мао Цзэдун отмечает, что нападение сильной Японии на слабый Китай делает войну оборонительной и затяжной [Мао Цзэдун, 1991б, с. 405]. Ближе к концу войны, в апреле 1945 г., вскоре после денонсации СССР пакта о нейтралитете с Японией, Мао выражает надежду, что после восьми лет «героической и неукротимой борьбы» китайский народ, наконец, «одержит победу над японским агрессором вместе с союзными государствами» [Мао Цзэдун, 1991в, с. 1029].

Вместе с тем, хотя непосредственная связь образа Японии с международным конфликтом и отношение к ней как к внешнему врагу остаются наиболее очевидными, восприятие страны-агрессора китайской компартией во время войны и после нее было сложным и многоаспектным: в риторике военного времени вторжение Японии, с одной стороны, отождествляется с западным империализмом (присоединившись к западным варварам, страна пополнила тем самым ряды захватчиков и предателей), с другой – ставится в один ряд с предательством и коллаборационизмом внутреннего врага КПК Гоминьдана и врагов революции в целом¹. В мае 1937 г. в докладе на национальной конференции компартии в Янъяне Мао Цзэдун включил в круг врагов КПК «японских империалистов, китайских предателей, прояпонские фракции и троцкистов» [Мао Цзэдун, 1991е, с. 257]. В 1946 г., на завершающем этапе гражданской войны, коммунистическая партийная газета «Жэньминь Жибао» приводит слова командующего отрядом народного ополчения о том, что «изменник родины» Чан Кайши хочет «продать страну Соединенным Штатам… после того, как китайский народ подвергся восьмилетнему унижению со стороны японских чертей (кит. 日本鬼子 жибэнъ гуйцы)»². Предательство Чан Кайши, таким образом, представляется как не меньшая угроза для Китая, чем вторжение Японии.

После начала японской интервенции в Маньчжурию (1931) антияпонские настроения в Китае усилились, особенно в крупных городах, жители которых получали всё более широкий доступ к прессе. Исследователи отмечают, что в 1930-е гг. частым явлением был бойкот японских товаров, демонстрации и даже нападения на японцев [Coble, 1985, p. 293]. Прозвище «японские черти» в адрес агрессора получило широкое распространение.

Несмотря на попытки КПК и Гоминьдана создать единый фронт для борьбы с общим врагом, противостояние двух партий нарастало, а после завершения Войны сопротивления гражданская война возобновилась с новой силой. Одним из решающих факторов окончательной победы КПК в 1949 г. стала ставка на настроения китайского народа и антияпонская риторика.

Еще в сентябре 1931 г. ЦК КПК обратился к народу с лозунгом «национально-революционной войны… против японского империализма в защиту национальной независимости, государственного единства и территориальной целостности Китая». Этот подход был противоположен позиции Чан Кайши, который выступал за «непротивление» Японии и стремился не осложнять японо-китайские отношения [Галенович, 2018, с. 73]. По признанию отечественных и зарубежных историков одним из факторов победы КПК стала ее успешная пропаганда, в ходе которой удалось объединить всех противников партии (включая японских захватчиков) и противопоставить их широким народным массам под лозунгом национального освобождения.

План агитации, написанный Мао Цзэдуном в августе 1937 г. для органов пропаганды ЦК КПК, завершается лозунгом «Да здравствует Новый Китай, независимый, счастливый и свободный!». Параллельно звучат характерные для риторики коммунистов призывы к объединению с рабочими и крестьянами из других стран [Мао Цзэдун, 1991а]. Оценивая антияпонский фронт с точки зрения его классовой структуры, КПК отмечает в марте 1940 г., что прогрессивные силы пролетариата, крестьянства и городской мелкой буржуазии значительно

¹ С третьей стороны, благодарность, выраженная японской Императорской армии Мао Цзэдуном в 1960-е гг. за помощь в «пробуждении» китайского народа [Мао Цзэдун, 1999, с. 201], отсылает нас к роли японского вторжения в победе коммунистов над Гоминьданом. Подробнее о факторах переоценки КПК японской агрессии см. далее.

² Баовэй фаньшэнъ гоши, юнъюэ фу цяньсянь. Цзинань дисыпи цинчжуан жуу. Буюань шоу эржибэнъ цифу тайсин цоньчжун яою цаньцюнь [保卫翻身果实踊跃赴前线 冀南第四批青壮入伍 不愿受“二日本”欺负太行群众要求参军]. Защитите плоды переворота и с энтузиазмом отправляйтесь на передовую. Четвертая группа молодежи на юге Хэбэя вступила в ряды армии, не желая подвергаться издевательствам со стороны «второй Японии». Тайханцы требуют вступления в армию // Жэньминь Жибао (электронный архив). 10.05.1946. 1-я полоса. URL: <https://www.laoziliao.net/tmrb/1946-10-05-1#3817> (на кит. яз.) (дата обращения 01.06.2023).

окрепли и смогли учредить антияпонские народные правительства. Это дает коммунистам надежду на скорое изменение ситуации к лучшему [Мао Цзэдун, 1991г, с. 744–745].

Таким образом, борьба с японской агрессией воспринимается в контексте революционной и классовой борьбы. Война сопротивления японским захватчикам была для Мао Цзэдуна важной частью революционного движения.

Послевоенные политические приоритеты и эволюция нарратива

Двойственное отношение коммунистов к Японии: с одной стороны, как к врагу и агрессору, с другой – как к союзнику Китая в мировой революционной борьбе, прослеживается и в послевоенные десятилетия. Ранние выпуски газеты «Жэньминь Жибао» 1946–1948 гг. пристально следят за действиями японской компартии, забастовками рабочих, социальными и политическими процессами в Японии, возлагая большие надежды на победу японской революции. Одновременно, по мере усиления противостояния капиталистического и социалистического лагеря, все большее беспокойство у коммунистов вызывает возрастающее влияние США. Это беспокойство проявляется в первую очередь в критике американцев и их обвинениях в помощи японскому вторжению. Одна из статей 1946 г., посвященная годовщине Мукденского инцидента, повествует об американской политике попустительства японскому империализму и колossalной военной и экономической помощи, оказанной агрессору³. В другом выпуске газеты говорится о том, что промышленный кризис, вызванный сейчас (за год, прошедший после войны) американским экономическим вторжением в Китай, намного серьезнее, чем начавшееся 15 лет назад вторжение Японии⁴. В других статьях с политикой американских оккупационных властей в послевоенной Японии связывается риск возрождения японского милитаризма и нового японского вторжения.

Контрастно со звучавшим во время Войны сопротивления призывом изгнать из Китая японских бандитов, империалистов и колонизаторов выглядят то и дело мелькающие в «Жэньминь Жибао» сообщения о победоносном движении японского пролетариата за права и свободы. В контексте мировой революции из страны-агрессора Япония превращается в потенциальный плацдарм для борьбы с империализмом и строительства светлого будущего. В статье «Жэньминь Жибао» от 7 июля 1949 г. подчеркнуто стремление китайского и японского народов к мирному сосуществованию, развитию экономического и культурного сотрудничества и нежелание Китая отдавать судьбу страны на откуп США⁵.

Восприятие Японии как жертвы империалистической агрессии, угнетения и контроля со стороны США сохранялось и в 1950-е, и в 1960-е гг. В очередную годовщину «инцидента 7 июля», в 1952 г., когда американская оккупация Японии была формально завершена, передовица «Жэньминь Жибао» вновь пишет об объединении китайского и японского народов в борьбе против американской агрессии. Критикуя Договор безопасности США и Японии, газета сравнивает японскую империалистическую агрессию против Китая и империалистиче-

³ Мэйго фаньдунпай фучи жикоу – вэй цзинянь «цзю и ба» эр цзо [美国反动派扶持日寇——为纪念“九一八”而作]. Американские реакционеры поддерживают японских захватчиков – Вспоминая события 18 сентября // Жэньминь Жибао (электронный архив). 21.09.1946. 1-я полоса. URL: <https://www.laoziliao.net/rmrb/1946-09-21-1#2511> (на кит. яз.) (дата обращения 01.06.2023).

⁴ Данцянь миньцзу гунье дэ вэйцзи хэ чулу [当前民族工业的危机和出路]. Нынешний кризис в национальной промышленности и выход из него // Жэньминь Жибао (электронный архив). 25.11.1946. 4-я полоса. URL: <https://www.laoziliao.net/rmrb/1946-11-25-4#1908> (на кит. яз.) (дата обращения 01.06.2023).

⁵ Синьчжэнчжи сесан хуэйи чоубэйхуэй гэдэнпай гэтуаньти вэй цзинянь «цици» канжи чжаньчжэн шиэр чжоунянь сюаньянь [新政治协商会议筹备会各党派各团体为纪念“七七”抗日战争十二周年宣言]. Декларация в ознаменование двенадцатой годовщины Войны сопротивления японским захватчикам «7 июля» всех фракций и группировок нового подготовительного комитета политического консультативного совета // Жэньминь Жибао (электронный архив). 07.07.1949. 1-я полоса. URL: <https://www.laoziliao.net/rmrb/1949-07-07-1#25668> (на кит. яз.) (дата обращения 01.06.2023).

скую агрессию США против Японии, считая эти два кризиса самыми серьезными в истории двух стран⁶. В январе 1964 г. Мао Цзэдун выражает восхищение массовой демонстрацией японского народа против американского империализма – «самого свирепого врага японской нации»⁷.

В то же время приоритетом КПК на мировой арене, помимо получения доступа к ресурсам, необходимым для индустриализации, был выход КНР из дипломатической изоляции, который подразумевал необходимость признания со стороны и США, и Японии как важных субъектов международных отношений. Находясь в орбите влияния США, Япония предприняла шаги для нормализации отношений с КНР сразу после того, как американская сторона объявила о своем намерении сблизиться с Китаем [Нелидов, 2019, с. 62]. Политические приоритеты китайских властей, безусловно, сыграли роль в том, что тема японской агрессии продолжительное время не была доминирующей в послевоенной риторике. В 1950-е и 1960-е гг. напоминания о страданиях китайского народа в военный период считались «нетактичными» и прямая критика Японии практически не звучала [Стрельцов, 2016, с. 338–339].

Однако в 1980-е гг. в риторике китайских властей происходит поворот к «нарративу виктимизации» (от англ. “victimization narrative”), акцентирующему внимание на представлении Китая как жертвы агрессии стран Запада, включая Японию. В рамках нового нарратива Япония всё больше воспринимается как агрессор, который отказывается признать свою вину и раскаяться в содеянном. В 1980-е гг. Китай впервые выразил официальный протест в связи с содержанием японских учебников истории⁸ и посещением премьер-министром Японии храма Ясукуни⁹ [Молодякова, 2007, с. 62]. В 1990-е и 2000-е гг., несмотря на многочисленные слова сожаления высших должностных лиц Японии о событиях прошлого, принесенные ранее, эти проблемы усугубляются, и со стороны Китая звучит всё более громкая критика характера и содержания принесенных Японией извинений [Кульнова, 2021].

Считается, что нарратив виктимизации пришел на смену героическому нарративу, который господствовал в период гражданской войны и после победы коммунистов. Среди фактов, определивших смену акцентов в восприятии тяжелого периода китайской истории, исследователи отмечают потерю актуальности идеи классовой борьбы, необходимость новой идеологической базы для сплочения китайского народа после реформ Дэн Сяопина, актуализацию памяти о Второй мировой войне в Китае и мире и реакцию Китая на «забвение истории» японской стороной [Перминова, 2022, с. 345–349, 357–358]. Новых усилий для укрепления легитимности партии потребовали также события 1989 г. на площади Тяньаньмэнь.

Смена нарратива сопровождается обновлением школьной программы и расширением экспозиций военных музеев [Denton, 2014, р. 143–149]. Не менее значимой иллюстрацией этого процесса можно считать рост численной оценки потерь в Войне сопротивления [Перминова, 2022, с. 364]. В 1980-е, 1990-е и 2000-е гг. память о японской агрессии и наиболее тяжелых эпизодах войны возвращается с новой силой и закрепляется в общественном сознании через национальную систему патриотического воспитания.

⁶ Чжунжи лянго жэньминь туаньцэцзилай, вэй фаньдуй мэйго циньлюэ эр доучжэн [中日两国人民团结起来, 为反对美国侵略而斗争]. Народы Китая и Японии объединяются для борьбы против американской агрессии // Жэньминь Жибао (электронный архив). 07.07.1952. 1-я полоса. URL: <https://www.laoziliao.net/rmrb/1952-07-07-1#85705> (на кит. яз.) (дата обращения 01.06.2023).

⁷ Чжунго жэньминь цзяньцзузэ чжичи жибэнь жэньминь вэйда айго доучжэн [中国人民坚决支持日本人民伟大的爱国斗争]. Китайский народ решительно поддерживает великую патриотическую борьбу японского народа // Marxist Filosofy. URL: <https://marxistphilosophy.org/maozedong/mx8/073.htm> (на кит. яз.) (дата обращения: 17.09.2023).

⁸ Поводом для протеста послужила публикация газеты «Асахи» с сообщением о замене в одном из учебников слова «агрессия» (яп. 侵略 *синрэку*) на «продвижение [войск]» (яп. 進出 *синсюцу*) по требованию Министерства образования Японии.

⁹ В число почитаемых в храме погибших военных включены души преступников «класса А», причастных к массовым убийствам китайского гражданского населения и осужденных Международным военным трибуналом для Дальнего Востока.

От национального унижения к «китайской мечте»

Нarrатив виктимизации не является для Китая чем-то новым: понятие «столетия [национального] унижения» (кит. 百年国耻 *байнинь гочи*) – тяжелого периода китайской истории, начавшегося с Опиумных войн середины XIX в., появилось еще в 1915 г. в ответ на «Двадцать одно требование» Японии¹⁰. В дальнейшем к «национальному унижению» апеллировали и представители Гоминьдана, и коммунисты.

В этой связи можно обратиться к одной из публикаций коммунистической пропаганды завершающего этапа гражданской войны. 8 декабря 1946 г., незадолго до годовщины взятия Нанкина японской армией, передовица «Цзефан Жибао» призывает смыть «новый национальный позор»¹¹, которым является «Договор о дружбе, торговле и мореплавании» правительства Чан Кайши с США. Коммунисты называют «продажу страны» США и уступки, сделанные ранее Гоминьданом японскому агрессору, еще более унизительными, чем принятие «Двадцати одного требования» Японии, и выражают уверенность, что, одержав победу над японским империализмом, китайский народ победит и американский¹².

В подобной риторике виктимизация (выражающаяся в самой отсылке к «унижению», или «позору») сочетается с героическими призывами к мужественному сопротивлению, причем именно виктимизация подогревает патриотические настроения и способствует национальному подъему. Соединение нарративов имеет место и в современном политическом дискурсе. Отсылку к прошлому делали разные поколения руководителей КНР: это и древнее изречение «память о прошлом – учитель будущего» (кит. 前事不忘 后事之师 *цяньши буван хоуши чжиси*), звучавшее из уст Цзян Цзэминя, и слова следующего лидера КНР Ху Цзиньтао по случаю возвращения Китаю Гонконга в 1997 г. о том, что Китай, наконец, «смыл вековой национальный позор и осуществил заветное желание китайского народа [о долгожданном воссоединении с бывшей колонией]»¹³. Эта же мысль явственно читается в выдвинутой нынешним генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпином в 2013 г. стратегической концепции «китайская мечта» (кит. 中国梦 *чжунгунго мэн*), в более широкой формулировке – «мечта о великом возрождении китайской нации» (кит. 中华民族伟大复兴 *чжунхуа миньцзу вэйда фусин*). Концепция подразумевает постановку и реализацию комплекса экономических, политических, социокультурных, духовных целей, направленных на развитие государства и формирование чувства национального достоинства. Немаловажно, что ее реализация связана с целями «двух столетий» (кит. 两个一百年 *лянгэ ибайнинь*), поставленными ранее Цзян Цзэминем к двум знаменательным датам: столетие основания КПК и столетие основания КНР¹⁴. Таким образом, сохраняется преемственность не только с предыдущими поколениями руководителей, но и с периодом, предшествующим основанию КНР, и «столетие национального унижения» переходит в столетие великих достижений и возрождения.

¹⁰ Список унизительных требований, врученный главе правительства Китайской Республики Юань Шикаю после успешного продвижения японских войск в Шаньдуне, который включал закрепление за Японией бывших германских владений и других территорий, а также допуск к принятию государственных решений, расширение прав экономической и просветительской деятельности японцев в стране.

¹¹ Терминологически «национальный позор» соответствует приведенному ранее варианту перевода китайского понятия 国耻 *гочи* («национальное унижение»).

¹² Сисюэ синьгочи. Цзефан жибао бажи шэлунь [洗雪国耻 解放日报八日社论]. Смыть новый национальный позор. Передовица Цзефан Жибао от 8 числа // Жэньминь Жибао (электронный архив). 13.12.1946. 1-я полоса. URL: <https://www.laoziliao.net/rmrb/1946-12-13-1#5910> (на кит. яз.) (дата обращения 01.06.2023).

¹³ Ху Цзиньтао цзай сянган хуэйгуй цзого цзиняньбэй цзему иши шан дэ цзянхуа [胡锦涛在香港回归祖国纪念碑揭幕仪式上的讲话]. Речь Ху Цзиньтао на церемонии открытия монумента «возвращение Гонконга на родину» // CCTV. 01.07.1999. URL: <http://2008.cctv.com/special/613/4/35274.html> (на кит. яз.) (дата обращения 01.06.2023).

¹⁴ Гуаньюй шисянь чжунгомэн дэ шицзянь цзедянь [关于实现中国梦的时间节点]. Об основных вехах реализации «китайской мечты» // Xinhuanet. 07.07.2015. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2015-07/07/c_127994345_2.htm (на кит. яз.) (дата обращения 01.06.2023).

Героический нарратив не исчез, но видоизменился с течением времени вследствие смены приоритетов компартии. Это имеет значение и для восприятия образа Японии как бывшего агрессора, точнее – определяет роль этого образа. Воспоминания о слабости и отсталости Китая в период войны с западными странами и Японией по-прежнему сохраняют мотивационную роль в стремлении к будущему процветанию страны, подчеркивают ее силу, способность давать отпор врагам и возрождаться: в настоящее время – на пути к «китайской мечте». При этом рассмотренные тенденции особенно актуальны для Японии. Это связано, во-первых, с тем, что, будучи наиболее тесно географически и исторически связанной с Китаем страной, Япония занимает более заметное, чем страны Запада, место в формировании китайской национальной идентичности. Во-вторых, по мнению специалиста по политической психологии международных отношений синолога Питера Гриса, в силу сложившейся в настоящее время геополитической обстановки Япония в наибольшей степени воспринимается Китаем с позиций виктимизации. В случае с США героизация китайской компартией прошлых побед над этой страной (включая Корейскую и Вьетнамскую войны) подогревается осознанием возможности будущего конфликта вокруг Тайваня. Кроме того, современная расстановка сил в мире такова, что Китай практически не уступает США по экономическому и политическому влиянию. Что касается Японии, то за последние десятилетия она несколько уступила свои позиции КНР¹⁵ и не представляет для нее прежней угрозы на мировой арене. Это дает возможность более смело подчеркивать роль Японии в прошлых страданиях китайского народа, открыто заявляя о гневе и жажде мести [Gries, 2004, p. 52–53]. Это также дает возможность правительству КНР активнее использовать проблемы исторического прошлого как средство давления и манипуляции.

Заключение

Война сопротивления японским захватчикам остается для Китая тяжелой страницей памяти о сопротивлении китайского народа внешнему агрессору. При этом Япония воспринимается как часть западного мира, который вторгся в Китай и пытался вместе со странами Запада лишить его территориальной целостности. Вторжение Японии оказалось для Китая особенно болезненным, учитывая его исторически сложившееся отношение к этой стране как к «младшему брату», который воспринял многие элементы китайской культуры.

Естественной реакцией КПК на японскую агрессию было отношение к Японии как к врачу. Однако со свойственным им pragmatizmом коммунисты не могли не воспринимать борьбу с японским империализмом в контексте внутренней и мировой революционной борьбы. Наличие таких важнейших для партии участников этой борьбы, как Гоминьдан и США, определило сложность отношения к Японии и даже привело на некоторое время к смягчению оценки японской агрессии, обусловленному конъюнктурными интересами КПК и переключением внимания на более серьезных противников.

Риторика КПК, связанная с Японией, не могла не становиться инструментом ее внутренней и внешней политики. Так, во время Войны сопротивления использование антияпонских настроений помогло сплотить вокруг партии народные массы, что способствовало ее победе в гражданской войне; в послевоенные же десятилетия антияпонская риторика была сознательно приглушена в интересах скорейшего получения Новым Китаем дипломатического признания Запада и налаживания экономического сотрудничества с Японией. После нормализации отношений с Японией эволюция образа бывшего агрессора, при сохранении исходных данных, следовала за развитием идеологии, определялась ее целями и приоритетами. В последние десятилетия антияпонская риторика китайских властей усилилась, что можно

¹⁵ Об осознании Японией изменения соотношения сил свидетельствует сворачивание в 2000-е гг. японской Официальной помощи развитию (ОПР), которая оказывалась КНР на протяжении нескольких предшествовавших десятилетий. Одной из причин такого решения, помимо достижения Китаем достаточно высокого уровня экономического развития, стал рост в этой стране военных расходов.

связать как с внутренними факторами идеологического характера (опора на память о национальном унижении), которые имеют целый комплекс причин, так и с внешними факторами – изменение международной ситуации и растущая конкуренция Китая и Японии за влияние в регионе и мире вкупе с беспрецедентным ростом экономической и политической мощи Китая.

В целом же в восприятии Японии китайской компартией имеет место двойственность. В военный период Япония была страной, которая, с одной стороны, поддавшись империалистическим амбициям, пыталась разделить Китай на части вместе с западными державами, с другой – оставалась соседом, близким Китаю по духу и культуре. После войны эта двойственность сохранилась и проявилась в тесном экономическом сотрудничестве, которое продолжалось, несмотря на длительное отсутствие дипломатических отношений между двумя странами [Стрельцов, 2019, с. 161]. По мере продвижения политики «реформ и открытости» Дэн Сяопина, а также в последующие десятилетия вплоть до сегодняшнего дня отношения стран продолжают укрепляться несмотря на связанный с Японией образ агрессора. Таким образом, разнонаправленные тенденции сохраняются векторе развития японо-китайских отношений и на современном этапе.

Список литературы

- Галенович Ю. М.** Нация Китая в борьбе против японской агрессии в 1930-х – 1940-х гг. // Общество и государство в Китае. М.: ИВ РАН, 2018. Т. 48, ч. 1. С. 71–81.
- Каткова З. Д., Чудодеев Ю. В.** Китай – Япония: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н. э. – 30–40-е гг. XX в.). М.: Ин-т востоковедения РАН, КРАФТ+, 2001. 376 с.
- Кульнова П. В.** Лингвистические и социокультурные аспекты непонимания между японской и китайской сторонами по вопросам исторического прошлого (на примере извинений государственных лидеров Японии за агрессию в Китае) // Международные отношения и общество. 2021. Т. 3, № 1. С. 16–27.
- Молодякова Э. В.** Многоаспектность проблемы святилища Ясукууни // Япония. Ежегодник. М.: АИРО-XXI, 2007. С. 48–68.
- Нелидов В. В.** «Китайский шок Никсона» в зеркале японской внутренней политики // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 12 (6). С. 61–77. DOI 10.24833/2071-8160-2019-6-69-61-77
- Перминова В. А.** «Обновление» памяти об антияпонской войне в Китае и ее влияние на отношения между Пекином и Токио в 90-е гг. XX века // Общество и государство в Китае. М.: ИВ РАН, 2022. Т. 52. С. 341–370.
- Стрельцов Д. В.** Идентичности России и Японии в послевоенный период (1945–1991 гг.) // Япония. Ежегодник. М.: АИРО-XXI, 2016. С. 337–352.
- Стрельцов Д. В.** «Шоки Никсона» и их последствия для японской дипломатии // Восток (Oriens). 2019. № 2. С. 158–171. DOI 10.31857/S086919080004622-1
- Coble P. M., Jr.** Chiang Kai-shek and the Anti-Japanese Movement in China: Zou Tao-fen and the National Salvation Association, 1931–1937 // The Journal of Asian Studies. 1985 (Feb.). Vol. 44, no. 2. P. 293–310.
- Denton K. A.** Exhibiting the Past. Historical Memory and the Politics of Museums in Postsocialist China. Honolulu: Uni. of Hawai'i Press, 2014. 350 p.
- Gries P. H.** China's New Nationalism. Pride, Politics, and Diplomacy. Berkeley, Los Angeles, London: Uni. of California Press, 2004. 215 p.
- Мао Цзэдун.** Вэй дунъюань ице лилян чжэнцюй канжи шэнли эр доучжэн [毛泽东。为动员一切力量争取抗日胜利而斗争]. Борьба за мобилизацию всех сил для победы в антияпонской войне // Мао Цзэдун сюаньцзи [Избранные труды Мао Цзэдуна]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1991а. Т. 2. С. 352–358. (на кит. яз.)

- Мао Цзэдун.** Канжи юцзи чжаньчжэн дэ чжаньлюэ вэньти [毛泽东。抗日游击战争的战略问题]. Проблемы стратегии партизанской войны с Японией // Мао Цзэдун сюаньцзи [Избранные труды Мао Цзэдуна]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1991б. Т. 2. С. 404–438. (на кит. яз.)
- Мао Цзэдун.** Лунь ляньхэ чжэнфу [毛泽东。论联合政府]. О коалиционном правительстве // Мао Цзэдун сюаньцзи [Избранные труды Мао Цзэдуна]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1991б. Т. 2. С. 1029–1100. (на кит. яз.)
- Мао Цзэдун.** Муцянь канжи тунъи чжаньсянь чжун дэ цэлюэ вэньти [毛泽东。目前抗日统一战线中的策略问题]. Современные тактические проблемы Объединенного антияпонского фронта // Мао Цзэдун сюаньцзи [Избранные труды Мао Цзэдуна]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1991г. Т. 2. С. 744–752. (на кит. яз.)
- Мао Цзэдун.** Фаньдуй жибэнь цзиньгун дэ фанчжэнь, бандфа хэ цяньту [毛泽东。反对日本进攻的方针、办法和前途]. Политика, методы и перспективы противодействия наступлению Японии // Мао Цзэдун сюаньцзи [Избранные труды Мао Цзэдуна]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1991д. Т. 2. С. 343–351. (на кит. яз.)
- Мао Цзэдун.** Чжунго гунчаньдан цзай канжи шицзи дэ жэньу [毛泽东。中国共产党在抗日时期的任务]. Задачи Коммунистической партии Китая в период антияпонской борьбы // Мао Цзэдун сюаньцзи [Избранные труды Мао Цзэдуна]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1991е. Т. 1. С. 252–270. (на кит. яз.)
- Мао Цзэдун.** Мэйдигочжуи ши чжунжи лянго жэньминь дэ гунтун дижэнь [毛泽东。美帝国主义是中日两国人民的共同敌人]. Американский империализм – общий враг китайского и японского народов // Мао Цзэдун вэньцзи [Собрание сочинений Мао Цзэдуна]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1999. Т. 8. С. 200–208. (на кит. яз.)

References

- Coble P. M., Jr.** Chiang Kai-shek and the Anti-Japanese Movement in China: Zou Tao-fen and the National Salvation Association, 1931–1937. *The Journal of Asian Studies*, 1985 (Feb.), vol. 44, no. 2, pp. 293–310.
- Denton K. A.** Exhibiting the Past. Historical Memory and the Politics of Museums in Postsocialist China. Honolulu, Uni. of Hawai'i Press, 2014, 350 p.
- Galenovich Yu. M.** Natsiya Kitaya v bor'be protiv yaponskoi agressii v 1930-kh – 1940-kh gg. [The Chinese Nations in the Struggle against Japanese Aggression in the 1930s and 1940s]. In: Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and State in China]. Moscow, Institute of Oriental Studies of RAS, 2018, vol. 48, pt. 1, pp. 71–81. (in Russ.)
- Gries P. H.** China's New Nationalism. Pride, Politics, and Diplomacy. Berkeley, Los Angeles, London, Uni. of California Press, 2004, 215 p.
- Katkova Z. D., Chudodeev Yu. V.** Kitai – Yaponiya: lyubov' ili nenavist'? K probleme evolyutsii sotsial'no-psichologicheskikh i politicheskikh stereotypov vzaimovospriyatiya (VII v. n. e. – 30–40-e gg. XX v.) [China – Japan: Love or Hatred? On the Problem of the Evolution of Socio-Psychological and Political Stereotypes of Mutual Perception (7th Century AD – 30–40s of the 20th Century)]. Moscow, Institute of Oriental Studies of RAS, KRAFT+, 2001, 376 p. (in Russ.)
- Kulneva P. V.** Lingvisticheskie i sotsiokul'turnye aspekty neponimaniya mezhdu yaponskoi i kitaiskoi storonami po voprosam istoricheskogo proshloga (na primere izvinenii gosudarstvennykh liderov Yaponii za agressiyu v Kitae) [Linguistic and Socio-Cultural Aspects of Misunderstanding between the Japanese and Chinese Parties on the Issues of the Historical Past (On the Example of Japanese State Leaders' Apologies for the Aggression in China)]. *Mezhdunarodnye otnosheniya i obshchestvo* [International Relations and Society], 2021, vol. 3, no. 1, pp. 16–27. (in Russ.)

- Mao Zedong.** Fandui riben jingong de fangzhen, banfa he qiantu [毛泽东。反对日本进攻的方针、办法和前途]. The Policy, Method and Prospects of Opposing Japan's Offensive. In: Mao Zedong xuanji [Selected Works of Mao Zedong]. Beijing, Renmin chubanshe, 1991, vol. 2, pp. 343–351. (in Chin.)
- Mao Zedong.** Kangri youji zhanzheng de zhanlüe wenti [毛泽东。抗日游击战争的战略问题]. Problems of Strategy in Guerrilla War against Japan. In: Mao Zedong xuanji [Selected Works of Mao Zedong]. Beijing, Renmin chubanshe, 1991, vol. 2, pp. 404–438. (in Chin.)
- Mao Zedong.** Lun lianhe zhengfu [毛泽东。论联合政府]. On Coalition Government. In: Mao Zedong xuanji [Selected Works of Mao Zedong]. Beijing, Renmin chubanshe, 1991, vol. 2, pp. 1029–1100. (in Chin.)
- Mao Zedong.** Meiguo diguozhui shi zhongri liangguo renmin de gongtong diren [毛泽东。美帝国主义是中日两国人民的共同敌人]. U.S. imperialism is the common enemy of the Chinese and Japanese peoples. In: Mao Zedong wenji [Collected Works of Mao Zedong]. Beijing, Renmin chubanshe, 1999, vol. 8, pp. 200–208. (in Chin.)
- Mao Zedong.** Muqian kangri tongyi zhanxian zhong de celve wenti [毛泽东。目前抗日统一战线中的策略问题]. Tactics in the Anti-Japanese United Front. In: Mao Zedong xuanji [Selected Works of Mao Zedong]. Beijing, Renmin chubanshe, 1991, vol. 2, pp. 744–752. (in Chin.)
- Mao Zedong.** Wei dongyuan yiqie liliang zhengqu kangri shengli er douzheng [毛泽东。为动员一切力量争取抗日胜利而斗争]. Struggle to mobilize all forces for the victory in the Anti-Japanese War. In: Mao Zedong xuanji [Selected Works of Mao Zedong]. Beijing, Renmin chubanshe, 1991, vol. 2, pp. 352–358. (in Chin.)
- Mao Zedong.** Zhongguo gongchandang zai kangri shiqi de renwu [毛泽东。中国共产党在抗日时期的任务]. The Tasks of the Chinese Communist Party in the Anti-Japanese Period. In: Mao Zedong xuanji [Selected Works of Mao Zedong]. Beijing, Renmin chubanshe, 1991, vol. 1, pp. 252–270. (in Chin.)
- Molodyakova E. V.** Mnogoaspektnost' problemy svyatilishcha Yasukuni [The Multidimensionality of the Yasukuni Shrine Problem]. *Yaponiya. Ezhegodnik [Japan. Yearbook]*. Moscow, AIRO-XXI, 2007, pp. 48–68. (in Russ.)
- Nelidov V. V.** “Kitaiskii shok Niksona” v zerkale yaponskoi vnutrennei politiki [The “Nixon China Shock” in the Mirror of Japanese Domestic Politics]. *Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]*, 2019, no. 12 (6), pp. 61–77. (in Russ.) DOI 10.24833/2071-8160-2019-6-69-61-77
- Perminova V. A.** “Obnovlenie” pamjati ob antiyaponskoi voine v Kitae i eyo vliyanie na otnosheniya mezhdu Pekinom i Tokio v 90-e gg. XX veka [“Renewal” of the Memory of the Anti-Japanese War in China and its Impact on Relations between Beijing and Tokyo in the 90s of the 20th century]. In: *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China]. Moscow, Institute of Oriental Studies of RAS, 2022, vol. 52, pp. 341–370. (in Russ.)
- Streltsov D. V.** Identichnosti Rossii i Japonii v poslevoennyyj period (1945–1991 gg.) [Identities of Russia and Japan in the Post-War Period (1945–1991)]. *Japonija. Ezhegodnik [Japan. Yearbook]*. Moscow, AIRO-XXI, 2016, pp. 337–352. (in Russ.)
- Streltsov D. V.** “Shoki Niksona” i ikh posledstviya dlya yaponskoi diplomati [The “Nixon Shocks” and their Consequences for Japanese Diplomacy]. *Vostok (Oriens) [East (Oriens)]*, 2019, no. 2, pp. 158–171. (in Russ.) DOI 10.31857/S086919080004622-1

Информация об авторе

Полина Викторовна Кульнева, кандидат экономических наук

Scopus Author ID 57220926131

WoS Researcher ID IZE-0406-2023

RSCI Author ID 588263

SPIN 8636-6425

Information about the Author

Polina V. Kulneva, Candidate of Sciences (Economics)

Scopus Author ID 57220926131

WoS Researcher ID IZE-0406-2023

RSCI Author ID 588263

SPIN 8636-6425

*Статья поступила в редакцию 13.06.2023;
одобрена после рецензирования 13.09.2023; принята к публикации 09.10.2023
The article was submitted on 13.06.2023;
approved after review on 13.09.2023; accepted for publication on 09.10.2023*

Научная статья

УДК 327.5+339.96

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-113-121

Brotherly Support: Economic Aid to Vietnam during the American War (1954–1975)

Luong Thi Hong

Institute of History, Vietnam Academy of Social Sciences

Hanoi, Vietnam

hongflower@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8806-6191>

Abstract

During the wars to gain independence, the Democratic Republic of Vietnam (DRV) had a wide range of support from socialist countries. Due to the global conflict of the Cold War, the assistance from the socialist bloc not only came from the special relationship between Vietnam and this camp but also reflected complex international relations. This paper draws on documents tapped from collections of the Prime Minister's Office which contains important memorandums exchanged between the Prime Minister's office, the Vice Prime Minister, and the Foreign Trade Ministry. Based on these documents and Vietnam's position at the centre of the confrontation between the East and the West, this article shows the tremendous economic aid that was received for the national salvation of the Vietnamese people from the Soviet Union and China during the anti-American resistance war. The article also reveals cracks within the communist camp, even though these socialist countries were seen as a solidary bloc and had a shared ideology. In the context of the Cold War with the East-West confrontation, and the fractured relations between countries in the communist bloc, the DRV always received support from both the Soviet Union and China. Perhaps it was rare for two rival countries to jointly provide aid to a third country, like the relationship between Vietnam-China-the Soviet Union during this period.

Keywords

The Soviet Union, China, Cold War, Economic Aid, Vietnam War

For citation

Luong Thi Hong. Brotherly Support: Economic Aid to Vietnam during the American War (1954–1975). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 10: Oriental Studies, pp. 113–121. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-113-121

Братская поддержка: экономическая помощь Вьетнаму во время Американской войны (1954–1975)

Луонг Тхи Хонг

Институт истории Вьетнамской академии общественных наук

Ханой, Вьетнам

hongflower@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8806-6191>

Аннотация

Война сопротивления вьетнамского народа против США за спасение Родины продолжалась 21 год (1954–1975) и отличалась масштабностью, чрезвычайно ожесточенным характером и интенсивностью. Вьетнаму пришлось противостоять противнику, имеющему во много раз больший экономический и военный потенциал. В ходе этой борьбы Вьетнам получал помощь от социалистических стран как в военном, так и в экономическом плане. На основе документов, привлеченных из архива канцелярии премьер-министра Вьетнама, в ста-

© Luong Thi Hong, 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10: Востоковедение. С. 113–121
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 10: Oriental Studies, pp. 113–121

тье обосновываются следующие положения: во-первых, Вьетнам получил огромную экономическую помощь от Советского Союза и социалистических стран в Войне сопротивления против Америки. Помощь социалистических стран, оказанная в особенно важные моменты Войны сопротивления, укрепила Вьетнам и помогла ему создать значительные силы в борьбе за национальное объединение. Во-вторых, из-за глобального конфликта времен Холодной войны поддержка социалистического блока исходила не только из особых отношений между Вьетнамом и этой группой стран, но и отражала сложные международные отношения. Вьетнам получал наибольшую помощь тогда, когда военное присутствие США во Вьетнаме являлось максимальным. В-третьих, в группе социалистических стран возникли противоречия, хотя они и считались единым блоком и разделяли общую идеологию. Однако в таком сложном контексте Вьетнам весьма успешно строил международные отношения, чтобы получить наибольшую помощь от других стран. В истории редко бывает, чтобы две противоборствующие страны оказывали помощь третьей, как, например, было в отношениях между Вьетнамом, Китаем и Советским Союзом с 1954 по 1975 г. Это укрепило вьетнамский народ в борьбе и привело его к победе в Войне сопротивления против Америки и к спасению своей Родины.

Ключевые слова

Советский Союз, Китай, холодная война, экономическая помощь, война во Вьетнаме

Для цитирования

Luong Thi Hong. Brotherly Support: Economic Aid to Vietnam during the American War (1954–1975) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10: Востоковедение. С. 113–121. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-113-121

Introduction

The history of the American War (1954–1975)¹ was the dominant research topic on the relationship between Vietnam and its allies, especially the Union of Soviet Socialist Republics (USSR) and the People's Republic of China (PRC), which were “elder brothers” of the socialist bloc. There is a substantial volume of studies on Cold War history examining relations between the Democratic Republic of Vietnam (DRV) and the USSR as well as the PRC in English, Chinese, Russian, and Vietnamese. Based on Chinese documents, Zhai Qiang argued that the Chinese aid to Vietnam was a result of Mao's theory to weaken the influence of the United States of America (US) and the USSR in Southeast Asia [Zhai Qiang, 2000]. The opening of Soviet archives led to an examination of Moscow's aid to Hanoi from the Soviet leaders' perspective. Russian historian I. V. Gaiduk used Soviet party archival documents to show that the USSR sought to strengthen its position in Southeast Asia by providing its allies in Hanoi with substantial aid while worrying about the breakdown of détente [Gaiduk, 1996; 2003]. M. Olsen also argued that Moscow provided the DRV government “with the necessary assistance to strengthen the democratic system” [Olsen, 2006]. Ang Cheng Guan, Nguyen Lien-Hang, and P. Asselin draw on Vietnamese archival materials to examine the internal and external affairs of Hanoi's leaders [Ang Cheng Guan, 1997; 2002; Nguyen Lien-Hang, 2012; Asselin, 2002; 2013; 2018]. Also, Nguyen Thi Mai Hoa and Pham Quang Minh are leading Vietnamese historians who put Vietnam in the triangle relationship between the USSR and PRC to consider the war in the context of a global confrontation [Nguyen Thi Mai Hoa, 2013; Pham Quang Minh, 2015]. There are excellent studies written on Soviet and Chinese military aid to Vietnam during the American War, however, it seems that the topic of economic support received less attention in these papers.

Drawing on materials from the Vietnamese National Archives, which contain important memoranda exchanged between the Prime Minister's office, the Vice Prime Minister, and the Foreign Trade Ministry, as well as reports and recommendations during negotiations and meetings between Vietnamese officials and leaders of other socialist countries, this paper examines economic aid from the socialist countries to the DRV during the entire period of the American War (1954–1975). From these analyses, this article shows that economic aid from the USSR and PRC was a strategic calculation that communist superpowers used to contend with the US during the Vietnam War.

¹ The period from 1954 to 1975 in Vietnamese history has been described in various terms by scholars. In Vietnam, the war has been called the “Anti-American Resistance for National Salvation”, “the Second Indochina War”, “the American War”. And the Americans have always known it as “the Vietnam War”. For this paper, I will use the term “the American War”.

Hanoi's diplomatic strategy to attract more allies' aid

The establishment of a diplomatic relationship between Vietnam and other socialist countries in 1950 opened the door to economic contacts². Soviet aid streamed into Vietnam after Ho Chi Minh made a formal request [Vietnamese Communist Party, 2001, p. 11]. From 1950 to 1954, Vietnam received 21,517 tonnes of commodities valuing approximately 54 million rubles from the USSR and PRC, mostly Soviet weapons [Nguyen Thi Mai Hoa, 2013, p. 72]. It is noticeable that before 1954, there was no official economic aid agreement between the USSR, PRC, and Vietnam.

Immediately after the Resistance War against French colonialism, Vietnam had to cope with many challenges, and risk massive starvation in North Vietnam [Ho Chi Minh, 2011, p. 273]. The Hanoi authorities had only ten years to recover and heal the wounds of the first Indochina War. At the end of 1964, US forces started to expand their air and naval raiding operations against North Vietnam.

During the three years of Operation Rolling Thunder (1965–1968), the US Air Force used aircrafts to hit targets in North Vietnam. It was estimated that about 30,000 tonnes of bombs were dropped on North Vietnam in 1965, and this number increased to 255,000 tonnes in 1966 before reaching a peak of 352,000 tonnes in 1967³. During the period of 1965–1968, the US Air Force bombarded almost all towns in the North, of which 12 provincial towns and 52 townlets were utterly demolished. The Americans released more than one million tonnes of bombs on North Vietnam, i.e., double the amount of bombs they had used in the whole Pacific battle during the Second World War. Within those years, on average, each square kilometre of North Vietnam was forced to withstand 7 tonnes of bombs; around 50 kilograms per inhabitant. Significantly, just in two weeks at the end of 1972, during the Christmas bombing, the US Air Force dropped over 36,000 tonnes of bombs, surpassing the tonnage dropped during the entire period of 1969–1971, leading to the deaths of thousands of innocent inhabitants [Vietnam General Statistics Office, 2004, p. 243].

The US bombardments caused severe consequences for North Vietnam. Many factories, industrial bases, hospitals, and schools were destroyed. The economy of the North suffered heavy losses. The devastation of the US bombardment led to a massive demand for resources for the Vietnamese economy, along with necessary goods for its inhabitants. Therefore, Hanoi's government depended much more on foreign aid to sustain its economy. For the DRV, the requirements for economic construction and development in the North as well as providing resources for the struggle in the South were set as pivotal goals for the Vietnamese Workers' Party (VWP). In order to cope with a potential enemy with greater economic and military strength, the DRV aimed to concentrate on domestic resources as well as call for economic aid to Vietnam from other socialist countries. This task was considered "an indispensable condition for the national construction and final victory for the unification of our country" [Vietnamese Communist Party, 2002a, p. 794]. The DRV mainly focused on strengthening "friendly solidarity with the USSR, PRC, and other socialist countries"⁴ to gain more support for their national building in the North as well as the military forces in the South. In 1955, the first year after the North was peaceful, Ho Chi Minh directly led a state-level Vietnamese delegation to visit the USSR, PRC, and Mongolia to seek support from these countries. In April 1965, the first VWP Secretary Le Duan led a high-ranking delegation of the VWP to the

² People's Republic of China (19/1/1950), Union of Soviet Socialist Republics (30/1/1950), Democratic People's Republic of Korea (31/1/1950), Czechoslovak Socialist Republic (2/2/1950), Polish People's Republic (5/2/1950), Hungarian People's Republic (5/2/1950), People's Republic of Bulgaria (8/2/1950), People's Socialist Republic of Albania (13/2/1950), Socialist Federal Republic of Yugoslavia (21/2/1950), see Vietnam National Archive Centre No.3, Prime Minister Folder, File 1777.

³ Prime Minister's Office. File 14731. Báo cáo tổng kết công tác phòng không nhân dân trong 3 năm 1965–1967 của các cơ quan Trung ương [Report of Central government agencies on the air defence in three years (1965–1967)], preserved at the National Archive No. 3, Hanoi, Vietnam. (in Viet.).

⁴ Prime Minister's Office. File 8058. Báo cáo của Phó Thủ tướng Lê Thanh Nghị về việc gặp các đồng chí lãnh đạo Đảng và Nhà nước 8 nước XHCN năm 1965 [Report of Deputy Prime Minister Le Thanh Nghi on meetings with Party and State leaders of eight socialist countries in 1965], preserved at the National Archive no. 3, Hanoi, Vietnam. (in Viet.).

USSR. The visit achieved great results beyond the Vietnamese leaders' expectations. Many economic aid agreements during this period were signed⁵. In its official statements, the VWP always highlighted “*strengthening brotherhood with the Soviet Union, China, and other socialist countries*” [Vietnamese Communist Party, 2002a, p. 786]. The Vietnamese government's foreign policies focused on “contributing to strengthening the Soviet Socialist Party's socialist forces, strengthening unity, and consolidating of friendship. Had nothing shifted Vietnam and other socialist countries relationship” [Vietnamese Communist Party, 2002b, p. 103].

Quantities and composition of assistance

Economic assistance from socialist countries to the DRV during the period of 1954–1975 took two forms: grants and loans. The first type was free, and the Vietnam government did not have to return the money or equipment provided by socialist countries to Hanoi. The loans were long-term borrowings at low interest.

According to documents from Vietnamese archives, Vietnam received tremendous economic aid from socialist countries. According to data compiled from the Collection of the Vietnamese Prime Minister's Office, from 1955 to 1973, these countries provided Vietnam with a total capital of 5,000 million rubles, of which 2,930 million were non-refundable aid and 2,070 million were long-term loans without interest. The amount of 1,430 million rubles in loans was forgiven in 1973. Therefore, the remaining debt was only 640 million rubles, including 227 million rubles and 300 million *renminbi* borrowed from the PRC during the first five-year plan (1961–1965). Among the 5,000 million rubles of economic aid, 1,500 million rubles was used to buy equipment and build nearly 900 factories and infrastructure for other economic sectors⁶. The remaining amount (3,500 million rubles) and capital from exporting local products (about 1,080 million rubles) were used to import raw materials, extras, vehicles, food, clothing, and other essential consumer goods.

Table 1
Communist economic assistance, 1955–1974 (in Mill. Rubles)⁷

Countries	Total	Grants	Loans
	5749	4844	950
Soviet Union	1831	1365	466
China	2872	2577	295
Others	1091	902	189

In terms of the Soviet Union, across all years from 1955 to 1971, the USSR provided a non-refundable aid of 213 million rubles and a long-term loan of 1,000 million rubles to Vietnam. The amount of 1,213 million rubles was spent on importing equipment (445 million rubles for imported

⁵ Prime Minister's Office. File 1622. BẢN TUYÊN BỐ CHUNG VIỆT NAM – LIÊN XÔ NGÀY 17-4-1965 [The joint declaration between Vietnam and the Soviet Union on 17 April 1965], preserved at the National Archive No. 3, Hanoi, Vietnam. (in Viet.).

⁶ Prime Minister's Office. File 8996. Báo cáo của Văn phòng PTT về quan hệ kinh tế và khoa học kỹ thuật giữa nước ta và nước ngoài từ 1955–1973 [Report of the Deputy Prime Minister's Office on the Economic and Technical relationship between Vietnam and foreign countries from 1955 to 1973], preserved at the National Archive no. 3, Hanoi, Vietnam. (in Viet.).

⁷ State Planning Committee. File 18025. Báo cáo tình hình quan hệ kinh tế của Việt Nam với các nước từ năm 1955 đến 1974 và phương hướng phát triển quan hệ hợp tác kinh tế với các nước trong những năm tới của Vụ Hợp tác kinh tế – Ủy ban Kế hoạch Nhà nước [Situation of economic relations between Vietnam and foreign countries from 1955 to 1974], preserved at the National Archive no. 3, Hanoi, Vietnam. (in Viet.).

raw materials and food and 768 million rubles for other consumer goods)⁸. The number of grants and loans from the USSR was divided into the following periods:

- From 1955–1960: 123 million rubles (90 million in grants and 33 million in long-term loans).
- From 1961–1965: 195 million rubles (6 million in grants and 189 million in long-term loans).
- From 1966–1969: 594 million rubles (114 million in grants and 480 million rubles in long-term loans).
- From 1970–1971: 301 million rubles (3 million in grants and 298 million in long-term loans)

The USSR mainly provided agricultural machinery, mineral fertilisers, lubricants, fuels, and other materials. Between 1965–1967, about 70 % of Soviet economic aid to Vietnam was for the development of industrial bases, of which 30 % was for the construction of power plants as well as for developing the energy industry. In June 1971, Vietnam suffered a terrible flood that engulfed more than 5,000 hectares of land. In an urgent situation, Prime Minister Pham Van Dong asked the Soviet government for help. Responding to Vietnam's request, the Soviet government sent Vietnam 30 tonnes of aid including milk, blankets, clothing, tents, medicine, and wheat⁹. After that, in 1972, the USSR provided 239.5 million rubles to Vietnam¹⁰.

In terms of the PRC, across all years from 1955 to 1971, Chinese aid to North Vietnam was valued at 1,775 million rubles, of which the non-refundable aid amounted to 6,447 million *renminbi* and 10 million rubles, while 300 million *renminbi* and 227 million rubles were long-term loans without interest¹¹ [Prime Minister's Office, file 8964]. Compared with the total amount of economic aid from other countries to Vietnam (3,820 million rubles), the PRC accounted for 46% of the total (1,775 million rubles out of 3,820 million rubles), with 71 % being non-refundable aid (1,480 million rubles out of 2,080 million rubles). Only from 1955 to 1959 did the PRC provide the highest level of aid among communist countries, including 900 million *yuan*, of which 640 million *yuan* was economic aid. This amount of aid was “equal to the Vietnamese domestic revenue budget of the years 1955, 1956, and 1957”¹². Chinese aid mainly helped Vietnam restore the railway system, repair roads, and build textile factories and a paper mill. Chinese equipment played a crucial role in building infrastructure, developing industry, transportation, and communication systems. Particularly in the industrial sector, imported Chinese equipment provided facilities to restore, expand, and build hundreds of new factories and firms in northern Vietnam.

The communist economic aid to Vietnam was quite large and helped Vietnam deal with the urgent needs of each period, especially during the bloody war. Vietnam used these grants and loans to meet the demands of restoring and building economic development, in addition to spending part of it to pay trade deficits and logistics costs. The aid played a crucial role in building infrastructure, developing industries, transportation, and communications systems. Particularly in the industrial sector, equipment aid was used to restore, expand, and build hundreds of new factories in the North. From 1955 to 1961, economic aid contributed to the construction of more than 30 projects in the North such as the Sao Vang Rubber Factory, the Rang Dong Light Source and Vacuum Flask Fac-

⁸ Prime Minister's Office. File 8736. Báo cáo của Phó Thủ tướng về tình hình Liên Xô viện trợ kinh tế và kỹ thuật cho Việt Nam từ 1955–1971 [Report of the Deputy Prime Minister on the Soviet Union's economic and technical aid to Vietnam from 1955 to 1971], preserved at the National Archive no. 3, Hanoi, Vietnam. (in Viet.).

⁹ Prime Minister's Office. File 8735. Hồ sơ về việc hợp tác kinh tế với Liên Xô năm 1971 [Report on economic cooperation with the Soviet Union in 1971], preserved at the National Archive no. 3, Hanoi, Vietnam. (in Viet.).

¹⁰ Prime Minister's Office. File 8853. Báo cáo, thông báo của Phó Thủ tướng và Bộ Ngoại thương về kết quả đàm phán kinh tế năm 1972 với các nước xã hội chủ nghĩa [Report, Announcements of the Deputy Prime Minister and Ministry of Foreign Trade on the results of economic negotiations in 1972 with other socialist countries], preserved at the National Archive no. 3, Hanoi, Vietnam. (in Viet.).

¹¹ Prime Minister's Office. File 8964. Về việc Việt Nam nhận viện trợ kinh tế của Trung Quốc năm 1972 [Report on Chinese economic assistance to Vietnam in 1972], preserved at the National Archive no. 3, Hanoi, Vietnam. (in Viet.).

¹² Prime Minister's Office. File 8600. Báo cáo của Ủy ban kinh tế nhà nước về quan hệ kinh tế và hợp tác khoa học kỹ thuật với Trung Quốc từ năm 1955 đến năm 1970 [Report of the State Planning Committee on the Economic and Technical relationship between Vietnam and China from 1955 to 1970], preserved at the National Archive no. 3, Hanoi, Vietnam. (in Viet.).

tory, the Thai Nguyen Iron and Steel Factory, the Viet Tri Chemical Factory¹³. According to Vietnamese Prime Minister Phạm Văn Đồng, these projects played an important role in building up the initial material and technical foundation of socialism in Vietnam [Vietnamese Ministry of Foreign Affairs, 1985].

Features of economic aid

Starting with the First Indochina War, both the USSR and PRC assisted Vietnam in gaining Vietnamese independence. Then, during the American War, both the USSR and PRC continued to aid Vietnam against the US and its allies. However, the assistance of the USSR and PRC during this period took place in a new context, unlike the period of the First Indochina War. The spirit and attitude of the socialist countries that supported Vietnam had different characteristics. The trend of the economic assistance of the communist bloc, in general, was continuous. However, economic aid to North Vietnam fluctuated over time and depended on the relationship between the superpowers. When the American War became a large-scale war and the first US combat troops arrived in South Vietnam in 1965, both the USSR and PRC increased economic aid to Vietnam to express its position in the strategic battle with the US in the East-West confrontation. Thus, in the period 1965–1972, the level of intervention by the superpowers was pushed to the highest level. Therefore, the American War became increasingly fierce and imprinted on the East-West conflict, and the international character of the American War became more clearly visible. The US, Chinese and USSR's involvement in the Vietnam War reflected the complex relationship between the superpowers and had a profound impact on the nature and progress of the war.

Grants only reached their peak in the period of the First US Destructive War (1965–1968 with about 2,640 million rubles)¹⁴. Notably, the period in which Vietnam received the highest amount of economic aid was also the period in which US combat troops in Vietnam were at their highest level. The number of American forces in South Vietnam increased dramatically, from 184,300 soldiers in 1965 to 536,100 soldiers in 1968¹⁵. In the period between 1965–1968, the level of communist economic aid was pushed to its highest level, and the massive US bombardment was the basis for the DRV to receive more aid than in other stages of the war.

During other periods, the communist countries reduced the level of grants and switched to long-term loans¹⁶. By 1973–1975, socialist countries were oriented towards economic cooperation on the principle of mutual benefit and facilitated the repayment of loans.

Rifts within the communist bloc

The support and assistance from socialist countries for Vietnam during the American War (1954–1975) was great and undeniable. Both the PRC and USSR increased economic aid to Vietnam due to their concern about a rising security threat in Southeast Asia as well as their position in the strategic competition in the socialist bloc. However, because of the competition to win influence in the socialist bloc in general and Vietnam in particular, the USSR and PRC had policies and ac-

¹³ State Planning Committee. File 17478. Danh sách các công trình do các nước giúp xây dựng từ 1955–1961 [List of infrastructure built by foreign friendly countries], preserved at the National Archive no. 3, Hanoi, Vietnam. (in Viet.).

¹⁴ Prime Minister's Office. File 8996. Báo cáo của Văn phòng PTT về quan hệ kinh tế và khoa học kỹ thuật giữa nước ta và nước ngoài từ 1955–1973 [Report of the Deputy Prime Minister's Office on the Economic and Technical relationship between Vietnam and foreign countries from 1955 to 1973], preserved at the National Archive no. 3, Hanoi, Vietnam. (in Viet.).

¹⁵ The US. Dept of Defense Manpower Data Center. URL: <https://www.americanwarlibrary.com/vietnam/vwatl.htm> (accessed 10 April 2023).

¹⁶ Prime Minister's Office. File 8996. Báo cáo của Văn phòng PTT về quan hệ kinh tế và khoa học kỹ thuật giữa nước ta và nước ngoài từ 1955–1973 [Report of the Deputy Prime Minister's Office on the Economic and Technical relationship between Vietnam and foreign countries from 1955 to 1973], preserved at the National Archive no. 3, Hanoi, Vietnam. (in Viet.).

tions that led to cracks within this solidary bloc. Although both countries were in the socialist camp and helped Vietnam against the US, there were profound contradictions.

The USSR's assistance to Vietnam during the first phase of the war was characterised as 'an observation'. The Soviet leaders paid less attention to the role of the Vietnamese revolution in their global strategy, and they were following a détente policy with the US. The Vietnam War was not inevitable between the socialist and capitalist camps, and both camps could peacefully coexist with each other [Ang Cheng Guan, 2002, p. 15]. Moscow strongly advised the Vietnamese to focus on the political struggle for reunification [Olsen, 2006, p. 69]. Even the Kremlin was willing to go so far as to agree on the formalisation of the existence of two separate entities in Vietnam, which was the implication of the discussion over the admission of South Vietnam to the United Nations [Gaiduk, 2003, p. 84]. When US forces strengthened their military presence in Southeast Asia in 1965, Moscow restarted its Asian policy, considering Vietnam an important channel for the USSR to penetrate Southeast Asia and prevent not only the PRC but also US from expanding their influence. The USSR moved from being an "observer" to providing direct assistance. When the relationship with the PRC fell into a "death spot", the USSR always worried about the PRC's influence on Vietnam. The USSR criticised Vietnam for "the shadow of Beijing" over the Vietnam-Soviet relationship. In some talks with Vietnamese leaders, the USSR forced Hanoi to answer questions about Vietnam's agreements with the PRC and Chinese views on the American War. More or less, the USSR condemned Vietnam's unwillingness to share its war plan. Moscow believed that Hanoi deepened its viewpoints on the PRC and provided limited information to the USSR, just enough of their plans¹⁷. The USSR even threatened to cut off its assistance to Vietnam [Pham Quang Minh, 2009]. Although there were inconsistent views with Vietnam, in general, the USSR mainly discussed and seldom imposed or gave conditions. Disagreements between the USSR and Vietnam were not aggravated and stopped within limits.

Beijing's assistance was tied to what the US was doing in Southeast Asia. The view from Vietnamese archival materials shows Chinese shifts in support that coincided with Beijing's strategic calculation in dealing with the US in the global conflict. Although Vietnam, the USSR, and PRC were all in the socialist camp with shared ideology, there were profound contradictions in their assistance to Hanoi. The PRC condemned the Soviets for not fully aiding Vietnam. In 1965, during a meeting with the Vietnamese Prime Minister Le Thanh Nghi, Chinese leaders even pointed out that the Soviets supported Indonesia, India, and Egypt much more than Vietnam¹⁸. Up until the signal of the Sino-US rapprochement, suspicions and rifts between Hanoi and Beijing were becoming clearer. It was believed that the trips by H. Kissinger and R. Nixon to Beijing in 1971 and 1972 were evidence of Chinese attempts to use the Vietnam issue to improve Sino-US relations [Westad et al, 1998, p. 63]. After Kissinger's trip to the PRC for the second time in November 1971, Vietnamese Prime Minister Pham Van Dong suggested Mao Zedong cancel Nixon's visit to the PRC [Zhai Qiang, 2000, p. 198]. Of course, the offer was not accepted. Between 21 and 28 February 1972, President R. Nixon officially visited the PRC and held talks with Chinese leaders. When the PRC informed Vietnam that the Vietnam issue could be discussed during Nixon's visit, the Vietnamese leaders reacted angrily: "Vietnam is our country, comrades do not have the right to discuss with the US on the issue of Vietnam, comrades have acknowledged the mistakes of 1954, thus the comrades should not make mistakes again" [Zhai Qiang, 2000, p. 200]. On 4th March 1972, just a few days after President Nixon's visit to the PRC, Premier Zhou Enlai arrived in Hanoi to update the leaders of the VWP on the talks with the US President and explain that the PRC did not "sell" Vietnam cheaply [Connolly, 2005]. However, these efforts failed to regain Vietnam's trust in the PRC. Leaders in Hanoi believed that they were betrayed by the PRC. During the war, although that

¹⁷ Prime Minister's Office. File 8058. Báo cáo của Phó Thủ tướng Lê Thanh Nghi về việc gặp các đồng chí lãnh đạo Đảng và Nhà nước 8 nước XHCN năm 1965 [Report of Deputy Prime Minister Le Thanh Nghi on meetings with Party and State leaders of eight socialist countries in 1965], preserved at the National Archive no. 3, Hanoi, Vietnam. (in Viet.).

¹⁸ Ibid.

conflict was not enough to break out the relationship between the two countries, it also sowed the seeds of uncertainty in the later period.

Conclusion

This paper has shown USSR and Chinese economic aid to the DRV during the American War. It is necessary to affirm that the DRV always received economic aid from the socialist bloc during all periods. This fact proves that providing assistance to the Vietnamese people was a consistent foreign policy of these socialist countries. However, during each period, the level of Chinese and Soviet economic aid differed. During the first phase of the American War (1954–1965), communist economic aid focused on long-term loans aimed at reconstruction in the North. But when the war became a large-scale war and US combat troops arrived in South Vietnam in 1965, both the USSR and PRC increased economic grants to Vietnam to express their position in the strategic battle with the US in the East-West confrontation. While the US and its allies intensified the war in the South and escalated the bombardment in the North, the Vietnamese people continuously received massive economic aid from the USSR and PRC. The assistance from socialist countries during this period not only solved financial difficulties for the Vietnamese government and met the daily demands of its people but also supported Vietnam in building many factories, industrial bases, schools, and hospitals. Along with military assistance, the technical and economic aid of communist countries contributed to the Vietnamese victory during the resistance war against the US. This contribution to the Vietnamese final victory in the war was undeniable. However, the assistance to Vietnam also pointed out the cracks between these countries. Although they were in the socialist camp with shared ideology, there were profound internal rifts, which were indicators of a future broken relationship.

References

- Ang Cheng Guan.** Vietnamese Communists' Relations with China and the Second Indochina Conflict 1956–1962. Jefferson, North Carolina, and London, McFarland & Company, Inc., Publishers, 1997, 321 p.
- Ang Cheng Guan.** The Vietnam War from the Other Side: The Vietnamese Communists' Perspective. New York, Routledge Curzon, 2002, 193 p.
- Asselin P.** Bitter Peace: Washington, Hanoi, and the Making of the Paris Agreement. Chapel Hill, Uni. of North Carolina Press, 2002, 296 p.
- Asselin P.** Hanoi's Road to the Vietnam War, 1954–1965. Oakland, Uni. of California Press, 2013, 352 p.
- Asselin P.** Vietnam's American War: A History. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2018, 283 p.
- Connolly C.** The American Factor: Sino-American Rapprochement and Chinese Attitudes to the Vietnam War, 1968–72. *Cold War History*, 2005, vol. 5, no. 4, pp. 501–527. DOI 10.1080/14682740500284887
- Gaiduk I. V.** The Soviet Union and the Vietnam War. Chicago, Ivan. R. Dee, 1996, 299 p.
- Gaiduk I. V.** Confronting Vietnam: Soviet Policy toward the Indochina conflict, 1954–1963. California, Stanford Uni. Press, 2003, 296 p.
- Ho Chi Minh.** Báo cáo tại Hội nghị chính trị đặc biệt, ngày 27/3/1964 [Political Report, speech at the special Party Congress dated March 27, 1964]. In: Hồ Chí Minh toàn tập. [Complete works by Ho Chi Minh], Vol 14 (1963–1965), 3rd ed. Hanoi, National Political Publ., 2011, 822 p. (in Viet.).
- Nguyen Lien-Hang T.** Hanoi's War: An International History of the War for Peace in Vietnam. Chapel Hill, The Uni. of North Carolina Press, 2012, 464 p.

- Nguyen Thi Mai Hoa.** Các nước xã hội chủ nghĩa ủng hộ Việt Nam kháng chiến chống Mỹ, cứu nước [Socialist countries' support to Vietnam in anti-American war of resistance for national salvation (1954–1975)]. Hanoi, National Political Publ., 2013, 417 p. (in Viet.)
- Olsen M.** Soviet-Vietnam Relations and the Role of China, 1949–64: Changing alliances. London and New York, Routledge, 2006, 201 p.
- Pham Quang Minh.** In the crossfire: Vietnam's relations with China and Soviet Union during the Vietnam War (1965–1972). *VNU Journal of Science, Social and Humanities* 2009, vol. 25, no. 5E, pp. 24–36.
- Pham Quang Minh.** Quan hệ tam giác Việt Nam-Liên Xô-Trung Quốc trong cuộc kháng chiến chống Mỹ (1954–1975) [The Triangular Relations between Vietnam, the Soviet Union, and China in the anti-American Resistance Period, 1954–1975]. Hanoi, National Uni. Press, 2015, 347 p. (in Viet.)
- Vietnam General Statistics Office. Số liệu thống kê Việt Nam trong thế kỷ XX [Vietnam statistical data in the 20th century]. Hanoi, Statistical Publishing House, 2004, vol. 1, 1134 p. (in Viet.)
- Vietnamese Communist Party. Văn kiện Đảng toàn tập [Party Documents – Complete Series]. Hanoi, National Political Publ., 2001, vol. 11 (1950), 736 p. (in Viet.)
- Vietnamese Communist Party. Văn kiện Đảng toàn tập [Party Documents – Complete Series]. Hanoi, National Political Publ., 2002a, vol.18 (1957), 997 p. (in Viet.)
- Vietnamese Communist Party. Văn kiện Đảng toàn tập [Party Documents – Complete Series]. Hanoi, National Political Publ., 2002b, vol. 22 (1961), 817 p. (in Viet.)
- Vietnamese Ministry of Foreign Affairs, Department of the Soviet Union. Về quan hệ Việt – Xô trong giai đoạn chống Mỹ cứu nước từ tháng 7/1954 đến tháng 4/1975 [On Vietnam-Soviet Union Relations during the period of Anti-American Resistance for country salvation from July 1954 to April 1975]. Hanoi, Ministry of Foreign Affairs, 1985, 70 p. (in Viet.)
- Westad O. A. et al.** 77 Conversations between Chinese and Foreign Leaders on the Wars in Indochina, 1964–1977, eds. Odd Arne Westad, Chen Jian, Stein Tonnesson, Nguyen Vu Tung, and James G. Hershberg. Washington, Woodrow Wilson Center, Cold War International History Project Working Paper, 1998, no. 22, 196 p.
- Zhai Qiang.** China and the Vietnam wars, 1950–1975. Chapel Hill, NC and London: The Uni. of North Carolina Press, 2000, 304 p.

Information about the Author

Luong Thi Hong, PhD (History)

Информация об авторе

Люонг Тхи Хонг, PhD (История)

*The article was submitted on 31.08.2023;
approved after review on 12.09.2023; accepted for publication on 10.10.2023*
*Статья поступила в редакцию 31.08.2023;
одобрена после рецензирования 12.09.2023; принята к публикации 10.10.2023*

Научная статья

УДК 94 / 327

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-122-131

China-US Strategic Competition in the Lower Mekong Region and Vietnam's Position

Tran Ngoc Dung

Ho Chi Minh National Academy of Politics

Hanoi, Vietnam

tranngocdung.hcma@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9631-1097>

Abstract

Recently, both China and the United States of America (US) have started focusing more on settling influence in the Lower Mekong region in the general context of global China-US competition. Although they have different connecting approaches, both superpowers focus on establishing and maintaining their influence in the strategic geo-political area in Southeast Asia and Asia. Their activities in the Lower Mekong region are more noticeable since the 2010s when Xi Jinping came to power in China and the US conducted the “Pivot to Asia” and “Free and Open Indo-Pacific” policies. Their competition therefore raises difficult tasks for Cambodia, Laos, Myanmar, Thailand and Vietnam (CLMTV) to keep neutrality, and protect their national sovereignty and the regional sustainable development. As the China-US competition in the Lower Mekong region is remarkable and profoundly influential to the development of regional countries, both academic scholars and policy makers pay attention to this subject. This paper focuses on evaluating the recent competition between China and the US in CLMTV and Vietnam's adaptations to maintain its sovereignty, security and neutrality in the great-power competition, especially since Vietnam established a Comprehensive Strategic Partnership with both China (2008) and the US (2023).

Keywords

The Lower Mekong region, China-US competition, regional influence, Vietnam's diplomacy

For citation

Tran Ngoc Dung. China-US Strategic Competition in the Lower Mekong Region and Vietnam's Position. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 10: Oriental Studies, pp. 122–131. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-122-131

Стратегическое соперничество Китая и США в районе Нижнего Меконга и позиция Вьетнама

Чан Нгок Зунг

Национальная академия политики им. Хо Ши Мина
Ханой, Вьетнам.

tranngocdung.hcma@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9631-1097>

Аннотация

Соперничество между Китаем и США в районе Нижнего Меконга особенно заметно в последние годы, поскольку обе сверхдержавы рассматривают его как важную геополитическую часть спорного Индо-Тихоокеанского региона. Обе сверхдержавы стремятся установить свое всестороннее экономическое, политическое, дипломатическое и культурное влияние на страны региона. Что касается Китая, то его очевидной попыткой является создание Ланцзянг-Меконгского сотрудничества (LMC) в 2016 г., в то время как США создали Инициативу Нижнего Меконга (LMI) в 2009 г., а теперь и Партнерство Меконг-США (MUSP), чтобы усилить

© Tran Ngoc Dung, 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10: Востоковедение. С. 122–131
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 10: Oriental Studies, pp. 122–131

свое влияние в регионе путем содействия стабильности, миру, процветанию и устойчивому развитию. Борьба двух сверхдержав создала серьезную проблему для пяти стран региона (Мьянмы, Лаоса, Камбоджи, Вьетнама и Таиланда) по поддержанию своего суверенитета, безопасности и нейтралитета. И Китай, и США являются важными торговыми и дипломатическими партнерами стран региона, а Китай граничит или является близким соседом со странами Юго-Восточной Азии. Данная статья призвана проанализировать соперничество Китая и США в районе Нижнего Меконга начиная с 2010-х гг. и оценить, как оно влияют на страны региона в последнее время. В статье также изучена позиция Вьетнама в контексте китайско-американских отношений с целью сбалансировать и нейтрализовать соперничество великих держав. Интересно, что в то время как в 2008 г. Вьетнам и Китай стали Всеобъемлющими стратегическими партнерами в соответствии с принципом «16 слов» и духом «четырех благ», 9 сентября 2023 г. Вьетнам и США объявили о Всеобъемлющем стратегическом партнерстве во имя мира, сотрудничества и устойчивого развития. Поскольку и Китай, и США являются всеобъемлющими стратегическими партнерами Вьетнама, правительство Ханоя стремится сохранить нейтралитет и сотрудничество с обеими сверхдержавами для устойчивого развития.

Ключевые слова

район Нижнего Меконга, соперничество Китая и США, региональное влияние, дипломатия Вьетнама

Для цитирования

Tran Ngoc Dung. China-US Strategic Competition in the Lower Mekong Region and Vietnam's Position // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10: Востоковедение. С. 122–131. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-122-131

Introduction

The Lower Mekong region comprises Cambodia, Laos, Myanmar, Thailand and Vietnam (CLMTV). This region has played an increasingly important role in Southeast Asia; a competitive area for many powers since the end of the 20th century. The strategic competition between China and the US is increasing, especially after Xi Jinping changed China's neighbourhood policy and the US proposed the Free and Open Indo-Pacific (FOIP). Both of them are seeking to expand their influence in the Indo-Pacific region and CLMTV is one of the key points for competition. Their competition in the Lower Mekong creates both advantages and difficulties for regional countries. This subject has therefore drawn much attention from international scholars and policy makers with various perspectives. This article summarizes the process that the two superpowers have recently undergone to create influence and compete in CLMTV and its impacts on regional countries by viewing both their primary plans and previous research about this subject. Beyond that, this paper views Vietnam's policy and responses to the China-US competition there to maintain neutrality, sovereignty and opportunities to exploit both the US and China's sources to develop. Interestingly, Vietnam created a Comprehensive Strategic Partnership with both China and the US to cooperate with both superpowers and to avoid depending on any one country in the great-power competition.

Expansion of China's influence in the Lower Mekong region

China tried to create influence on CLMTV from the 1990s by involving in and cooperating with the Mekong River Commission (MRC) and the Greater Mekong Subregion (GMS). China wanted to affirm its role in both politics and diplomacy there, while taking advantage of CLMTV's natural and labour resources to develop the Chinese domestic economy [Nguyen, Nguyen, 2018, p. 98–100]. Unlike the US with its ideas about democracy, human rights, good governance, and the rule of law in creating a relation with CLMTV, China applied advanced pragmatism-oriented diplomacy via both bilateral relations and multilateral forums [Hidetaka, 2015, p. 176].

China's investment in and influence on CLMTV in the early 21st century was more prominent than that of the US. China paid 7.2 billion USD for the railway project connecting Vientiane with China and a non-refundable investment of 30 million USD to help Laos to build a highway [Lim, 2008, p. 41; Truong, 2014, p. 163]. China provided 27.2 % of the capital for the GMS (1994–2007), which was increased to 32.2 % (2008–2012). In comparison, the US had almost no commensurate investment and cooperation in CLMTV during that period [Menon, Melendez, 2011, p. 22]. Trade with China increased from 6.3 % of CLMTV's exportation in 2000 to 14 % in 2009 [Srivastava,

Kumar, 2012, p. 20]. Through its economic cooperation, China partly exerted political influence there. For example, in 2011 while most Southeast Asian countries expressed concern about the security in the South China Sea, Cambodia and Myanmar did not share the Association of Southeast Asian Nations' (ASEAN) concerns. In 2012, when Vietnam and the Philippines wanted China to respect their economic sovereignty in the South China Sea, Cambodia thought that this could strain relations with China.

Between 2010 and 2020, China's influence in CLMTV enormously improved. The three issues affecting China's policy in CLMTV were: 1) the impact of tariffs, 2) pressure from non-traditional issues, 3) China's ambition for a more comprehensive role as a superpower that could decide major regional and international issues [Guangsheng, 2016, p. 4–6]. Beijing considered CLMTV as a “new front for China-US rivalry in Southeast Asia”¹ and therefore, China's diplomacy there was more urgent. The founding of Lancang-Mekong Cooperation (LMC) in 2016 was a typical example of China's increasing influence there. The LMC conducted 78 infrastructure projects with 5 top priority issues: production capacity, cross-border economic cooperation, water resource management, poverty reduction and connectivity [Brilingaite, 2017, p. 15–16]. The LMC aimed to solve problems such as China's role in the MRC or the GMS' lack of political and social elements [Guangsheng, 2016, p. 4–5]. The LMC provided China with two advantages in controlling and influencing CLMTV: 1) a way to exchange and directly connect CLMTV with China's development and security, 2) bringing CLMTV into China's chain of influence through various initiatives.

China created substantial economic influence in CLMTV through a “full spectrum of two-way trade, multi-modal connectivity, tourism, investment, development aid and infrastructure financing” [Hoang, 2023, p. 11]. Despite the COVID-19 pandemic, China-CLMTV trade reached 416.7 billion USD in 2022, around 5 % higher than that in 2021². More specifically, China-Cambodia trade obtained 11.1 billion USD in 2021, and 11.64 billion USD in 2022. China became Cambodia's biggest export in 2022 [Vannarith, 2023, p. 3]. Although the US is Thailand's great friend, China is its number-one partner of economic benefit as the two-way trade increased from 82 billion USD (2020), to 107.3 billion USD (2021). From 1995 to 2021, Thailand's exports to China increased 20.7 times³. Laos-China trade was not as noticeable as that of other countries but it increased to 4.15 billion USD in 2021, and since 1989 to the present, China has around 815 projects in Laos valued at 16 billion USD [Lin, 2023, p. 9]. China also played a key role in investing in Thailand, Cambodia, Laos, Myanmar [The ASEAN Secretariat, 2022, p. 14–15], which could help China to obtain more power in those countries.

China built hydroelectric dams on the Mekong River to manage water and control other problems of CLMTV [Middleton, Allouche, 2016, p. 107]. China considered its sovereignty and jurisdiction over regional water resources and it has approached several ways to control water security in the region [Hoang, 2022, p. 3–4]. China considers water as a resource of Chinese soft power, and Beijing exploited the LMC as Sino-centric multilateralism to control regional water security, to raise its influence in the Lower Mekong. A total of 11 Chinese mainstream dams and 95 tributary dams have seriously affected the water resources, environment, and economy of CLMTV. In 2019 and 2020, rice production of Vietnam and Thailand seriously decreased due to lack of water and alluvium. It is predicted that by 2042, CLMTV will lose about 16 billion USD in the fisheries industry as a result of China's dams.

During the COVID-19 pandemic, China also tried to create more influence on CLMTV using soft power. Beside the “mask diplomacy”, at the 3rd LMC summit in 2020, China pledged to share

¹ Strangio S. (04.09.2020). US official attacks China's ‘Manipulation’ of the Mekong. The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2020/09/us-official-attacks-chinas-manipulation-of-the-mekong/> (accessed 05.07.2023).

² Vietnam News Agency (24.3.2023). Trade between Mekong countries, China reaches over 416 bln USD in 2022. Vietnam Plus. URL: <https://en.vietnamplus.vn/trade-between-mekong-countries-china-reaches-over-416-bln-usd-in-2022/250405.vnp> (accessed 04.08.2023).

³ OEC. Thailand-China. URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/tha/partner/chn?dynamicBilateralTradeSelector=year2021> (accessed 02.05.2023).

vaccines and medical experts with CLMTV, making it an important and potential political tool to enhance Chinese power there. CLMTV is believed to be one of the most vulnerable regions due to the COVID-19 pandemic and apart from Vietnam, other regional countries were receptive to China's COVID-19 diplomacy [Vannarith, 2021, p. 3–4].

Competitive activities of the US in the Lower Mekong region

The US was later than China in creating influence in the Lower Mekong, and tried to put this region in the context of Chinese-US competition and its "Pivot to Asia" in response to China's influence expansion. In 2009, the US and Cambodia, Laos, Thailand and Vietnam (Myanmar joined in 2012) agreed to cooperate in the Lower Mekong Initiative (LMI) with four basic pillars: environment, health, education and infrastructure development. The US also built Friends of the Lower Mekong (FLM) to enhance its influence in the region by improving aid coordination, information sharing, and policy quality and effectiveness. Ministerial meetings between the US, CLMTV, Australia, Japan, Korea, New Zealand, and representatives of the European Union, the Asian Development Bank (ADB) and the World Bank (WB) were first held in July 2011.

Support of the US for CLMTV focuses on challenges in the transboundary environment and on sustainable development. The US aimed to develop Mekong standards based on cooperation in science, technology and environment. However, the actual US presence in CLMTV in the early 2010s remained unclear, even rather weak. It did not provide any development financial assistance for CLMTV under the ASEAN-Mekong Basin Development Cooperation (AMBDC) program. The US' direct investment in Laos and Cambodia was small and insignificant while investment in Vietnam was reduced from 3.3 billion USD (2009) to 52 million USD (2013). Washington primarily focused on highlighting the negatives of China's expansion policy without taking a multi-dimensional perspective for a more appropriate approach. Moreover, the US neglected ASEAN's role in dealing with CLMTV as the LMI did not invite ASEAN representatives to attend its meetings and did not accompany ASEAN's programs on the Mekong. Accordingly, the US could not erase the gap with CLMTV in this period.

Under President D. Trump, the US policy towards CLMTV changed and the China-US competition was more intensive. In 2018, the US Secretary of State, M. Pompeo reaffirmed that the LMI was key to promoting regional connectivity, economic cooperation, sustainable development and government stability⁴. The US pledged 45 million USD to support the LMI projects to improve living quality and sustainable environment. M. Pompeo stressed that the US was ready to protect CLMTV's sovereignty and security⁵. From 2009 to 2020, the US provided nearly 3.5 billion USD to support CLMTV. They included, in USD: 1.2 billion for health programs, 734 million for economic development, 616 million for peace and security, 527 million for human rights and governance, 175 million for education and social services, and 165 million for humanitarian assistance⁶.

In 2020, the US upgraded the LMI to the Mekong-US Partnership Initiative (MUSP), with the goals of upgrading connectivity, perfecting government and fundamental development in CLMTV, and demonstrating Washington's strategic competition with China there (fig. 1). The US and CLMTV expanded cooperation in economy, energy security, development and quality of life, transboundary water and resource management, and non-traditional security issues. Washington announced to guarantee at least 153 million USD for CLMTV in direct cooperation projects⁷. The US

⁴ Mekong-US Partnership (04.08.2018). 11th LMI Ministerial Joint Statement. URL: <https://mekonguspartnership.org/2018/08/04/11th-lmi-ministerial-joint-statement/> (accessed 07.05.2023).

⁵ US Department of State. Opening Remarks at the Lower Mekong Initiative Ministerial. URL: <https://2017-2021.state.gov/opening-remarks-at-the-lower-mekong-initiative-ministerial/> (accessed 13.04.2023).

⁶ US Mission to ASEAN (15.09.2020). Launch of the Mekong – US Partnership: Expanding US engagement with the Mekong Region. URL: <https://asean.usmission.gov/launch-of-the-mekong-u-s-partnership-expanding-u-s-engagement-with-the-mekong-region> (accessed 02.05.2023).

⁷ Strangjo S. (14.09.2020). How meaningful is the new US-Mekong Partnership?. The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2020/09/how-meaningful-is-the-new-us-mekong-partnership/> (accessed 04.06.2023).

intended to provide 52 million USD to cope with the COVID-19 pandemic in the region. Washington also provided a series of policy advisory forums to support policy makers and local communities for regional development⁸.

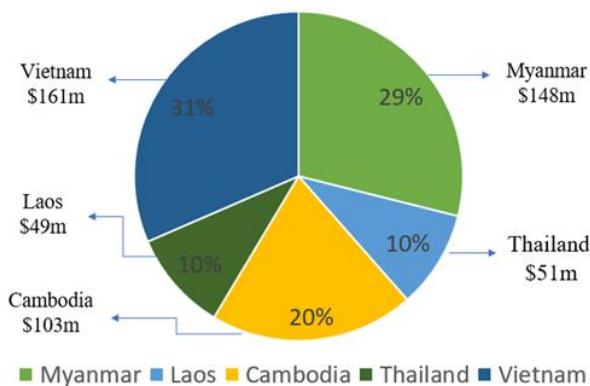

Fig. 1. US Foreign aid to the Lower Mekong countries.

As per: [Eyler, 2020, p. 16]

Рис. 1. Помощь США странам Нижнего Меконга.

По: [Eyler, 2020, p. 16]

Unlike Trump's government which chose to neglect ASEAN's role in enhancing relations with CLMTV, the US's policy under President J. Biden focuses more on ASEAN's contribution. Washington wanted to cooperate with ASEAN for "its efforts to deliver sustainable solutions to the region's most pressing challenges" [The White House, 2022, p. 9]. The US upgraded its relationship with ASEAN to a Comprehensive Strategic Partnership, and exploited ASEAN's mechanism and tools to engage deeply in CLMTV. In the ASEAN-US Special Summit 2022, the US mentioned its attempts to promote the "stability, peace, prosperity, and sustainable development of the Mekong sub-region" via MUSP and under other plans of the US with ASEAN with the goal of securing a "win-win" situation and of competing with China there⁹. However, Biden did not show any "pronounced interest in participating in any multilateral economic agreements" with CLMTV, and therefore the US could lose its position there [Stepanov, 2022, p. 1477]. The US launched a 2021–2023 MUSP plan to deal with four primary issues of economic connectivity, sustainable development, non-transitional security and human resource development¹⁰. Interestingly, Biden introduced the term "free and open Mekong"¹¹ to seek to "advance freedom and openness and offer autonomy and options" for the region [Hoang, 2023, p. 5].

The US attempted to raise its economic influence in CLMTV by both trade and investment. Trade between the US and CLMTV in 2018 reached 109 billion USD [Chu, 2020, p. 4], and nearly 117 billion USD in 2019 [Bui, 2021, p. 100–101]. CLMTV's exports to the US increased gradually and noticeably, in which Vietnam and Thailand were the two most important partners. In the period 2011–2018, Vietnam's exports to the US increased nearly three times, from 20 billion USD to 50.5 billion USD, and Thailand's raised from 27 billion USD to 36.2 billion USD. Vietnam became

⁸ US Mission to ASEAN (15.09.2020). Launch of the Mekong – US Partnership: Expanding US engagement with the Mekong Region. URL: <https://asean.usmission.gov/launch-of-the-mekong-u-s-partnership-expanding-u-s-engagement-with-the-mekong-region> (accessed 02.05.2023).

⁹ US Embassy & Consulate in Vietnam. ASEAN-U.S. Special Summit 2022, Joint Vision Statement. URL: <https://vn.usembassy.gov/asean-u-s-special-summit-2022-joint-vision-statement/> (accessed 03.08.2023).

¹⁰ Mekong-US Partnership (2021). Mekong-U.S. Partnership Plan of Action 2021–2023. URL: <https://mekonguspartnership.org/wp-content/uploads/2021/10/MUSP-Plan-of-Action-Public-Use.pdf> (accessed 06.07.2023).

¹¹ US Mission to ASEAN (05.08.2021). Secretary Blinken's Participation in the East Asia Summit Foreign Ministers Meeting. URL: <https://asean.usmission.gov/secretary-blinkens-participation-in-the-east-asia-summit-foreign-ministers-meeting/> (accessed 03.05.2023).

the 17th largest trading partner of the US, and Thailand ranked the 20th [Eyler, 2020, p. 7]. In 2021, nearly 1,000 US private companies operated in CLMTV, of which 612 were in Thailand, 312 in Vietnam, 38 in Cambodia, 21 in Myanmar and 10 in Laos [East-West Center, 2021, p. 26]. Noticeably, although recent US investment in ASEAN is higher than that of China, the US paid more attention to Singapore and its investment to CLMTV was less than China's while China was the most important source of investment for Thailand, Cambodia and Laos [The ASEAN Secretariat, 2022, p. 9]. That situation, together with the fact that only Vietnam and Thailand joined the US-led Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity (IPEF) while both China and CLMTV were members of the ASEAN-China Free Trade Area (ACFTA) and the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) caused the US disadvantages to compete with China's influence in CLMTV.

Vietnam in the strategic China-US competition

Besides cooperation opportunities, there are more and more risks for CLMTV in maintaining bilateral and multilateral relations with both China and the US. Cooperation with any great power should be cautious because it is easy to cause conflicts with one another, even with the rest of Mekong's countries and ASEAN. Three problems for CLMTV in the context of China-US strategic competition are: 1) the difference in CLMTV's interests in multilateral cooperation, 2) their unique opportunities and challenges in handling relations with their partners, 3) difficulty and complexity in regional water security cooperation [Le, 2020, p. 103]. Vietnam and other countries in the Lower Mekong need to deal with the China-US competition, balance and calculate how to cooperate effectively, and avoid confrontation and upholding engagement. Although the China-US competition has not yet reached the level to force CLMTV to "choose a side", they need to have a strategy to maintain their neutrality, to unite and send an apparent message that strengthening cooperation with external powers cannot be equated with choosing sides.

Sharing the same border, China had many advantages of creating influence on Vietnam [Guiliyev, 2022]. Bilateral relations have significantly improved from strategic antagonism to ideology-shared partnership and comprehensive strategic cooperative partnership with "16 words"¹² and the spirit of the "4 good"¹³. Despite Vietnam's concerns regarding China's expansion and territorial claims in the South China Sea, bilateral political and economic relations were promoted. After the 20th Congress of the Chinese Communist Party, the General Secretary of the Vietnamese Communist Party, Nguyen Phu Trong made a formal visit to China to enhance bilateral relations. During that visit, Vietnam and China agreed to encourage the Declaration on the Conduct of Parties (DOC) effectively, to attempt to complete the Code of Conduct (COC) to maintain peace and stability in the South China Sea.

Vietnam-China trade jumped sharply after the China-US trade war [Fatharani, 2022, p. 720–730]. In 2021, Vietnam's exports to China maintained the 2nd place after the US, reaching 55.9 billion USD (28.6 % of total export value). In return, China was Vietnam's largest import market with a value of 110.5 billion USD (33.2 % of total import value). Despite the COVID-19 pandemic, the import value still increased by 31.3 % compared to 2020 [General Statistics Office, 2022, p. 610]. Since 2004, China has always been Vietnam's largest trading partner, and since 2020, Vietnam has been China's 6th largest trading partner. China's investment in Vietnam also raised quickly. Until May 2022, China was the 6th largest investor of Vietnam with 3,390 projects valued at 22.186 billion USD.

¹² The "16 words" or 16-word guideline was determined in the Vietnam-China Joint Statement in 2000. They are: "friendly neighborliness, comprehensive cooperation, long-term stability and future-oriented thinking". Those words orientated the relations between the two countries from the early 21st century.

¹³ The spirit of 4 good was determined after the Joint Statement on Comprehensive Cooperation between Vietnam and China in 2000. The bilateral relations were in the spirit of "good neighbors, good friends, good comrades, good partners".

Washington believes that the US can compete with China in the Lower Mekong via bilateral relations with regional countries, especially Vietnam or Thailand. Via the IPEF, the US wanted to use multilateral tools to have influence in Vietnam as IPEF “places a strong emphasis on close collaboration with the private sector”, and creates good “opportunity for companies in the region to shape and influence policy decisions and direction” [Gunasekara-Rockwell, 2023, p. 36]. The US-Vietnam trade in 2021 and 2022 exceeded 138 billion USD [Nguyen, 2023, p. 16–17]. In March 2023, a mission of 52 US companies under the US-ASEAN Business Council visited Vietnam to find investment opportunities. In July 2023, the US Treasury Secretary J. Yellen visited Vietnam for further promotion of economic ties and post-pandemic recovery. She affirmed that the US considers Vietnam a key partner in advancing a free and open Indo-Pacific and wants to upgrade US-Vietnam relations on the 10th anniversary of their comprehensive partnership.

Vietnam is also ready to collaborate with the US to enhance their bilateral relations further and encourage regional peace, stability, cooperation and development. Vietnam expects that the US would become its largest investor in the future, and appreciates the US’ role in improving Vietnam’s economy and international position¹⁴. Especially, on 10/9/2023, Vietnam and the US announced the establishment of a Comprehensive Strategic Partnership (CSP) and the US became Vietnam’s 5th CSP (China was the first in 2008). As such, Vietnam wants to exploit both China and the US for its sustainable development. However, Vietnam does not want to be in the middle of the ongoing strategic China-US competition which could negatively affect Vietnam’s economic and political improvement.

Vietnam considers the Mekong region as its direct security zone which plays an increasingly key role in maintaining and promoting international peace, stability and prosperity. Vietnam has always cooperated positively with great powers and regional countries for sustainable development. The 13th Congress of the Vietnamese Communist Party confirmed that Vietnam consistently exercise the foreign policy of independence, autonomy, peace, friendship, cooperation, development, diversification and multilateralization with the “Four Nos” principle¹⁵ to protect national interests respecting international law [Communist Party of Vietnam, 2021, p. 143, 146]. Vietnam applies a “bamboo diplomacy”¹⁶, attempting to maintain neutrality without choosing a side in the China-US competition. The 13th Congress stressed that Vietnam must build a stable partnership with all major powers, especially China and the US¹⁷. A clear message was sent to both superpowers that Vietnam wants to cooperate with them in positive ways to benefit all; to secure and promote regional peace, security, and prosperity.

In brief, both China and the US pay more attention to Vietnam and this fact requires Vietnam to have suitable diplomacy to keep its sovereignty and neutrality. Considering and choosing an appropriate policy in the tense China-US relationship is always a careful and complicated problem for Vietnam. China is Vietnam’s neighbouring power, has traditional relations, and is a strategic partner. However, Vietnam also needs the US to develop its economy and society and partly limit its

¹⁴ Vietnam News Agency (23.03.2023). Deputy spokeswoman: Vietnam ready to cooperate with U.S. People’s Army Newspaper. URL: <https://en.qdnd.vn/foreign-affairs/bilateral-relations/deputy-spokeswoman-vietnam-ready-to-cooperate-with-u-s-550569> (accessed 07.07.2023).

¹⁵ Vietnam’s “Four Nos” principle was introduced in the 2019 National Defense White Paper to replace the “Three Nos” policy. This principle includes no military alliances, no siding with one country against another, no foreign military bases to counter a third country, and no using force or threatening to use force in international relations.

¹⁶ A bamboo diplomacy was first coined by the General Secretary of the Vietnamese Communist Party, Nguyen Phu Trong, at the 29th Diplomatic Conference in 2016. Until the first ever National Conference on Foreign Affairs on 14/12/2021, this concept was reaffirmed. He described Vietnamese diplomacy like bamboos with strong roots, a firm trunk, and flexible branches. This diplomacy is not similar to Thailand’s one as it means striving to remain independent and equidistant vis-à-vis all major powers. Vietnam’s bamboo diplomacy aims to secure a stable position and development by embracing independence, self-reliance, multilateralization, diversification, innovation and upholding the UN Charter’s principle and international law.

¹⁷ Vannarith C., Nguyen H. T. Constant and Continuous: Vietnam’s Foreign Policy after the 13th Party Congress. Fulcrum: Analysis on Southeast Asia. URL: <https://fulcrum.sg/constant-and-continuous-vietnams-foreign-policy-after-the-13th-party-congress/> (accessed 03.09.2023).

dependence on China. Balancing this relation and building connections with other powers is a way for Vietnam to exploit great powers' investment, science and technology to serve the national goal of industrialization and modernization [Grossman, 2020, p. 24–65]. Vietnam recognises that ASEAN and its mechanisms can play a significant role in settling and maintaining regional security and provide platforms for Vietnam to maintain political neutrality in the great-power competition.

In the future, Vietnam can play more of a role in improving regional cooperation and keeping neutrality in the China-US competition. Firstly, Vietnam can focus more on building a comprehensive strategy about Mekong to show Vietnam's aims, priorities, and collaborative approaches. From that strategy, Vietnam can build inter- and intra-regional cooperative mechanisms to protect security, sovereignty, sustainable development and to promote regional economic connectivity. Secondly, Vietnam can exploit and expand more of a role of multilateralism such as ASEAN, GMS, MRC and others, to deal with CLMTV's issues. The involvement of international organisations in this region provides more effective approaches for Vietnam to protect peace, stability, water security and to encourage economic development. In which, ASEAN's involvement in all issues of CLMTV is necessary and significant, not peripheral, in order to deal with the China-US geopolitical competition. Thirdly, Vietnam can effectively involve a multilateral mechanism led by China and the US to balance the power and influence of the two superpowers. Both China and the US are the most significant trading partners of Vietnam, and promoting economic cooperation with these two superpowers are one of the key targets for Vietnam's development and autonomy. Fourthly, Vietnam can expand the role of bilateral and multilateral diplomacies with both regional and international countries to promote peace and stability of the Lower Mekong region. Via international conferences, forums and cooperation, Vietnam can learn more innovations and advice to protect its sovereignty in the China-US competition. Fifthly, improving relations with other powers such as Russia, Australia, India, Japan and Korea is an effective way to enhance Vietnam's potential and ability to protect its autonomy.

Conclusion

Together with other powers, both the US and China focus more on strategic competition in the Lower Mekong in a broader context of the Indo-Pacific region. Although the US attempts to promote regional government cooperation for sustainable development, China has its own advantages with increasing economic exchange and investment. Both superpowers exploited their initiatives such as LMC or MUSP to deeply engage in CLMTV. As Biden's National Security Strategy considered China as a "potential competitor" and the great-power competition is increasingly apparent in recent years, the China-US competition in CLMTV will be more tense in the future. China's ambition to control this region to serve a broader plan of southward expansion and the US' attempts to obtain more influence there obviously create their strategic competition.

In order to maintain peace, stability, autonomy and sovereignty, Vietnam needs suitable policies. Both China and the US are important for Vietnam in both political and economic fields. Therefore, choosing a neutral position is the best approach to exploit their investment and cooperation for sustainable development. Vietnam's bamboo diplomacy is effective in order to keep and promote bilateral relations with both superpowers. As both China and the US are in a comprehensive strategic partnership with Vietnam, Hanoi can exploit their resources for Vietnam's development, and Hanoi always chooses to cooperate with both superpowers in economy, diplomacy, society to maintain the balance in the region and to obtain the aims of a "win-win" situation. Moreover, indigenous institutions such as ASEAN can provide Vietnam with influential friends to preserve its autonomy and sovereignty in the China-US strategic competition.

References

- Brilingaite V.** China's transboundary river governance: the case of the Lancang–Mekong River. Master's Programme in Asian Studies, Lund Uni., Lund, 2017, 41 p.

- Bui T. T.** Quan hệ đối tác Mê Công – Mỹ: nền tảng và hướng phát triển đối với tiểu vùng sông Mê Công [The Mekong-US cooperated relation: foundation and new development trends towards the Lower Mekong region]. *Tạp chí cộng sản [Communist Review]*, 2021, vol. 960, pp. 100–105. (in Viet.)
- Communist Party of Vietnam.** Documents of the 13th Party Congress. Hanoi, National Political Publ., 2021, 355 p.
- Chu M. T.** Role of the US Lower Mekong Initiative in the Mekong region. Perth US Asia Centre, Indo-Pacific Analysis Briefs, 2020, vol. 10, pp. 1–8.
- East-West Center. ASEAN matters for America, America matters for the ASEAN. Washington, 2021, 41 p.
- Eyler B., et all.** The Mekong matters for America, America matters for the Mekong. Stimson, East-West center, 2020, 41 p.
- Fatharani F.** Analysis of Vietnam's response to the US-China trade war in times of pandemic. In: Proceedings of the International Conference on Sustainable Innovation on Humanities, Education, and Social Sciences, 2022, pp. 720–730.
- General Statistics Office [Tổng cục thống kê]. Statistical Yearbook of Vietnam 2021 [Niên giám thống kê Việt Nam 2021]. Hanoi, NXB Thống kê [Statistical Publishing House], 2022, 1058 p. (in Eng. & Viet.).
- Grossman D.** Regional Responses to US – China competition in the Indo – Pacific: Vietnam. California, RAND Corporation, 2020, 118 p.
- Guangsheng L.** China seeks to improve Mekong sub-regional cooperation: causes and policies. Nanyang Technological University, Rajaratnam School of International Studies, Policy report, 2016, pp. 1–16.
- Gunasekara-Rockwell A.** Friendship in the shadow of the Dragon: the challenge of upgrading US-Vietnam ties amid tensions with China. *The journal of Indo-Pacific Affairs*, 2023, vol. 6, pp. 24–41.
- Guiliyev V.** A historical overview of China's influence on Vietnam. Special report of Topchubashov Center, 2022, pp. 1–28.
- Hoang T. H.** China's hydro-politics through the Lancang-Mekong Cooperation. Singapore, Iseas-Yusof Ishak Institute analyse current events, 2022, no. 116, pp. 1–14.
- Hoang T. H.** Is the US a serious competitor to China in the Lower Mekong?. Singapore, Iseas-Yusof Ishak Institute analyse current events, 2023, no. 37, pp. 1–16.
- Hidetaka Y.** The United States, China, and Geopolitics in the Mekong region. *Asian Affairs: An American Review*, 2015, vol. 42, pp. 173–194. DOI 10.1080/00927678.2015.1106757
- Le T. K.** Sự gia tăng ảnh hưởng của một số nước lớn tại tiểu vùng Mê Công thông qua các cơ chế hợp tác đa phương và một số đề xuất cho Việt Nam [The influence increase of great countries in the Mekong sub-region through multilateral cooperation mechanisms and implications for Vietnam]. *Tạp chí cộng sản [Communist Review]*, 2020, vol. 933, pp. 95–105 (in Viet.)
- Lim T. S.** China's active role in the Greater Mekong Sub-region: a win-win outcome?. *EAI Background Brief*, 2008, no. 397, pp. 1–19.
- Lin J.** Changing Perceptions in Laos towards China. Singapore, Iseas-Yusof Ishak Institute analyse current events, 2023, no. 56, pp. 1–14.
- Menon J., Melendez A. C.** Trade and Investment in the greater Mekong Subregion: Remaining challenges and the Unfinished Policy Agenda. ADB working paper series on regional economic integration, 2011, no. 78, 56 p.
- Middleton C., Allouche J.** Watershed or Powershed? Critical Hydro-politics, China and the 'Langcang-Mekong Cooperation Framework'. *The International Spectator*, 2016, vol. 51, pp. 100–117. DOI 10.1080/03932729.2016.1209385
- Nguyen T. Q., Nguyen T. P. A.** Chính sách của Trung Quốc đối với tiểu vùng sông Mê Kông mở rộng hiện nay [Chinese policies towards the Lower Mekong region in recent years]. *Tạp chí Lý luận chính trị [Political Theory]*, 2018, vol. 10, pp. 97–103 (in Viet.)

- Nguyen H.** US-Vietnam trade ties: Challenge Ahead. *Journal of Indo-Pacific Affairs*, 2023, vol. 6, pp. 15–23. DOI lnkd.in/e_2FzQd2
- Srivastava P., Kumar U.** Trade and trade facilitation in the Greater Mekong Subregion. Philippines, ADB & Australian AID, 2012, 170 p.
- Stepanov A. S.** US Policy towards Southeast Asia: from Barack Obama to Joe Biden. *Herald of the Russian Academy of Science*, 2022, vol. 92, pp. 1473–1478. DOI 10.1134/S1019331622210183
- The ASEAN Secretariat. ASEAN Investment Report 2022: Pandemic Recovery and Investment Facilitation. Jakarta, 2022, 266 p.
- The White House. Indo-Pacific Strategy of the United States. Washington, 2022, 19 p.
- Truong M. V.** Between system maker and privileges taker: the role of China in the greater Mekong sub-region. *Revista Brasileira de Política Internacional*, 2014, no. 57, pp. 157–173. DOI 10.1590/0034-7329201400210.
- Vannarith C.** Fighting Covid-19: China's soft power opportunities in mainland Southeast Asia. *Singapore, Iseas-Yusof Ishak Institute analyse current events*. 2021, no. 66, pp. 1–10.
- Vannarith C.** Cambodia-China Free Trade Agreement: A Cambodian Perspective. *Singapore, Iseas-Yusof Ishak Institute analyse current events*. 2023, no. 46, pp. 1–10.

List of Abbreviations

- ASEAN: the Association of Southeast Asian Nations
- ADB: Asian Development Bank
- AMBDC: ASEAN – Mekong Basin Development Cooperation
- CLMTV: the Lower Mekong region with Cambodia, Laos, Myanmar, Thailand, Vietnam
- COC: the Code of Conduct on the South China Sea
- CSP: Comprehensive Strategic Partnership
- DOC: the Declaration on the Conduct of parties in the South China Sea
- FLM: Friends of the Lower Mekong
- FOIP: the Free and Open Indo-Pacific
- GMS: the Greater Mekong Subregion
- IPEF: Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity
- LMC: Lancang – Mekong Cooperation
- LMI: the Lower Mekong Initiative
- MRC: the Mekong River Commission
- MUSP: Mekong-US Partnership Initiative
- RCEP: the Regional Comprehensive Economic Partnership

Information about the Author

Tran Ngoc Dung, PhD
WoS Researcher ID JEZ-6466-2023

Информация об авторе

Чан Нгок Зунг, PhD
WoS Researcher ID JEZ-6466-2023

*The article was submitted on 05.09.2023;
approved after review on 25.09.2023; accepted for publication on 10.10.2023*
*Статья поступила в редакцию 05.09.2023;
одобрена после рецензирования 25.10.2023; принята к публикации 10.10.2023*

Научная статья

УДК 141

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-132-142

Лингвистический абсолютизм в «Вакъяпадии» Бхартрихари

Евгения Алексеевна Десницкая

Институт восточных рукописей Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы
Москва, Россия

khecari@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7890-2061>

Аннотация

Лингвистическую философию Бхартрихари в современных исследованиях принято ассоциировать с учением о лингвистическом Абсолюте (Шабда-Брахмане) и о трех уровнях речи. Однако в тексте «Вакъяпадии» каждое из этих учений упоминается однократно и крайне лаконично. Существенно чаще Бхартрихари ссылается на буддийское по духу представление о языке как концептуализации или умственном конструировании (*викальпа*). Онтологический статус абсолютной речи в учении «Вакъяпадии» не вполне прояснен. Основываясь на данных из более ранних брахманистских произведений, а также на критике философии Бхартрихари в «Шивадришти» Сомананды, можно предположить, что Бхартрихари не склонен был отождествлять Брахмана, «наделенного словесной природой», с предельным Абсолютом и скорее резервировал для него некий «промежуточный» онтологический статус. Учение о двух Брахманах (Высшем и «низшем») впервые было сформулировано в ранних Упанишадах, впоследствии получило развитие в школах веданты. В учении Бхартрихари звук (*sabda*), понимаемый как квинтэссенция Вед, относится именно к «низшему» Брахману, тогда как предельный Брахман трансцендентен миру и лишен акустических характеристик.

Ключевые слова

Бхартрихари, Вакъяпадия, Шабда-Брахман, индийская философия, индийская грамматическая традиция, викальпа, буддийская философия

Благодарности

Работа подготовлена при поддержке мегагранта Минобрнауки № 075-15-2021-603 «Разработка методологии и интеллектуальной базы нового поколения по изучению индийской философии в ее соотношении с другими ведущими философскими традициями Евразии»

Для цитирования

Десницкая Е. А. Лингвистический абсолютизм в «Вакъяпадии» Бхартрихари // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10: Востоковедение. С. 132–142. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-132-142

Linguistic Absolutism in Bhartṛhari's “Vākyapadīya”

Evgeniya A. Desnitskaya

Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia
Moscow, Russian Federation

khecari@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7890-2061>

Abstract

Bhartṛhari's ontological teaching is usually identified with the concept of linguistic Absolute (Śabda-Brahman) and with the three levels of speech. However, in his main opus the 'Vākyapadīya', each of these concepts is mentioned only on a single occasion and in a brief manner. It is not a rare case that in different contexts Bhartṛhari considers language a mental construction, or conceptualization (*kalpanā* or *vikalpa*). The latter concept was introduced under the influence of Buddhist philosophy. The Buddhists who criticized ontological concepts of Brahmanic schools were Bhartṛhari's main opponents, so he could appeal to *vikalpa* in order to avoid their criticism. The ontological status of the Absolute speech in the 'Vākyapadīya' remains unclear. Bhartṛhari does not address this question explicitly, however, the discussions on Śabda-Brahman in early Brahmanic works, as well as Somananda's critique of the philosophy of the Grammarians expressed in the 'Śivadr̥ṣṭi' give evidence that he did not straight-forwardly identify Brahman 'endowed with linguistic nature' (*śabdatattva*) with the ultimate Absolute (*Parabrahman*). On the contrary, in his ontological system the Supreme Speech is considered an 'intermediate' form of the Absolute. This view derives from the teaching of the 'two Brahmans' in the Early Upaniṣads. For Bhartṛhari, the lower Brahman might be the basis of the phenomena, while the ultimate Brahman is transcendent to the phenomenal world. Word or sound (*śabda*) understood as the essence of the Vedas and a means of concentration of mind belongs to the 'lower' Brahman, whereas the ultimate Brahman is devoid of phonic or linguistic characteristics.

Keywords

Bhartṛhari, Vākyapadīya, Śabda-Brahman, Indian philosophy, Indian traditional grammar, *vikalpa*, Buddhist philosophy

Acknowledgements

This work was supported by the project of the Russian Ministry of Education and Science no. 075-15-2021-603 "Development of the new methodology and intellectual base for the new-generation research of Indian philosophy in correlation with the main World Philosophical Traditions"

For citation

Desnitskaya E. A. Linguistic Absolutism in Bhartṛhari's "Vākyapadīya". *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 10: Oriental Studies, pp. 132–142. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-132-142

Введение

Учение Бхартрихари, индийского философа V в. н. э., представителя грамматической традиции и автора трактата «Вак्यападия» (ВП), в современных исследованиях принято называть лингвистическим монизмом. Онтологический компонент в учении Бхартрихари связывают с представлением о лингвистическом Абсолюте-Брахмане, который в ВП характеризуется как наделенный лингвистическим измерением или словесной сущностью (*śabdatattva*) (ВП I.1). Еще одним неотъемлемым компонентом учения Бхартрихари считается концепция трех уровней речи, посредством которой описывается разворачивание Брахмана в мир феноменов (ВП I.159). Данная концепция выглядит вполне последовательной, однако, как и учение о словесном Брахмане, она упоминается лишь однократно в первой книге ВП и никак не фигурирует на протяжении остальных частей трактата. Гораздо чаще, рассуждая о языке, Бхартрихари трактует его как инструмент концептуализации *викальпа* (*vikalpa*). Подобное решение, возникшее, вероятно, под влиянием буддийских доктрин, находится в очевидном противоречии с представлением об абсолютном статусе языка, описанным выше. Присутствие разнообразных и нередко взаимоисключающих воззрений в энциклопедическом по жанру трактате само по себе неудивительно, однако можно задаться вопросом о происхождении этих доктрин, а также о том, какой из них придерживался сам автор. Целью настоящей ста-

ты является пересмотр и реконструкция онтологических учений о языке и, в частности, учения о лингвистическом Абсолюте (Шабда-Брахмане) в общем контексте философии Бхартрихари. Важной задачей при этом является критический анализ интерпретаций лингвоцентристских концепций Бхартрихари, представленных в трудах позднейших кашмирских шивайитов, которые адаптировали и переосмысливали наследие Бхартрихари в рамках собственных доктрин.

Ранние представления о лингвистическом Абсолюте

«Вакьяпадия» (*Vākyapadīya*) (“[Трактат] о высказывании и слове”) начинается с утверждения о том, что основа феноменального мира и всех происходящих в нем процессов – это Брахман, не имеющий ни начала, ни конца и наделенный словесной или звуковой природой (*śabdatattva*). Представление о Брахмане как об абсолютном первоначале было известно с ранних Упанишад (середина I тысячелетия до н. э.)¹, хотя разработанное философское осмысление эта концепция получила намного позже, в трудах различных школ веданты, институционально сложившихся на рубеже I и II тысячелетий н. э. Магистральное представление о Брахмане было лишено лингвистических коннотаций, однако рассмотрение Брахмана в лингвистическом контексте не следует считать инновацией Бхартрихари. Утверждая, что Брахман наделен словесной или звуковой природой, Бхартрихари отсылал к изначальному дофилософскому пониманию ведийского слова *brāhma*, использовавшегося в таких значениях, как ‘ведийский гимн’ или ‘ритуальная речь’ [Десницкая, 2023].

Лингвистическое измерение Брахмана зафиксировано в композите ‘Шабда-Брахман’ (*śabda-brahman*), которая впервые встречается в «Майтрайяне-упанишаде» (МУ)². МУ 6.22 следующим образом описывает практику созерцания звучащего Брахмана (*śabda-brahman*) в облике слога «Ом»:

Надлежит созерцать двух Брахманов: звучащего и незвучащего. При помощи звучащего проявляется незвучащий. Звучащий [Брахман] – это «Ом». Поднявшись посредством звучащего, [практикующий] обретает конец в незвучащем³.

Далее описывается еще одна практика созерцания Шабда-Брахмана: в форме звуков, которые слышны человеку, заткнувшему уши и пребывающему в абсолютной тишине⁴. Санскритское *śabda* означает не только ‘слово’, но и ‘звук речи’, и в данном контексте актуально именно второе значение. Раздел завершается строфой, в которой говорится, что с онтологической точки зрения, звучащий Шабда-Брахман является не предельным Абсолютом, но лишь его «промежуточной» стадией, которую надлежит преодолеть на пути к высшему Пара-Брахману:

Надлежит знать о двух Брахманах: о звучащем Брахмане (*śabda-brahma*) и о том, который выше. Искущенный в звучащем Брахмане достигает высшего Брахмана⁵.

Шабда-Брахман также упоминается в «Бхагавадгите» (6.44 cd), и, что примечательно, в этой строфе он также фигурирует в статусе промежуточной онтологической сущности:

¹ Наиболее ранняя попытка абсолютизации языка содержится в поздневедийском гимне (РВ X.125), в котором Речь (*Vāc*) названа основой мироздания [Елизаренкова, Топоров, 1979].

² МУ принадлежит к числу сравнительно поздних Упанишад. Это, с очевидностью, составное произведение, окончательное сложение которого, предположительно, произошло в первые века до н. э. [Nakamura, 1993, p. 42]. Название «Майтрайяния» отсылает к одноименной школе традиции Яджурведы, к которой, вероятно, принадлежал и сам Бхартрихари, поэтому можно предположить, что содержание этой Упанишады автору ВП было известно [Bronkhorst, 1987; 2009].

³ dve vāva brahmaṇī abhidhyeye śabdaś cāśabdaś ca. atha śabdenaivāśabdām āviśkriyate. atha tatrom iti śabdaḥ. anenordhvam utkrānto ‘śabde nidhanam eti [van Beutenen, 1962, p. 112].

⁴ Подробнее об этой практике см. [Десницкая, 2023].

⁵ dve brahmaṇī veditavye śabda-brahma paraṇ ca yat

śabda-brahmaṇī niṣṇātaḥ paraṇ brahmādhigacchatī [van Beutenen, 1962, p. 113].

Желая превзойти йогу, [практикующий] выходит за пределы Шабда-Брахмана⁶.

По мнению позднейших комментаторов, в этой строфе термин используется для обозначения Вед, т. е. Брахмана в его акустическом измерении. Само по себе критическое отношение к Ведам и ведийскому ритуализму вполне характерно для учения «Бхагавадгиты», укорененного в синкетической традиции санкхья-йоги. В то же время утверждение о неабсолютном статусе звукающего Брахмана согласуется с представлением о существовании двух Брахманов, к которому эксплицитно отсылает МУ 6.22 и которое можно также обнаружить как в самой МУ (МУ 6.3; 6.36), так и в других Упанишадах [van Beutenen, 1962, p. 40]. В частности, об этом говорится в «Брихадараньяка-упанишаде» (БАУ) (2.3.1):

У Брахмана же две формы: воплощенная и невоплощенная. Смертная и бессмертная. Неподвижная и движущаяся. [Первая зовется] – *sat*, вторая – *tya*⁷.

Воплощенный – это тот, что отличается от ветра и пространства. Он смертный. Он неподвижный. Он [зовется] *sat*. Сущность (*rasa*) этого воплощенного, смертного, неподвижного, [зовущегося] *sat* – то, что дает жар. Именно это – суть того, [что зовется] *sat*.

Невоплощенный же – это ветер и пространство. Он бессмертный. Он подвижный. Он [зовется] *tya*. Сущность этого невоплощенного, бессмертного, движущегося, [зовущегося] *tya* – Пуруша в [солнечном] диске. Именно он – суть того, [что зовется] *tya*⁸.

В отличие от МУ, противопоставление двух Брахманов в «Брихадараньяка-упанишаде» основывается на иных признаках, в число которых не входит выраженность или невыраженность в слове или звуке, однако типологическая близость между пассажами из обеих Упанишад вполне очевидна. «Низший» Брахман – воплощенный, связанный с посюсторонним миром, тогда как высший трансцендентен миру. Постулирование двух Брахманов, вероятно, было призвано сгладить разрыв между феноменальным и запредельным. «Низший» Брахман выступает своего рода промежуточным звеном – основанием мира феноменов, которым он, однако же, не трансцендентен, в отличие от Высшего. Очевидно, что звук (*śabda*), воспринимаемый и как квинтэссенция Вед, и как средство для сосредоточения ума, относится именно к «низшему» Брахману, тогда как предельный Брахман лишен акустических характеристик⁹.

Лингвистический Абсолют в ВП

Представления о природе языка и его связи с Абсолютом в ВП достаточно разнородны. В тексте трактата можно выделить по крайней мере три учения, не в полной мере совместимые друг с другом:

- 1) Учение о звуковой / словесной природе Брахмана;
- 2) Учение о трех уровнях речи;
- 3) Учение о языке как концептуализации (*кальпана* / *викальпа*), которая противопоставлена Абсолюту.

Учение о звуковой природе Брахмана эксплицитно выражено в первой строфе трактата (ВП I.1)¹⁰:

⁶ *jijñāsur* *api yogasya śabdabrahmātivartate* [Minor, 1982, p. 233].

⁷ Это высказывание представляет собой типичный для Упанишад пример семантического анализа или семантической деконструкции (*nirvacana*). Здесь слово *satya* ('подлинное', 'сущее') разделяется на два искусственных элемента: *sat* и *tya*, каждый из которых отождествляется с одной из форм Брахмана.

⁸ *dve vāvā brahmaṇo rūpe. mūrtam caivāmūrtam ca. martyam cāmṛtam ca. sthitam ca yac ca. sac ca tyaṁ ca.*

tad etam mūrtam yad anyad vāyoś cāntarikṣāc ca. etan martyam. etat sthitam. etat sat. tasyaitasya mūrtasyaitasya martyasyaitasya sthitasyaitasya sata eṣa raso ya eṣa tapati. sato hy eṣa rasaḥ.

athāmūrtam. vāyuś cāntarikṣāc ca. etad amṛtam. etad yat. etat tyam. tasyaitasyāmūrtasyaitasyāmṛtasyaitasya yata etasya tasyaīṣa raso ya eṣa etasmin maṇḍale puruṣaḥ. tasya hy eṣa rasaḥ [Olivelle, 1998, p. 64].

⁹ Впоследствии учение о двух Брахманах получило эксплицитное и систематическое развитие в различных школах веданты, например, в традиции *bheda-abheda* [Nakamura, 1981, p. 148; Misra, 1981, p. 126].

¹⁰ Строки из ВП приводятся по изданиям [Iyer, 1963; 1966].

Безначальный и бесконечный Брахман, сущность которого слово, нерушимый слог Ом, разворачивается в виде феноменов / значений слов. Из него происходит мир ¹¹.

Брахман характеризуется в этой строфе посредством композиты *śabdatattva*, которую можно перевести как ‘тот, чья сущность слово’ или ‘наделенный природой слова’. В свете вышеупомянутой многозначности санскритского *śabda* композиту можно также трактовать как ‘наделенный природой звука’. Вторая интерпретация согласуется с представлением о звучащем Шабда-Брахмане из МУ 6.22, а также с общим представлением о Брахмане как квинтэссенции Вед.

Примечательно, что ни выражение *Śabda-Brahman*, ни такая характеристика Брахмана, как *śabdatattva*, не встречаются в строфах ВП или в первичном комментарии «Бритти» ¹². Далее в тексте трактата Бхартрихари неоднократно рассматривает различные лингвистические и философские категории как силы (*śakti*), посредством которых Брахман разворачивается в мир. Апелляция к многообразным *śakti* Брахмана позволяет выстроить динамическое описание универсума в его происхождении от Абсолюта на уровень феноменов и примиряет взаимоисключающие или плохо совместимые концепции. Однако само по себе представление о лингвистическом / словесном / звуковом Брахмане остается непроясненным. Эксплицитно не разъясняется, в чем именно заключается «лингвистичность» его природы. Также Бхартрихари не уточняет, является звуковая / словесная форма Брахмана предельной, т. е. тождественной высшему Брахману либо же промежуточной – подобно Шабда-Брахману в МУ и «Бхагавадгите».

Вопрос об онтологическом статусе речи актуален и в связи с учением о трех уровнях речи, которое упоминается в ВП I.159 ¹³:

[Грамматика] – это высшая чудесная обитель троичной речи, разделенной на множество путей [в виде] грубой (*vaikhari*), срединной (*madhyamā*) и зрячей (*paśyanti*) ¹⁴.

Концепцию трех уровней речи, наряду с представлением о «лингвистическом» Брахмане, принято считать центральной для философии Бхартрихари. Однако и эта концепция упоминается в ВП однократно и крайне лаконично. Более подробное разъяснение представлено в первичном (возможно, авторском) комментарии «Бритти», где утверждается, что *ваикхари* – это артикулированная речь, воплощенная в звуке; *мадхьяма* – внутренняя ментальная речь, в меньшей степени разделенная на отдельные лингвистические единицы; а *пашиянти* – чистая, непреходящая, лишенная частей и содержательных различий. Данную схему несложно осмыслить в контексте психологии речевой коммуникации: содержание, которое говорящий намеревается выразить, первоначально дано в виде единого образа (*пашиянти*), затем разворачивается во внутренней речи (*мадхьяма*) и далее артикулируется в акустической форме (*ваикхари*). При слушании чужих высказываний процесс идет в обратную сторону: от восприятия произнесенных слов через уровень внутренней речи к невербальному пониманию ¹⁵. Примечательно, что комментарий не дает однозначного ответа на вопрос, действительно ли уровни *мадхьяма* и *ваикхари* полностью лишены какой-либо развернутости во времени или в пространстве. Комментатор отмечает, что «срединная» речь, несмотря на отсутствие членения (*kramasamhārabhāve 'pi*), воспринимается словно бы последовательная (*parigṛhītakramā*). Столь же противоречивая характеристика дается и в отношении *пашиянти*:

¹¹ anādinidhanam brahma śabdatattvam yad akṣaram
vivartate 'rthabhāvena prakriyā jagato yataḥ

¹² Предположение Мадлен Биардо о Шабда-Брахмане и шабдататтве как взаимоисключающих философских категориях [Biardeu, 1964, p. 265–270] не находит текстуальных подтверждений.

¹³ Стrophe I.134 в издании С. Айера [Iyer, 1966].

¹⁴ vaikharyā madhyamāyāś ca paśyantyāś caitad adbhitam
anekaśrīthabhedāyāś trayyā vācaḥ param padam

¹⁵ Субкомментатор ВП Вришабхадева отождествляет *пашиянти* с мгновенной вспышкой понимания (*pratibhā*) [Iyer, 1966, p. 48]. См. также [Desnitskaya, 2016, p. 329].

Зрячая речь (*paśyānti*) – та, у которой расчлененность отсутствует, и она хотя едина, но исполнена силой разделенности¹⁶.

Можно предположить, что *мадхъяма* как умственная речь, в отличие от *вайкхари*, не разделяется на отдельные слова и не проявляется в звуках. Однако нельзя сказать, что она мгновенна или лишена каких-либо частей. Речь *paśyānti* как мгновенный акт понимания еще более свернута, однако наличие у нее содержания предполагает некоторое основание для внутреннего членения или субъект-объектного разделения, которое далее может быть реализовано на уровнях *мадхъяма* и *вайкхари*. Поэтому «зрячая» речь не в полной мере трансцендента обыденной: на этом основании ее можно сопоставить с Шабда-Брахманом МУ, который тоже не может быть сведен к предельному Абсолюту, лишенному каких-либо качественных характеристик.

Классификация уровней речи, очевидно, первоначально основывалась на психологической интроспекции, однако в последующей традиции триада обыкновенно трактовалась онтологически: как описание процесса происхождения Брахмана-Речи в мир феноменов. Подобная интерпретация, очевидно, сложилась под влиянием кашмирской школы Пратьябхиджня, в рамках которой триада была дополнена четвертым уровнем – высшей речью (*parā vāk*). Впрочем, отношение сторонников кашмирского шиваизма к философии Бхартрихари не всегда было положительным. Сомананда (875–925 н. э.), основатель школы Пратьябхиджня, посвятил отдельную главу своего программного трактата «Шивадришти» (ШД) критике учения грамматиков. В частности, он не соглашался с тезисом, что *paśyānti* – это высший уровень речи, тождественный Брахману. Перефразируя первую строфиу ВП, Сомананда излагал учение грамматиков следующим образом (ШД 2.2):

Они [грамматисты] утверждают следующее: Высший Брахман, не имеющий начала и конца, нерушимый (= слог ОМ), имеющий облик звука (*śabdarūpa*), – это *paśyānti*, высшая речь¹⁷.

По мнению Сомананды, такое отождествление безосновательно, поскольку Брахман заранее определен языку и субъектно-объектным различиям, тогда как само название «зрячей» речи подразумевает наличие субъекта, воспринимающего некоторое содержание. Сомананда также критиковал представление грамматиков о нереальности феноменального мира и подвергал сомнению их стремление представить грамматику в качестве философской школы. Вопрос о том, в какой мере Сомананда был знаком с трудом Бхартрихари, остается открытым. Исследователи предполагают, что реальными оппонентами Сомананды были представители некой тантрической (шактистской) школы, которые чтили богиню в облике Речи и для обоснования своих воззрений использовали какие-то из идей Бхартрихари [Nemec, 2011, p. 68]. Возможно, именно эти тантрики эксплицитно отождествляли *paśyānti* с Брахманом, поскольку, как мы помним, ни Бхартрихари, ни автор комментария «Вритти» подобного не утверждали. Впоследствии Утпаладева (900–950 гг. н. э.), ученик Сомананды и следующий значимый философ школы Пратьябхиджня, коренным образом переменил отношение к Бхартрихари, включив в учение своей школы схему уровней речи и дополнив ее высшей речью (*parā vāc*), полностью лишенней субъектно-объектной двойственности и тождественной Брахману. Отличие *paśyānti* от *Пара вач* состояло в том, что последняя трансцендента обыденному опыту, лишена какого-либо содержания и выступает скорее квинтэссенцией речи в полностью неразвернутой форме.

Можно констатировать, что кашмирские философы выявили и попытались устраниить непоследовательность, изначально содержащуюся в лингвистической онтологии Бхартрихари. Противопоставление *paśyānti* как высшей формы речи, доступной в опыте, запредельному Абсолюту типологически соответствует противопоставлению *Шабда-Брахмана* и *Пара-Брахмана* в МУ и в «Бхагавадгите». Лаконичность упоминания уровней речи в ВП позволяет

¹⁶ *pratisamhrta-kramā*, *saty apy abhede samāviṣṭa-krama-śaktiḥ paśyantī* [Iyer, 1966, p. 214].

¹⁷ *ity āhus te param brahma yad anādi tathākṣayam*
tad akṣaram śabdarūpam sā paśyantī parā hi vāk

предположить, что это учение не являлось для Бхартрихари центральным или значимым. Возможно, то было периферийное учение одной из грамматических школ, о котором Бхартрихари счел необходимым упомянуть в своем энциклопедическом по жанру трактате. Популяризации этого учения, несомненно, способствовали кашмирские шиваиты, заимствовавшие его и адаптировавшие под требования собственной системы.

С другой стороны, можно отметить, что многие суждения Бхартрихари об онтологии языка отличает нарочитая декларативность. В первой книге ВП он считал своим долгом подчеркнуть особый статус грамматики и связь языка с Брахманом, понимавшимся не только в качестве Абсолюта, но и в первоначальном значении священной речи (Вед в их звучащей форме). В то же время философское обоснование подобной точки зрения оказывалось проблематичным в контексте полемики с буддистами, явившимися одновременно и главными оппонентами, и вдохновителями для брахманистских философов середины I тысячелетия н. э. В контексте произведенного буддистами «эпистемологического поворота» язык представлял продуктом (и одновременно инструментом) концептуального познания, так что попытки придать ему особый онтологический статус выглядели мало убедительно и становились мишенью для критики. Поэтому неудивительно, что, постулировав лингвистическую природу Брахмана и упомянув об уровнях речи, далее в тексте ВП Бхартрихари неоднократно обращается к иной концепции языка, обнаруживающей неоспоримое родство с буддийской философией.

Кальпана / викальпа в «Вак्यападии»

Несмотря на декларируемую приверженность традиции Вед, учение Бхартрихари во многих аспектах обнаруживает неоспоримую близость к буддизму – например, в тенденции к имперсонализму или в отказе от использования понятия Атмана. Близость к буддийской философии (к учениям *мадхьямаки* и *виджнянавады*) проявляется и в неоднократной апелляции к представлению о языке как инструменте концептуализации или источнике «двойственного» (субъектно-объектного) видения. В тексте трактата это представление выражается в таких терминах, как *кальпана* (*kalpanā*) / *викальпа* (*vikalpa*), которые можно перевести как «ментальное конструирование», а также в глагольных формах, производных от корня *kṛp* ‘делать, творить’ [Desnitskaya, 2018, p. 651].

В наиболее последовательном виде учение о языке как *викальпе* представлено в ВП III.3.52–88, где Бхартрихари критикует воззрение о существовании отдельных объектов, обозначаемых словами, и, соответственно, подвергает сомнению существование семантической связи. Так, в ВП III.3.54 он утверждает, что «Слово основывается на акте познания, который не отображает объект во всей полноте»¹⁸, а речевая деятельность укоренена в неподлинных разделениях реальности. В ВП III.3.82 этот тезис раскрывается следующим образом:

Всякая обыденная речевая деятельность осуществляется посредством объектов слов, которые словно бы значимы, но на самом деле порождены концептуальным различием (*vikalpa*)¹⁹.

Подлинное же бытие, постижение которого доступно лишь знатокам традиции трех Вед²⁰, лишено разделения на субъект, объект и процесс восприятия (ВП III.3.72).

Отсылки к представлению о *кальпана* / *викальпе* встречаются и в иных частях трактата. Оба эти термина использовались в схожем значении и до Бхартрихари. Так, *викальпа* в «Йога-сутрах» (I.9) понималась как недостоверное знание, основанное на одних только

¹⁸ akṛtsnaviṣayābhāṣaṇ śabdah pratyayam āśritaḥ

¹⁹ vikalpotthāpitenāiva sarvo bhāvena laukikāḥ
mukhyeneva padārthena vyavahāro vidhīyate

²⁰ *Trayyantavedināḥ* (букв. ‘знатоки завершения трех [Вед]’) – вероятно, сторонники ранней формы веданты [Houben, 1995, p. 293].

словах и лишенное внеязыкового объекта²¹. В буддийской эпистемологии чувственное восприятие (*pratyakṣa*) было противопоставлено языку и считалось полностью независимым от концептуализации. Язык и мышление же обобщенно обозначались как *vikalpa* / *kalpanā*. Дигнага (VI в. н. э.) в трактате «Праманасамуччая» определял *кальпану* как ‘соединение имени, родового понятия и проч. [с воспринимаемым объектом]’²². Последователь Дигнаги Дхармакирти (VII в. н. э.) утверждал в «Праманаварттике» (II.2), что достоверность словесного высказывания основывается на интенции говорящего и не зависит от реальности объекта высказывания.

Как известно, учение Бхартрихари оказало существенное влияние на буддийских мыслителей, в особенности на Дигнагу и его последователей. Степень этого влияния явствует уже из того, что Дигнага дословно заимствовал из третьей книги ВП (ВП III.3.52–88) и вставил в собственный трактат «Тайкальяпарикша» пассаж, содержащий критику языка и рассматривающий язык в неразрывной связи с процессом концептуализации (*викальпа*). Более проблематичным выглядит вопрос о том, какие буддийские авторы и произведения были знакомы Бхартрихари. Исследователи предполагают, что на него могли оказать влияние труды Нагарджуны и Васубандху [Lindtner, 1993; Houben, 1995, p. 53–58], однако проследить прямые заимствования затруднительно.

Трактовка языка как *кальпаны* / *викальпы* в ВП предстает десакрализацией и деонтологизацией речи. Такой подход, действительно, был характерен для буддийской философии, подвергавшей негативистской деконструкции онтологические категории соперничавших философских школ. Бхартрихари, труд которого, несомненно, появился в результате полемики между брахманистскими и буддийскими философами, мог обращаться к концепции *викальпы* для защиты грамматической традиции в изменившемся контексте. С другой стороны, апелляцию к учению о *викальпе* можно трактовать как переход от онтологизации Речи к представлению о языке как о речевой деятельности. Такой подход согласовывался с функциональным пониманием языка, характерным для индийской грамматической традиции в ее «технической» (сугубо лингвистической) части. Действительно, в рамках грамматического описания языка удобнее оперировать не онтологическими концепциями, а динамическим представлением о речевой деятельности, неразрывно связанной с познавательными процессами. И в то же время концепция *викальпы* в ВП не обязательно исключает представление об Абсолютной речи. В свете очевидного тяготения Бхартрихари к монизму Абсолютная форма речи могла пониматься как полностью трансцендентная обыденному сознанию и речевой практике, и это не противоречит тому, что условные формы реализации этой речи на двойственном речевом и познавательном уровне описываются в терминах концептуального конструирования (*викальпа*).

Заключение

Можно предложить несколько объяснений разнородности представлений о природе языка в ВП. Во-первых, следует помнить об общем энциклопедическом характере трактата, который был составлен прежде всего для фиксации различных доктрин и воззрений о языке, бытавших в брахманистском сообществе в первой половине I тысячелетия н. э. Во-вторых, неоднозначность представлений о лингвистическом Абсолюте соотносится и с неопределенным положением грамматической традиции в общефилософском контексте эпохи. Бхартрихари, с одной стороны, мыслил себя продолжателем и апологетом традиции Вед, тяготевшей к абсолютизации речи, а с другой стороны, не мог игнорировать современный ему дискурс буддистов, подвергавших онтологические концепции критике и рассматривавших язык в контексте теории познания. Именно поэтому рассуждения о языке как о ментальном конст-

²¹ śabdajñānānupātī vastuśūnyo vikalpaḥ.

²² «Праманасамуччая» I.3d: nāmajātyādiyojanā [Franco, 1984].

рировании (*викальна*) представлены в ВП гораздо шире, чем онтологические концепции, которые в последующей традиции было принято связывать с философскими воззрениями самого Бхартрихари. Однако и сами по себе учения о лингвистической природе Брахмана и об уровнях речи в рамках философии Бхартрихари не лишены неоднозначности. Лаконичность строф не позволяет определить, отождествлял ли Бхартрихари лингвистическую природу Брахмана и *паш्यанти* как высший уровень речи с предельной формой Абсолюта. Косвенные свидетельства – более ранние упоминания о Шабда-Брахмане в МУ и «Бхагавадгите», а также последующая критика учения об уровнях речи со стороны кашмирского шивита Сомананды – позволяют осторожно предположить, что радикальное отождествление языка с Абсолютом было для Бхартрихари неприемлемо. В целом позицию автора ВП относительно онтологической природы языка можно охарактеризовать как компромисс, направленный на сохранение старых брахманистских учений, восходящих к воззрениям ведийского ритуализма, и их переосмысление в новом – преимущественно эпистемологическом – философском контексте.

Список литературы

- Десницкая Е. А.** Истоки представления о Шабда-Брахмане // Азиатика: Труды по философии и культурам Востока. 2023. Т. 17, № 1. С. 64–79.
- Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н.** Древнеиндийская поэтика и ее индоевропейские истики // Литература и культура древней и средневековой Индии. М.: Вост. лит., 1979. С. 36–88.
- Biardeau M.** Théorie de la connaissance et philosophie de la parole dans le brahmanisme classique, Paris: Mouton, 1964. 484 p.
- Bronkhorst J.** Further Remarks on Bhartṛhari's Vedic Affiliation // Studies in Indian Culture: S. Ramachandra Rao Felicitation Volume. Bangalore: Professor S. Ramachandra Rao Felicitation Committee, 1987, pp. 216–223.
- Bronkhorst J.** Bhartrhari and his Vedic tradition // Bhartrhari: Language, Thought and Reality. Delhi: Motilal Banarsi Dass, 2009, pp. 99–117.
- Buitenen J. A. B. van.** The Maitrāyaṇīya Upaniṣad: A Critical Essay with Text, Translation and Commentary. Hague: Mouton, 1962, 157 p.
- Desnitskaya E.** Paśyantī, Pratibhā, Sphoṭa and Jāti: Ontology and Epistemology in the Vākyapadīya // Journal of Indian Philosophy. 2016. Vol. 44. P. 325–335.
- Desnitskaya E.** Language and Extra-linguistic Reality in Bhartṛhari's Vākyapadīya // Sophia. 2018. Vol. 57. P. 643–659.
- Franco E.** On the interpretation of Pramāṇasamuccaya (Vṛtti) I, 3d // Journal of Indian Philosophy. 1984. Vol. 12 (4). P. 389–400.
- Houben J. E. M.** The Saṃbandha-samuddeśa (Chapter on Relation) and Bhartṛhari's Philosophy of Language: A Study of Bhartṛhari Saṃbandha-samuddeśa in the Context of the Vākyapadīya, with a Translation of Helārāja's Commentary Prakīrṇa-prakāśa. Groningen: Egbert Forsten, 1995. 460 p.
- Iyer K. A. S. (ed.).** Vākyapadīya of Bhartṛhari with the commentary of Helārāja. Kāṇḍa III, part I. Poona: Deccan College, 1963. 388 p.
- Iyer K. A. S. (ed.).** Vākyapadīya of Bhartṛhari with the commentaries Vṛtti and Paddhati, Kāṇḍa I. Poona: Deccan College, 1966. 268 p.
- Lindtner C.** Linking up Bhartṛhari and the Buddhas // Asiatische Studien / Etudes Asiatiques. 1993. Vol. 47. P. 195–213.
- Minor R. N.** Bhagavad-gītā: an exegetical Commentary. New Delhi: South Asia Books, 1982. 504 p.
- Misra S.** Bhartrprapañca – A Vedāntin of Pre-Śaṅkara Era // Journal of Oriental Research (Silver Jubilee Volume). 1981. Vol. 40–41. P. 125–134.

- Nakamura H.** The Concept of Brahman in Bhartṛhari's Philosophy // *Journal of Oriental Research (Silver Jubilee Volume)*. 1981. Vol. 40–41. P. 135–150.
- Nemec J.** The Ubiquitous Śiva. Oxford: Oxford Uni. Press, 2011. 436 p.
- Olivelle P.** The Early Upanishads: Annotated Text and Translation. Oxford: Oxford Uni. Press, 1998. 677 p.

References

- Biardeau M.** Théorie de la connaissance et philosophie de la parole dans le brahmanisme classique, Paris, Mouton, 1964, 484 p.
- Bronkhorst J.** Bhartrhari and his Vedic tradition. In: *Bhartrhari: Language, Thought and Reality*. Delhi, Motilal BanarsiDass, 2009, pp. 99–117.
- Bronkhorst J.** Further Remarks on Bhartṛhari's Vedic Affiliation. In: *Studies in Indian Culture: S. Ramachandra Rao Felicitation Volume*. Bangalore, Professor S. Ramachandra Rao Felicitation Committee, 1987, pp. 216–223.
- Buitenen J. A. B. van** The Maitrāyanīya Upaniṣad: A Critical Essay with Text, Translation and Commentary. Hague, Mouton, 1962, 157 p.
- Desnitskaya E.** Paśyantī, Pratibhā, Sphoṭa and Jāti: Ontology and Epistemology in the Vākyapadīya. *Journal of Indian Philosophy*, 2016, vol. 44, pp. 325–335.
- Desnitskaya E.** Language and Extra-linguistic Reality in Bhartṛhari's Vākyapadīya. *Sophia*, 2018, vol. 57, pp. 643–659.
- Desnitskaya E. A.** Istoki predstavleniya o Shabda-Brahmane [The origin of Śabda-Brahman]. *Asiatica. Trudy po filosofii i kulturam Vostoka* [Asiatica. Works on Philosophy and Cultures of the Orient], 2023, vol. 17, no. 1, pp. 64–79. (in Russ.)
- Elizarenkova T. Ya., Toporov V. N.** Drevneindiyskaya poetika i ee indoeuropeyskiye istoki [Ancient Indian poetics and its Indo-European sources]. In: Zograf G., Erman V. Literatura i kultura drevney i srednevekovoy Indii [Literature and culture of Ancient and Medieval India]. Moscow, Nauka, 1979, pp. 36–88. (in Russ.)
- Franco E.** On the interpretation of Pramāṇasamuccaya (Vṛtti) I, 3d. *Journal of Indian Philosophy*, 1984, vol. 12 (4), pp. 389–400.
- Houben J. E. M.** The Saṃbandha-samuddeśa (Chapter on Relation) and Bhartṛhari's Philosophy of Language: A Study of Bhartrhari Saṃbandha-samuddeśa in the Context of the Vākyapadīya, with a Translation of Helārāja's Commentary Prakīrṇa-prakāśa. Groningen, Egbert Forsten, 1995, 460 p.
- Iyer K. A. S. (ed.)** Vākyapadīya of Bhartṛhari with the commentaries Vṛtti and Paddhati, Kāṇḍa I. Poona, Deccan College, 1966, 268 p.
- Iyer K. A. S. (ed.)** Vākyapadīya of Bhartṛhari with the commentary of Helārāja. Kāṇḍa III, part I. Poona, Deccan College, 1963, 388 p.
- Lindtner C.** Linking up Bhartrhari and the Buddhas. *Asiatische Studien / Etudes Asiatiques*, 1993, vol. 47, pp. 195–213.
- Minor R. N.** Bhagavad-gītā: an exegetical Commentary. New Delhi, South Asia Books, 1982, 504 p.
- Misra S.** Bhartrprapañca – A Vedāntin of Pre-Śaṅkara Era. *Journal of Oriental Research (Silver Jubilee Volume)*, 1981, vol. 40–41, pp. 125–134.
- Nakamura H.** The Concept of Brahman in Bhartṛhari's Philosophy. *Journal of Oriental Research (Silver Jubilee Volume)*, 1981, vol. 40–41, pp. 135–150.
- Nemec J.** The Ubiquitous Śiva. Oxford, Oxford Uni. Press, 2011, 436 p.
- Olivelle P.** The Early Upanishads: Annotated Text and Translation. Oxford, Oxford Uni. Press, 1998, 677 p.

Информация об авторе**Евгения Алексеевна Десницкая**, кандидат философских наук

Scopus Author ID 56431223600

WoS Researcher ID N-2808-2015

RSCI Author ID 699924

SPIN 8049-5790

Information about the Author**Evgeniya A. Desnitskaya**, Candidate of Sciences (Philosophy)

Scopus Author ID 56431223600

WoS Researcher ID N-2808-2015

RSCI Author ID 699924

SPIN 8049-5790

*Статья поступила в редакцию 16.07.2023;
одобрена после рецензирования 12.09.2023; принята к публикации 09.10.2023*
*The article was submitted on 16.07.2023;
approved after review on 12.09.2023; accepted for publication on 09.10.2023*

Научная статья

УДК 811.531

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-143-152

Проблемы прочтения ксилографа D-86 «Самсольги джун»

Дарья Сергеевна Анофриева

Институт восточных рукописей Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

daria-anofrieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0011-1478>

Аннотация

В фондах Института восточных рукописей РАН хранится более 100 тыс. манускриптов и ксилографов на 60 восточных языках. Корейский фонд является малой частью от всего этого количества, но уникальные памятники корейской культуры, хранящиеся в ИВР РАН, представляют интерес как для исследователей из Республики Корея, так и для отечественных ученых. В данной статье описываются сложности прочтения текста ксилографа D-86 «Самсольги джун» из Рукописного фонда ИВР РАН. Разбираются основные проблемы, с которыми может столкнуться исследователь при работе с подобными средневековыми памятниками корейской культуры, написанными корейским алфавитом (*хангылем*). Автор статьи анализирует некоторые особенности новокорейского языка, выявленные в данном ксилографе, и описывает его отличия от языка XV в. и от современного корейского языка. В статье приводятся особенности записи графики текста XIX в., которые ранее не освещались (в частности символ повтора предыдущего слога, и знак сокращения срединного предикативного аффикса *고* /ко/).

Ключевые слова

Корейская коллекция ИВР РАН, «Самсольги джун» («Три рассказа. Средний [квон]»), корейский язык XIX в., история корейской графики, корейская (*хангыль*) полурукопись

Для цитирования

Анофриева Д. С. Проблемы прочтения ксилографа D-86 «Самсольги джун» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10: Востоковедение. С. 143–152. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-143-152

Problems of Reading the Text of Xylograph D-86 “Samseolgi jung”

Daria S. Anofrieva

St. Petersburg Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Sciences

St. Petersburg, Russian Federation

daria-anofrieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0011-1478>

Abstract

The Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (IOM RAS) has more than 100,000 manuscripts and xylographs in 60 Oriental languages. The Korean fund represents a small part of this collection, however the unique works of Korean culture stored in the IOM RAS are of interest to both researchers from the Republic of Korea and local Russian scientists. The article describes the difficulties of reading the text of the D-86 xylograph "Samseolgi jung" from the Manuscript Collection of the IOM RAS. The work highlights the main problems that a researcher may encounter when working with similar medieval sources of Korean culture written in the Korean alphabet (in Hangul). The author of the article analyzes some features of the Modern Korean language revealed in this xylograph and describes its differences from the language of the 15th century and from Contemporary Korean, using the

© Анофриева Д. С., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10: Востоковедение. С. 143–152
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 10: Oriental Studies, pp. 143–152

study of texts written in *Hangul* in different centuries for comparison. Commented examples of the old orthography and different spelling variations of the same word are used to illustrate the peculiarities in the language of the source. This article also describes the features of writing the graphics of the text of the 19th century, which were not previously covered (in particular, the symbol of repetition of the previous syllable, which in its graphic form and function is similar to the repetition sign used in the Chinese language, and the abbreviation sign of the median predicative affix 고 /go/).

Keywords

Korean collection of IOM RAS, “Samseolgi jung” (“Three stories. Medium [kwon]”), 19th century Korean, history of Korean graphics, Korean (*Hangul*) semi-cursive script

For citation

Anofrieva D. S. Problems of Reading the Text of Xylograph D-86 “Samseolgi jung”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 10: Oriental Studies, pp. 143–152. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-143-152

Введение

Корейский фонд Отдела рукописей и документов ИВР РАН начал формироваться еще в 1864 г., когда в Азиатский музей (с 1930 г. – Институт востоковедения АН СССР, с 1956 г. – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, с 2007 г. – Институт восточных рукописей РАН) поступила коллекция Азиатского департамента Министерства иностранных дел [Петрова, 1956, с. 3]. На сегодняшний день собрание корейских памятников в Отделе рукописей и документов насчитывает около 900 единиц хранения [Троцевич, 2008, с. 187]. Большая часть корейского фонда представлена тремя коллекциями книг, собранными тремя дипломатами: П. А. Дмитревским, У. Дж. Астоном и П. Г. фон Мёллендорфом.

Заинтересовавший нас ксилограф «Самсольги джун» 삼설기중 (三說記中) «Три рассказа. Средний [квон]» является частью коллекции, принадлежавшей П. Г. фон Мёллендорфу. Сведений о времени появления этой коллекции в ИВР РАН нет, но, очевидно, она поступила в фонды института не позже 1980 г., поскольку, как пишет А. Ф. Троцевич, «в ряде ксилографов на обратной стороне обложки карандашом помечен инвентарный номер Рукописного фонда за 1980 г.» [Там же]. Впоследствии подробное описание данного памятника (язык, размеры, пагинация, бумага) было выполнено А. Ф. Троцевич и А. А. Гурьевой [Троцевич, Гурьева, 2009, с. 164–165].

Произведение, по оценке корейских авторов, представляет собой одну из жемчужин литературы конца эпохи Чосон [Ким Гидон, 1981]. Насколько нам известно, исследований, содержащих углубленный анализ или перевод памятника, на русском языке не имеется, что и побудило нас к изучению данного ксилографа.

Исследование средневековых корейских памятников письменности

«Самсольги джун» представляет собой «средний», т. е. второй, *квон* («свиток») из серии, состоящей из трех *квонов*. Каждый *квон* содержит три рассказа. Автор и год издания ксилографа не указаны, но в коллекции У. Дж. Астона, хранящейся в Отделе рукописей и документов ИВР РАН (шифр В-2, № 83, т. 7), имеются второй и третий *квоны* этой же серии рассказов. Основываясь на сходстве почерков В-2 и D-86 и наличии дефектов печати текста в одних и тех же местах, мы можем предположить, что они были отпечатаны с одних досок. Поскольку на третьем *квоне* из коллекции У. Дж. Астона присутствует колофон, гласящий, что печатные доски были вырезаны в 11-й луне года *мусин* (1848), можно предположить, что D-86 также был издан в 1848 г. Сам текст памятника записан вертикальными строками сверху вниз только корейским алфавитом (*хангыль*), а иероглифы используются лишь в заглавии на обложке.

Первым этапом работы было прочтение памятника, поскольку текст ксилографа записан полускорописью с большим количеством связных начертаний. Неоценимую помощь в этом оказали публикации отечественных и зарубежных исследователей. В своих работах они при-

водят наглядные примеры графических форм полускорописи из других корейских произведений, написанных на *хангыле*, а также анализ грамматики и орфографии этих памятников, что дало нам достаточно материала для сравнения отличий языка текста «Самсольги» от норм корейского языка разных веков. Прежде всего это издания серии «Памятники письменности Востока», которые содержат не только текст перевода с восточного языка и комментарий переводчика, но также и факсимиле оригинала.

В 1960 г. Д. Д. Елисеев опубликовал сборник «Пэкрён чхохэ», который является антологией корейских лирических стихотворений *рён-гу*, предположительно, составленной в XVI в. Памятник является одной из самых ранних рукописей, в которых китайский текст параллельно дублируется *хангылем*, и у каждого иероглифа стоит его чтение по-корейски уставным письмом [Пэкрён чхохэ, 1960].

Через несколько лет, в 1962 г., М. И. Никитина и А. Ф. Троцевич опубликовали перевод первого *квона* романа «Ссянъчхон кыйбонъ» («Удивительное соединение двух браслетов»). Точных даты написания данного памятника М. И. Никитина и А. Ф. Троцевич установить не смогли, но сделали предположение, основанное на анализе языка текста, что это, вероятно, XVIII в. Издание, являющееся частью коллекции У. Дж. Астона, было приобретено, скорее всего, в 1824 г. Особенность романа в том, что он написан в эпоху расцвета средневековой прозы и отличается от остальных произведений этого времени как жанром, там и стилем написания. Текст представляет собой прекрасный образец дворцовой полускорописи [Ссянъчхон кыйбонъ, 1962].

Следующим корейским произведением, которое вышло в свет в серии «Памятники письменности Востока», была «Чхунхян джон квонджитан» («Краткая повесть о Чхунхян»), переведенная А. Ф. Троцевич. Это простонародная анонимная повесть конца XVIII в. и на сегодняшний день является самым известным и популярным корейским произведением, описывающим историю любви юноши и девушки, принадлежащих к разным сословиям. Данная книга содержит неизвестный на момент издания вариант сюжета этой повести. Ксилограф представляет собой образец уставного написания *хангыля* [Чхунхянджон, 1968].

В 1971 г. Д. Д. Елисеев опубликовал «Чхое чхун джон» («Повесть о верном Чхое»). В Рукописном отделе ИВР РАН хранится два варианта этого памятника: рукопись и ксилограф. Издание содержит перевод рукописи конца XVIII – начала XIX в. Повесть является ранним образцом жанра историко-биографического повествования, который был распространен в XVII–XIX вв. и рассказывает о жизни государственного деятеля эпохи Силла. Официальная биография поэта послужила основой для создания произведения, но в самой повести факты его биографии под влиянием фольклора предстают в новом осмыслиении. Факсимиле памятника представляет собой образец корейской скорописи [Чхое чхун джон, 1971].

Через несколько лет Д. Д. Елисеев опубликовал перевод «Ним чангун джон» («Повесть о полководце Ниме»). Издание содержит факсимиле редкого ксилографа XIX в., краткий литературоведческий анализ повести, а также выводы переводчика о связи биографических повестей с историографическим жанром биографии. Автор и дата создания памятника неизвестны, но корейские исследователи считают, что произведение было создано в первой половине XVIII в. Текст является примером корейской полускорописи [Ним чангун джон, 1975].

В 1979 г. Л. Р. Концевич опубликовал «Наставление народу о правильном произношении. Хунмин чоным» – памятник XV в., который включает в себя указ короля Седжона о введении корейского фонетического письма и комментарий к нему, составленный группой придворных ученых. Помимо перевода, издание содержит текстологическое и палеографическое исследование, лингвистические и исторические комментарии к тексту. Памятник дает представление о грамматике языка XV в. и уставного написания *хангыля* [Хунмин чоным, 1979].

Традиция публиковать переводы памятников совместно с факсимиле сохранилась и в дальнейшем. Так, издательством «Петербургское востоковедение» в серии «Памятники

культуры Востока» был опубликован перевод написанных на *хангыле* корейских новелл Ким Чегука, выполненный Д. Д. Елисеевым [Ким Чегук, 2004].

Другая книга, которая имеет огромное значение для изучающих корейскую литературу на *хангыле* и о которой нельзя не упомянуть, – «Ода о драконах, летящих к небу», перевод которой выполнен Е. Н. Кондратьевой в 2011 г. Этот памятник особо ценен тем, что является первым текстом, полностью написанным на *хангыле* и опубликованным через год после официального введения корейской письменности в 1446 г. Изучением этого текста в свое время занимался А. А. Холодович, и анализ языка «Оды...» лег в основу его работы «Материалы по грамматике корейского языка XV века» [Холодович, 1986]. Издание нового перевода, выполненного Е. Н. Кондратьевой, к сожалению, не содержит факсимиле текста.

Кроме того, мы использовали работы по истории корейского языка, опубликованные как иностранными учеными [Огуря Симпэй, 1940; Lee, Ramsey, 2000; 2011], так и отечественными исследователями [Логунова, 2014; Кондратьева, 2005], и словарно-справочные пособия [Нам Гванъу, 2002; Ю Чхандон, 1955]. В своей работе мы также использовали южнокорейские исследования, посвященные истории корейского языка, а именно книги, описывающие особенности определенного периода, например, среднекорейского языка [Ко Ёнгын, 2020], а также охватывающие все этапы развития языка [Ли Гимун, 2006; Ким Донсо, 2007].

Работа над текстом «Самсольги»

Приступая к самостоятельной работе над памятником, мы столкнулись с несколькими проблемами. Первая сложность в работе с данным текстом заключается в почерке переписчика. В некоторых местах текста буквы *хангыля* написаны почти уставом, и разобрать такой

слог не представляет особого труда, например: (담 *다* /тамтай/). Вместе с тем переписчик часто прибегает к полускорописному (слитному) написанию букв, в результате чего возникают следующие трудности.

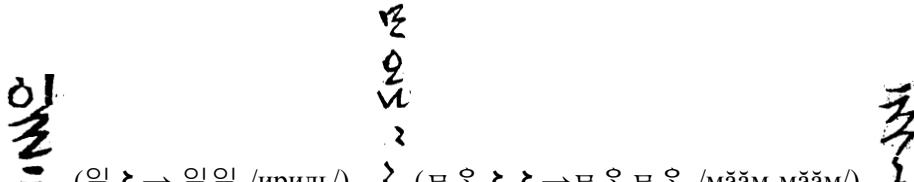
1. В тексте встречаются сходные написания разных букв. Примером может послужить написание слова (*하* /хă/), который пишется с использованием ныне исчезнувшей буквы «точечной А» (ㆍ) и по форме написания напоминает слог *չ* /чхă/ или слог *초* /чхо/ — как,

например, в предикативе (초초 *하*여 /чхочхохăё/), где присутствуют оба эти слога. В случаях, подобных вышеописанному, для идентификации конкретного слога можно прибегнуть к анализу рядом стоящих слов. Как правило, после слога *하* /хă/ следует слог *여* /ё/, который и указывает на то, что это предикативная форма *하다* /хада/.

2. В тексте можно встретить разные написания одной и той же буквы — например, написание буквы *으* /п/ в слогах (*업* /оп/), (*업* /оп/). Кроме того, в тексте используются характерные для рукописного текста условные сокращения — например, знак повтора предыдущего слога () и знак, обозначающий срединный соединительный аффикс *고* /ко/ (), а также слог *고* /ко/.

Знак повтора по своей графической форме воспроизводит символ, используемый в литературном китайском языке для обозначения дублирования предыдущего иероглифа или двух.

Например, (일 い → 일일 /ириль/), (마 음 ま → 마 음 마 음 /мāам мāам/), (초 ち → 초초 /чхочхо/).

Знак ζ ¹ используется не только для обозначения аффикса **고** /ко/, но и для скорописного

написания слога **고** /ко/. Примером может послужить последовательность (두다리니 と だりに → 두다리니 니 ζ 고 /тударини ныикко/), в которой знак ζ используется вместо обычного написания слога **고** /ко/ (первый слог наречия **니 ζ 고** /ниикко/ повторяет последний слог предыдущего слова, поэтому в нем использован знак повтора). Так же, как и обычные буквы, эти знаки иногда очень сложно разобрать в тексте из-за их сходства в скописном начертании с другими знаками. Например, в топониме (서지 ζ 가이 /сёджи когай/)

графическая форма символа ζ очень напоминает знак повтора предыдущего слога , но не является им. В таких случаях остается только обращаться к словарно-справочной литературе для проверки возможных вариаций слов.

Вторая группа проблем при прочтении текста связана с особенностями его орфографии. Эти особенности продиктованы, во-первых, объективными различиями фонетики и грамматики языка XIX в. от современного корейского языка. Фонетический состав языка «Самсольги» близок к среднекорейскому языку. В состав гласных, как и в XV в., входят открытые, или «светлые», звуки *ā, a, o* и закрытые, или «темные», звуки *ы, ȑ, ȑ, u*, а также нейтральный звук *и*. В тексте памятника можно проследить четкое следование закону сингармонизма, характерного для среднекорейского языка.

По этому правилу, если первый слог корня содержал в себе открытый гласный, то и второй слог мог содержать только открытый гласный или нейтральный *и*, если же первый слог содержал закрытый гласный / нейтральный *и*, то и во втором слоге может быть только закрытый гласный или нейтральный *и* [Холодович 1954, с. 33]. Состав смычных согласных, напротив, соответствует норме современного корейского языка – например, в тексте памятника имеются сильные согласные, которых нет в тексте «Оды о драконах, летящих к небу» [Ода о драконах..., 2011, с. 22], и отсутствуют характерные для среднекорейского языка звуки – например, свистящий звук /с-ш/, обозначавшийся буквой .

¹ Так как в Unicode нет символа для этого знака, мы попытались подобрать наиболее похожий по графической форме символ и далее будем использовать его для обозначения аффикса **고** /ко/.

В тоже время в тексте широко используется ныне исчезнувшая буква «точечная А» (◦). В XIX в. данная буква обозначала звук /a/ или /ы/ в зависимости от положения в слоге. Так, в первом слоге она обычно читается как /a/, а если это не первый закрытый слог, то буква читается как /ы/.

Некоторые слова, встречающиеся в тексте памятника, в современном языке звучат по-

더
토
으
ك

(더 /то/ → 더)

другому. Это касается как предикативов, так и наречий. Например,

토
으
ك

/тоук/), 토 (슬 흐 /сыльхохада/ → 슬파하다 /сыльпхохада/), 헤 (갓갑게 /каткапгэ/ → 가깝게 /аккапкэ/). Если словоформа не сильно отличается от современного написания, догадаться о значении слова не сложно, но в случаях, когда отличия в словоформе значительны, для нахождения дефиниции остается только обращаться к словарно-справочной литературе.

Также, несмотря на то, что текст написан во второй половине XIX в., используемые варианты падежных окончаний не всегда совпадают с современным корейским языком. Поэтому можно увидеть, что правила выбора вариантов окончаний не соответствуют современным,

시
부
리

например, 시 (시벽률 /сайбёкрэль/ → 새벽률 /сэбёгыль/).

Во-вторых, орфографические нормы корейского языка XIX в. не совпадали с современными.

1. В орфографии текста памятника сохраняются многие архаичные черты. Начертание букв для сильных согласных в начале слога отличается от современного языка, где используются сдвоенные буквы (ㅋ /кк/, ㅍ /пп/, ㅌ /тт/, ㅊ /чч/, ㅆ /сс/). В тексте памятника вместо них используется сочетание согласного и буквы ㅅ /с/, которая выполняет роль показателя

ㄕ (ㄕ → ㄕ /ккэ/), ㄕ (ㄕ → ㄕ /ттэ/). Также

мы можем наблюдать передачу усиления звуков на стыке слогов с помощью буквы

ㄕ

ㅅ /с/ в подслоге первого слога: 엇지 /отчи/ → 어찌 /очки/. В предикативах с аспирацией используются не специальные буквы для придыхательных согласных (ㅊ /чх/, ㅍ /px/, ㅌ /кх/, ㅆ /тх/), а сочетание буквы для соответствующего смычного с буквой ㅎ /х/. Примером таких

갓
한

같
하

слов могут послужить 갓흔 /катхын/ → 같은 /катхын/), ㅎ하 (ㅎ하 /нопха/ → 높아 /нопха/). Для обозначения непроизносимого мягкого этимологического «н» в начале слова

넷
적

чаще используется буква ㆁ /н/, а не немая буква ㆁ. Примером может послужить слово (넷적 /нейтччёк/ → 엣적 /йтччок/).

2. Орфографические нормы XIX в. еще не пришли к единому стандарту. Например, слово

«человек» записывается двумя способами: в первом варианте (사람 /sərəm/) написание с использованием «точечной А» в обоих слогах соответствует норме XV в., и во втором вари-

анте (사람 /sərəm/) «точечная А» используется для записи лишь второго слога. Подобную картину можно наблюдать и со словом «душа», которое тоже имеет два написания: в

варианте (영 /yeong/ только первый слог пишется с использованием ныне исчезнувшей

«точечной А», а в варианте (영 /yeong/ 마음 /maem/ форма идентична современному написанию данного слова. Также окончание может «сливаться» на письме с основой, как это произошло

со словом (그거슬 /kygosyl / → 그것을 /kygosyl/). Данный случай является нарушением морфологического принципа орфографии, так как буква ㅅ /s/, которая в современном языке записывается в подслоге, записывалась в следующем слоге, соединенная с падежным окончанием. Наконец, существенную проблему составляет отсутствие в тексте каких-либо знаков препинания, что заставляет ориентироваться при определении границ предложений исключительно на окончания.

Заключение

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что работа с ксилографами и рукописями, написанными на *хангыле*, заключается не только в переводе собственно текста, но и в преодолении ряда трудностей. У каждого человека есть свои особенности почерка, переписчики не всегда писали уставным письмом, поэтому текст чаще всего записан полускорописью или скорописью, разобрать слитное написание слогов не всегда просто – все это влияет на работу с текстом и осложняет ее. Не стоит забывать, что язык того времени, когда был написан памятник, претерпел большие изменения, а значит, будет отличаться от норм современного языка, к которому мы привыкли. И все эти факторы вместе, затрудняют перевод текста, но, с другой стороны, делают изучение ксилографа или рукописи интереснее.

Список литературы

- Ким Чегук.** Корейские новеллы. Из корейских рукописей Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН / Факсимиле рукописей; пер. с кор., предисл. и comment. Д. Д. Елисеева; под ред. А. Ф. Троцевич. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 600 с.
- Кондратьева Е. Н.** Грамматика предикатива в ранненовокорейском языке: от среднекорейского к новокорейскому: Дис. ... канд. истор. наук. М.: 2005. 293 с.
- Логунова Е. С.** Графическая система корейского языка XVIII века // Урало-Алтайские исследования. 2014. № 3 (14). С. 39–57.

- Ним чангун джон (Повесть о полководце Ниме) / Факсимиле ксилографа, текст, пер. с кор., предисл. и comment. Д. Д. Елисеева. М.: Наука, 1975. 128 с.
- Ода о драконах, летящих к небу / Пер. со среднекорейского, стихотворное переложение Е. Н. Кондратьевой; вступ. ст., пер. с ханмуна, примеч. Е. Н. Кондратьевой, О. М. Мазо. М.: Вост.лит., 2011. 239 с.
- Петрова О. П.** Описание письменных памятников корейской культуры / Отв. ред. Д. И. Тихонов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Вып. 1. 99 с.
- Пэкрён чхохэ: антология лирических стихотворений рён-гу с корейским переводом / Изд. текста, пер. и предисл. Д. Д. Елисеева. М.: ИВЛ, 1960. 59 с.
- Ссянъчхон кыйбонъ (Удивительное соединение двух браслетов) / Изд. текста, пер. и предисл. М. И. Никитиной и А. Ф. Троцевич. М.: ИВЛ, 1962. 202 с.
- Троцевич А. Ф.** Корейские коллекции в Азиатском музее: история формирования и содержание // Письменные памятники Востока. 2008. № 1 (8). С. 187–199.
- Троцевич А. Ф., Гурьева А. А.** Описание письменных памятников корейской традиционной культуры. II: Корейские письменные памятники в рукописном отделе Института восточных рукописей Российской академии наук. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 424 с.
- Холодович А. А.** Очерк грамматики корейского языка: Учеб. пособие для вузов. М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1954. 320 с.
- Холодович А. А.** Материалы по грамматике корейского языка XV века. Фонетика. Приложения / Предварительные публикации Отдела языков Ин-та востоковедения АН СССР; подгот. Л. Р. Концевича. М.: Наука, 1986. Вып. 5. 64 с.
- Хунмин чоным («Наставление народу о правильном произношении») / Исследование, пер. с ханмуна, примеч., прилож. и указатели Л. Р. Концевича; отв. ред. А. А. Холодович. М.: ГРВЛ, 1979. 459 с.
- Чхое чхун джон (Повесть о верном Чхое) / Факсимиле корейской рукописи, пер., предисл. и comment. Д. Д. Елисеева. М.: Наука, 1971. 222 с.
- Чхунхянджон квонджитан (Краткая повесть о Чхунхян) / Факсимиле ксилографа, пер., предисл. и comment. А. Ф. Троцевич. М.: ГРВЛ, 1968. 160 с.
- Lee Iksop, Ramsey S. The Korean Language. Albany: State Uni. of New York Press, 2000. 374 p.
- Lee K.-M., Ramsey S. A History of the Korean Language. New York; Cambridge, 2011. 336 p.
- Ким Гидон.** Хангук коджонсосоль ёнгу [김기동 한국고전소설연구] Исследования корейских классических новелл. Сеул: Кёхакса, 1981. 910 с. (на кор. яз.)
- Ким Донсо.** Хангугоый ёкса [김돈소 한국어의 역사] История корейского языка. Тэгу: Джоннимса, 2007. 420 с. (на кор. яз.)
- Ко Ёнгын.** Пхёджун чунсе куго мунппомнон [고영근 표준 중세 국어 문법론] Нормативная грамматика среднекорейского языка. Сеул: Джипмундан, 2020. 544 с. (на кор. яз.)
- Ли Гимун.** Кугосагэсоль [이기문 국어사개설] Введение в историю корейского языка. Пхаджу: Тхэхакса, 2006. 240 с. (на кор. яз.)
- Нам Гванъу.** Коосаджон [南廣祐 古語辭典] Словарь среднекорейского языка. Сеул: Ильчогак, 2002. 597 с. (на кор. яз.)
- Огура Симпэй.** Тё:сэнго гакуси [小倉進平 朝鮮語学史] История корейского языка. Токио: Токо сёин, 1940. 382 с. (на яп. яз.)
- Ю Чхандон.** Коосаджон [劉昌惇 古語辭典] Словарь среднекорейского языка. Сеул: Тонгук-мунхваса, 1955. 686 с. (на кор. яз.)

References

Choi chung jeong (Povest' o vernom Chkhoe) [Tale of Faithful Choi]. Moscow, Nauka, 1971, 222 p. (in Russ.)

- Chunhyangjeon (Kratkaya povest' o Chkhunkhyan) [A Brief Tale of Chunhyang]. Moscow, GRVL, 1968, 160 p. (in Russ.)
- Hunminjeongeum (“Nastavlenie narodu o pravil'nom proiznoshenii”). [The Correct / Proper Sounds for the Instruction of the People]. Moscow, GRVL, 1979, 459 p. (in Russ.)
- Im Changgun Chon (Povest' o polkovodtse Nime) [The Tale of General Im]. Moscow, Nauka, 1975, 128 p. (in Russ.)
- Kholodovich A. A.** Ocherk grammatiki koreiskogo yazyka [Essay on Korean Grammar]. Textbook for Universities. Moscow, Izd-vo lit-ry na inostr. yazykakh, 1954, 320 p. (in Russ.)
- Kholodovich A. A.** Materialy po grammatike koreiskogo yazyka XV veka. Fonetika. Prilozheniya [Materials on the grammar of the Korean language of the 15th century. Phonetics. Applications.]. Moscow, Nauka, 1986, 64 p. (in Russ.)
- Kim Cheguk.** Koreiskie novelly. Iz koreiskikh rukopisei Sankt-Peterburgskogo filiala Instituta vostokovedeniya RAN [Korean Tales. From Korean manuscripts of the St. Petersburg branch of the Institute of Oriental Studies of RAS]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 2004, 600 p. (in Russ.)
- Kondrat'eva E. N.** Grammatika predikativa v rannenovokoreiskom yazyke: ot srednekoreiskogo k novokoreiskomu [Predicative Grammar in the Early New Korean Language: from Middle Korean to Modern Korean]. Moscow, 2005, 293 p. (in Russ.)
- Logunova E. S.** Graficheskaya sistema koreiskogo yazyka XVIII veka [Graphic system of the Korean language of the 18th century]. *Uralo-Altaiskie issledovaniya*, 2014. no. 3 (14), pp. 39–57. (in Russ.)
- Oda o drakonakh, letyashchikh k nebu [Songs of the Dragons Flying to Heaven]. Moscow, Vost. lit., 2011, 239 p. (in Russ.)
- Paekryun chohe: antologiya liricheskikh stikhovrenii ren-gu s koreiskim perevodom [Paekryun chohe: an anthology of lyric poems by ryong-gu with Korean translation]. Moscow, IVL, 1960, 59 p. (in Russ.)
- Petrova O. P.** Opisanie pis'mennykh pamyatnikov koreiskoi kul'tury [Description of written monuments of Korean culture]. Moscow, Leningrad, 1956, vol. 1, 99 p. (in Russ.)
- Ssyan “chkhon kyibon” (Udivitel'noe soedinenie dvukh brasletov) [Ssyan “chkhon kyibon” (Amazing pairing of two bracelets)]. Moscow, IVL, 1962, 202 p. (in Russ.)
- Trotsevich A. F.** Koreiskie kollektii v Aziatskom muzee: istoriya formirovaniya i soderzhanie [Korean Collections at the Asiatic Museum: Formation History and Content]. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka*, 2008. no. 1 (8), pp. 187–199. (in Russ.)
- Trotsevich A. F., Gurieva A. A.** Opisanie pis'mennykh pamyatnikov koreiskoi traditsionnoi kul'tury. II: Koreiskie pis'mennye pamyatniki v rukopisnom otdele Instituta vostochnykh rukopisei Rossiiskoi akademii nauk. [Description of written monuments of Korean traditional culture. 2. Korean written monuments in the manuscript department of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg, SPbSU Press, 2009, 414 p. (in Russ.)
- Go Yongyn.** Phyejun chunse kugo [표준 중세 국어 문법론]. Medieval Korean Grammar. Seoul, Thapchelphansa, 2020, 544 p. (in Kor.)
- Lee Iksop, Ramsey, S.** The Korean Language. Albany, State Un. of New York Press, 2000, 374 p.
- Lee K.-M., Ramsey, S.** A History of the Korean Language. New York, Cambridge, 2011, 336 p.
- Kim Dongso.** Hangugeoe yeokssa [한국어의 역사]. A History of the Korean Language. Daegu, Jeongnimsa, 2007, 420 p. (in Kor.)
- Kim Gidong.** Hanguk gojeong soseol yeongu [한국고전소설연구]. The research of the classic Korean novels. Seoul, Kyohaksa, 1981, 910 p. (in Kor.)
- Lee Ki-Moon.** Gugeosagaeseol [국어사개설]. Introduction to the History of the Korean Language. Paju, Taehagsa, 2006, 240 p. (in Kor.)

Nam Kwangu. Goeo sajeon [古語辭典]. Dictionary of the Middle Korean. Seoul, Iljogak 2002, 597 p. (in Kor.)

Ogura Shinpei. Chōsengo gakushi [朝鮮語学史]. The History of the Korean language. Tokyo, Tōkō Shoin, 1940, 382 p. (in Jap.)

Yu Changdon. Goeo sajeon. [古語辭典]. Dictionary of the Middle Korean. Seoul, Dongguk-munhwasa 1955, 686 p. (in Kor.)

Информация об авторе

Дарья Сергеевна Анофриева, магистр
WoS Researcher ID JAE-1975-2023

Information about the Author

Daria S. Anofrieva, Master's Degree
WoS Researcher ID JAE-1975-2023

*Статья поступила в редакцию 09.08.2023;
одобрена после рецензирования 02.09.2023; принята к публикации 09.10.2023
The article was submitted on 09.08.2023;
approved after review on 02.09.2023; accepted for publication on 09.10.2023*

Хроника

Краткое сообщение

УДК 902.2 / 902.6

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-153-157

XII Международная научная конференция «Древние культуры Монголии, Байкальской и Южной Сибири и Северного Китая»

Андрей Васильевич Варенов

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

avvarenov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2145-8611>

Аннотация

Представлен отчет о XII Международной научной конференции «Древние культуры Монголии, Байкальской и Южной Сибири и Северного Китая», проходившей в Иркутске на базе Иркутского государственного университета с 25 по 30 сентября 2023 г. Приводятся краткие описания представленных докладов.

Ключевые слова

археология, Северный Китай, Монголия, Южная Сибирь, Байкальская Сибирь, XII Международная конференция

Для цитирования

Варенов А. В. XII Международная научная конференция «Древние культуры Монголии, Байкальской и Южной Сибири и Северного Китая» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10: Востоковедение. С. 153–157. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-153-157

XII International Scientific Conference “Ancient Cultures of Mongolia, Baikal and Southern Siberia, and Northern China”

Andrey V. Varenov

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

avvarenov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2145-8611>

Abstract

A report on the XII International scientific conference “Ancient Cultures of Mongolia, Baikal and Southern Siberia, and Northern China” held in Irkutsk by Irkutsk State University from September 25 to September 30 2023 is presented. Brief descriptions of the papers presented are given.

Keywords

archaeology, Northern China, Mongolia, Southern Siberia, Baikal Siberia, XII International conference

For citation

Varenov A. V. XII International Scientific Conference “Ancient Cultures of Mongolia, Baikal and Southern Siberia, and Northern China”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 10: Oriental Studies, pp. 153–157. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-153-157

© Варенов А. В., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10: Востоковедение. С. 153–157
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 10: Oriental Studies, pp. 153–157

С 25 по 30 сентября 2023 г. в Иркутске прошла XII Международная научная конференция «Древние культуры Монголии, Байкальской и Южной Сибири и Северного Китая». Базовой принимающей организацией выступил Иркутский государственный университет. На открытии конференции участников приветствовали проректор по учебной работе Иркутского государственного университета А. И. Вокин, проф. Бурятского государственного университета А. Д. Цыбиктаров и директор НИЦ «Байкальский регион» Иркутского государственного университета Е. А. Липнина.

Затем прозвучали пленарные доклады И. М. Бердникова «Неолит Предбайкалья: проблемы периодизации и культурно-хронологической дифференциации», Ван Лисина «Производство и обмен медных и оловянных руд в период позднего Шан на юго-западе горного массива Большой Хинган» (大兴安岭西南端晚商时期铜锡矿料的生产与流向), А. В. Полякова «Проблема термина “карасукская культура”», А. Д. Цыбиктарова «Взаимоотношения населения разных экологических зон Монголии, Забайкалья и Прибайкалья как источники по изучению дипломатии древних кочевников Центральной Азии эпохи бронзы и раннего железа (часть IV, к постановке проблемы)».

Далее участники конференции работали в пяти секциях: «Каменный век» (включавшей как палеолит, так и неолит), «Бронзовый и ранний железный века», «Эпоха кочевых империй и постсредневековье», «Первобытное искусство, сохранение археологического наследия и история науки», «Этнология и антропология». Наиболее богатая участниками секция, посвященная эпохе камня, заседала весь первый день работы конференции, 25 сентября. 26 сентября последовательно работали все остальные четыре секции. Все заседания проходили в конференц-зале Научной библиотеки им. В. Г. Распутина Иркутского государственного университета. Поскольку учебные корпуса ИГУ и его Научная библиотека расположены на разных берегах Ангары, участников туда ежедневно утром доставляли автобусами от здания НИЦ «Байкальский регион» Иркутского государственного университета, а вечером отвозили обратно.

Групповое фото участников конференции в холле Научной библиотеки ИГУ
Group photo of the participants of the Conference in the lobby of the Scientific Library

На секции «Каменный век» выступили А. В. Кандыба «Раннепалеолитическая культура анкхе (Вьетнам)», М. Б. Козликин «Средний палеолит Денисовой пещеры: новые данные» (онлайн), Д. Е. Власенко «Типологический анализ скребел и скребков культурного слоя 4 археологического памятника Усть-Менза-14 (Западное Забайкалье)», Н. И. Дроздов «Археологические культуры в позднем палеолите в Енисейской Сибири (история и проблемы выделения)», Н. Е. Бердникова «Особенности культур МИС 2 – начала МИС 1 Байкало-Енисейской Сибири», Д. П. Золотарев «Местонахождение Китайский Мост в контексте археологических комплексов позднего этапа верхнего палеолита Байкало-Енисейской Сибири», Д. Н. Молчанов «Новые данные о палеолите Кудинской долины – стоянка Столбово 3», А. В. Тетенькин «Радиоуглеродное датирование стоянки Коврижка-IV на Витиме», Е. А. Филатов «Первичное расщепление культурного слоя 4 мастерской Титовская Сопка (Восточное Забайкалье)» (онлайн), Ю. А. Трухина «Новый комплекс LGM MIS-2 культурного слоя 5 на Студеном-II (Западное Забайкалье)» (онлайн), П. В. Мороз «Прогнозирование поиска объектов каменного века в районе г. Чита на основании анализа расположения выходов минерального сырья» (онлайн), М. Р. Мещерин «Вопросы геохронологии и периодизация объектов палеолита Афонтовой горы», И. И. Разгильдеева «Стоянка Афонтова Гора IV: результаты планиграфического анализа комплексов пункта I – 2020 г.», А. А. Уланов «Концепции трансмиссии и конвергенции в изучении микропластинчатых индустрий Северной Азии и Берингии: постановка задачи» (онлайн), И. В. Уланов «Сетчатая керамика раннего неолита стоянки Хайтинский Мост 1 (Южное Приангарье)», М. В. Степанов «К вопросу о происхождении технического декора в гончарной практике раннего неолита Якутии: экспериментальное моделирование», В. М. Дьяконов «Керамика калайского типа в неолите Якутии (к вопросу о контактных зонах неолитических культур Якутии и Байкальской Сибири)», Цюань Цянкунь «Новые стоянки раннего неолита в Северном Китае» (中国北方早期新石器遗存新发现), Д. А. Гурулёв «Поселенческий комплекс эпохи неолита стоянки Мурский порог-1 (Нижнее Приангарье)», А. Н. Чеха «Неолитические комплексы Усть-Кутарейского участка в Северном Приангарье (проблемы изучения и аналогии)» (онлайн), Насан-Очир Эрдэнэ-Очир «Неолитический погребальный комплекс “Улзийт Дендж”» («Өлзийт дэнж»-ийн шинэ чулувун зэвсгийн үеийн оршуулгын цогцолбор), Е. А. Гирченко «Каюково 1 – новый памятник оборонного зодчества Северной Азии».

На секции «Бронзовый и ранний железный века» прозвучали доклады И. П. Лазаретова «Курганы-матрешки окуневской культуры или свято место пусто не бывает», С. П. Дударёва «Погребальные комплексы местонахождения Усть-Кеуль 1. Предварительные данные», Г. Л. Иванова «Предварительный анализ материалов стоянки Капсал VI – памятника поздней бронзы – раннего железа в Кудинской долине (по итогам полевых археологических работ 2022 года)», К. В. Бирюлевой «Керамика нижнепорожинской культуры селища Шилка XIII тайги Среднего Енисея (по материалам работ 2017 г.)», М. А. Филатовой «Антралогический анализ древков стрел из археологического памятника Кичигино I» (онлайн), Р. Р. Саттарова «Китайские импорты и заимствования в памятниках оседлого населения Предуралья рубежа эр», Санжэрэлэгийн Энхболда «Краткие результаты раскопок погребений хунну Аргунта» (Ар гүнтийн Хүннүгийн булшны малтлага судалгааны товч үр дүн), М. А. Кудиновой «Гробница Сюй Сянью как памятник культурных связей государства Северная Ци», Цогтбаяра Цэлхагарава «Некоторые проблемы изучения памятников, связанных с историей позднего бронзового века» (Хожуу хүрлийн үеийн түүхэнд холбогдох нэгэн дурсалгын судалгааны зарим асуудал).

На секции «Эпоха кочевых империй и постсредневековье» прозвучали доклады Г. В. Кубарева «Тамга рода Ашидэ из раннесредневекового погребения с конем на Алтае: историко-культурный контекст», О. В. Дьяковой «Мохэские памятники Северо-Восточного и Восточного Приморья: классификация и датировка», Р. В. Давыдова «Технология изготовления железных предметов торевтики аскизской культуры: возможности статистического исследования» (онлайн), А. В. Варенова «Оформление хвостов верховых коней в средневековых им-

периях Северного Китая как хронологический и этнокультурный маркер», Д. К. Тулуша «Средневековые города Чуйской долины на трансконтинентальных торговых маршрутах Евразии» (онлайн), З. Ч. Ухинова «Погребальные комплексы XII–XIV вв. в окрестностях пос. Ясногорск (Юго-Восточное Забайкалье)» (онлайн), Дамчаабадгар Содномжамца «Монета “Жи Чжэн Тун Бао” династии Юань» (Юань улсын үеийн Жи Жэн Тун Бао зоос) (онлайн), Түвшинжаргал Түмүрбаатара «Прощание левой и приветствие правой: кости овцы в средневековых погребениях монгольского периода» (Баруун чөмгөөр угтаж, зүүн чөмгөөр үдэх ёсны улбаа буюу монгол булшинд шагайт чөмөг дагалдуулах зан үйл) (онлайн), Ян Фанхао «Исследование согдийских погребений в районе Турфана. Семейный некрополь рода Кан на могильнике Гоуси» (吐鲁番地区的粟特人墓葬研究 以沟西康氏家族墓地为中心) (онлайн),

На секции «Первобытное искусство, сохранение археологического наследия и история науки» были представлены доклады Д. Г. Маликова «Биологические особенности зооморфных изображений «минусинского» стиля (по материалам памятника Тепсей I)», О. Ю. Ячменёва «Писаницы в урочище “Дворцы” (бассейн реки Ингоды, Восточное Забайкалье)» (онлайн), О. В. Сусловой «К проблеме изучения и сохранения памятника археологии Шишканская писаница», М. В. Панюхина «Новые археологические открытия в Среднем Приангарье», Базаргүр Лхагвасурэн «Об обнаружении археологических объектов, находящихся под угрозой исчезновения, с помощью системы Google» (Google engine программыг ашиглан эрсдэл учирсан археологийн дурсгалыг илрүүлэх тухай), С. В. Бураевой «Археологическая экспозиция Музея БНЦ СО РАН: концепция, художественное решение, персоналии», О. Р. Рахматуллиной «Исследовательская деятельность П. П. Хороших на страницах газеты “Власть труда”», Н. П. Макарова «Урянхайская экспедиция Красноярского подотдела РГО».

На секции «Этнология и антропология» выступили Л. Д. Дамба с докладом «Этногенез популяций Южной Сибири через призму генетических и археологических исследований» (онлайн) и А. И. Бураев с докладом «Коллекции посткраниальных материалов с территории Бурятии».

Полные тексты всех докладов были записаны организаторами на USB-накопителях, полагавшихся каждому участнику конференции вместе со стандартным набором для раздачи (отпечатанная программа конференции, бэйдж, ручка, блокнот). Правда, остается неясным, будет ли напечатана бумажная версия сборника материалов конференции и состоится ли ее индексация в РИНЦ. В этом плане предшествующая XI (Абаканская) конференция 2021 г., где бумажная версия сборника материалов конференции была отпечатана и роздана ее участникам еще до начала заседаний (см. [Варенов, 2021, с. 134]), очень выгодно отличалась как от XII Иркутской, так и от более ранней десятой, прошедшей осенью 2019 г. в Пекине. Судьба неизданного сборника материалов последней до сих пор остается неизвестной (см. [Варенов, 2020, с. 176]).

После официального подведения итогов работы конференции для ее участников провели полевые выезды в основные районы Прибайкалья с археологическими памятниками. 27 сентября была организована экскурсия по археологическим объектам притока Ангары р. Белой, в долине которой в районе г. Усолье-Сибирское находятся многослойные неолитические памятники Усть-Хайта, Мальта-Мост 1 и 3. Археологи осмотрели также расположенную поблизости знаменитую палеолитическую стоянку Мальта, раскопки которой начались почти сто лет назад. Экскурсионная программа на 28–30 сентября предусматривала выезд на оз. Байкал в Ольхонский район. В первый день, 28 сентября, участники добрались до места и посетили многослойное местонахождение Улан-Хада. В течение следующего дня, 29 сентября, состоялась экскурсия по археологическим объектам острова Ольхон. 30 сентября участники конференции вернулись в Иркутск.

Список литературы

Варенов А. В. X Международная научная конференция «Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020.

Т. 19, № 4: Востоковедение. С. 173–176. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-173-176

Варенов А. В. XI Международная научная конференция «Древние культуры Монголии, Байкальской и Южной Сибири, Северного Китая» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 131–135. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-131-135

References

Varenov A. V. X International Scientific Conference “Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies, p. 173–176. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-173-176

Varenov A. V. XI International Scientific Conference “Ancient Cultures of Mongolia, Baikal and South Siberia, Northern China”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 10: Oriental Studies, pp. 131–135. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-131-135

Информация об авторе

Андрей Васильевич Варенов, кандидат исторических наук, доцент

Scopus Author ID 57189442974

WoS Researcher ID IST-6876-2023

RSCI Author ID 556744

SPIN 3690-2300

Information about the Author

Andrey V. Varenov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

Scopus Author ID 57189442974

WoS Researcher ID IST-6876-2023

RSCI Author ID 556744

SPIN 3690-2300

*Статья поступила в редакцию 02.10.2023;
одобрена после рецензирования 05.10.2023; принята к публикации 09.10.2023
The article was submitted on 02.10.2023;
approved after reviewing on 05.10.2023; accepted for publication on 09.10.2023*

Информация для авторов

Авторы представляют статьи на русском языке объемом до 1,0 печатного листа (40 тыс. знаков с пробелами, шрифт Times New Roman, кегль 12, аннотации – кегль 10, межстрочный интервал 1,5), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить:

- 1) сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы;
- 2) контактный телефон, электронный и почтовый адреса автора, его ID в базах данных.

Обязательным требованием является наличие *ключевых слов* (не более 15) и *резюме статьи* на русском (не менее 1 000 знаков без пробелов) и английском (240-270 слов – не более 1 800 знаков с пробелами) языках, а также авторский перевод названия статьи на английский язык, индекс УДК (Универсальной десятичной классификации).

Образец оформления статьи

УДК 902.694

**Корейский полуостров и Японские острова:
сложение особенностей и заимствование культурных традиций**

Иван Иванович Иванов

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
ivan@academ.org, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация (на русском языке)
Ключевые слова (на русском языке)
Благодарности (на русском языке)

**Korean Peninsula and Japanese Islands:
Forming Features and Borrowing Cultural Traditions**

Ivan I. Ivanov

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
ivan@academ.org, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

Keywords

Acknowledgements

Основной текст статьи

Список литературы

References

Информация об авторах

Information about the Authors

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются фамилия автора или первые слова названия публикации без автора, год, номер страницы, например: [Алексеев, 1976, с. 2] или [Энциклопедия игр, 1989, т. 1, с. 184].

В конце статьи помещается список литературы (всего не менее 15–20 публикаций, включая размещаемые подстранично интернет-источники) в алфавитном порядке (сначала блок публикаций на русском, затем на европейских и в конце на восточных языках). Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа, для восточных авторов фамилия и личное имя полностью), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи).

Образцы составления библиографического описания

Ким Бусик. Самгук саги: Летописи Силла / Пер. и вступ. ст. М. Н. Пака. М.: Вост. лит., 2001. Т. 1. 384 с.

Черемисина М. И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. 896 с.

Kakar H. The Fall of the Afghan monarchy in 1973. *Int. J. of Middle Eastern Studies*, 1978, vol. 9, no. 2, pp. 195–214.

Ан Чхольхва. Маджак пэуги [마작 배우기]. 서울: 넥서스 부그스]. Обучение игре маджак. Сеул: Нэксос бук, 2001. 176 с. (на кор. яз.)

Гакусю: дзиммэй дзитэн [學習人名事典]. 東京 : 富士教育]. Учебный словарь имен. Токио: Фудзи кёику, 1983. 400 с. (на яп. яз.)

Ма Гоцзюнь, Ма Шуюнь. Чжунхуа чуаньтун юси дациоань [麻国钧, 麻淑云。中华传统游戏大全。北京: 农村读物出版社]. Все о китайских традиционных играх. Пекин: Нунцунь дуу чубаньшэ чубань, 1990. 610 с. (на кит. яз.)

Сато Сэкико. Гэндзи-моногатари-но буцукан – хо:бэн-но омои-ни сокуситэ [佐藤勢紀子。『源氏物語』の仏觀 –方便の思いに即 して– // 日本文学。京都 : 日本文学教会]. Буддийское мировоззрение в романе «Гэндзи-моногатари»: о принципе хо:бэн // Японская литература. Киото: Нихон бунгаку кё:кай, 2002. № 51–12. С. 1–11. (на яп. яз.)

Чэнь Сяньдань, Чэнь Дэань. Шиси саньсиндуй ичжи шандай ихао кэн дэ синчжи цзи югувань вэньти [陈显丹, 陈德安。试析三星堆遗址商代一号坑的性质及有关问题 // 四川文物]. Предварительное изучение характера ямы № 1 шанского времени на памятнике Саньсиндуй и связанных с ней вопросов) // Сычуань вэньу. 1987. № 4. С. 27–29. (на кит. яз.)

Чэнь Хунхай, Ван Гошунь, Мэй Дуаньчжи, Су Нань. Цинхай тундэ сянь цзунжи ичжи фацзюэ цзяньбао [陈洪海, 王国顺, 梅端智, 素南。青海同德县宗日遗址发掘简报 // 考古]. Краткий отчет о раскопках памятника Цзунжи в уезде Тундэ, пров. Цинхай // Каогу. 1998. № 5. С. 1–14. (на кит. яз.)

Образцы составления списка литературы в транслитерации (References)

Voytishek E. E., Bordjigid A., Karpova T. K., Izmailova M. V. Traditsionnyi prazdnik kalligrafii v Pavil'one Orkhidei i sud'ba sovremennyykh intellektualov [Traditional Calligraphy Festival at the Orchid Pavilion and the Destinies of Modern Chinese Intellectuals]. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2012, vol. 12, no. 10: Oriental Studies, pp. 163–173. (in Russ.)

Voytishek E. E. Igrovye traditsii v dukhovnoi kul'ture stran Vostochnoi Azii (Kitai, Koreya, Yaponiya) [Game tradition in the culture of East Asia countries (China, Korea, Japan)]. Novosibirsk, 2011, 312 p. (in Russ.)

Sun Yuxiang. Xiandai wenren de yin yu tong [孙玉祥。现代文人的隐与痛。广州市, 中国友谊出版公司]. The Secret and Pain of the Modern Man of Culture. Zhongguo youyi chuban gongsi, 2010, 158 p. (in Chin.)

Ссылки на архивные документы, а также источники и труды, опубликованные в Интернете и не поддающиеся библиографическому описанию, как и авторские примечания, оформляются в виде сносок внизу страницы¹. Иллюстрации (рисунки, фотографии) следует предоставлять в форматах .jpg, .tif, .cdr. Допускается создание таблиц и диаграмм в Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Подписи к иллюстрациям и таблицам обязательно предоставляются и на русском, и на английском языках.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе электронной переписки в строго определенные для этого редакторской сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи.

Требования к содержанию публикуемых материалов

В «Вестнике НГУ» публикуются статьи, соответствующие основным рубрикам журнала, а также рецензии, дискуссии, хроника.

Рабочие языки выпуска «Востоковедение» – русский, английский, китайский, японский и корейский. Статьи на иностранных языках публикуются с кратким изложением содержания на русском языке. Для статей, цитат и терминов на восточных языках следует придерживаться следующих рекомендаций: для китайского языка – палладиевская транскрипция, шрифт SimSun; для японского языка – поливановская транскрипция, шрифт MS Mincho; для корейского языка – транскрипция по системе Л. Р. Концевича, шрифт Gulim. В списке литературы в конце каждой статьи следует указывать язык, на котором выполнена публикация: (на рус. яз. / кит. яз. / яп. яз. / кор. яз.) и (in Russ. / Chin. / Jap. / Kor.).

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из ранее опубликованных научных работ. Редакция оставляет за собой право редактирования, сокращения (по согласованию с автором) и адаптации публикуемых материалов к рубрикам журнала.

Все статьи проходят **обязательное двойное слепое рецензирование**. По итогам рецензирования принимается решение о возможности публикации представленной статьи. Плата за публикацию не взимается, гонорары не выплачиваются.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (каб. 2211, новый корпус НГУ), переслать по электронной почте или обычной почтой.

Адрес редакционной коллегии выпуска «Востоковедение» серии «История, филология»:

Новосибирский государственный университет
Гуманитарный институт, отделение востоковедения
ул. Пирогова, 1, каб. 2211, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363 42 37
E-mail: orient@lab.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке,
подписной индекс 11227 в каталоге «Пресса России»

¹ Гаслюк А. Обама убил двух зайцев. США сохранят присутствие в Афганистане как минимум до 2024 года // Рос. газета. URL: <http://www.rg.ru/2012/05/02/afghanistan-site.html> (дата обращения 03.05.2016).